

ЦЕРКОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО

ВЪ ПЕРІОДЪ ВСЕЛЕНСКИХЪ СОБОРОВЪ

(ACCUSATIO)

И ВЛІЯНІЕ НА НЕГО РИМСКО-ВИЗАНТІЙСКАГО ПРОЦЕССУАЛЬ-
НАГО ПРАВА.

П. Прокошевъ.

КАЗАНЬ.

Типо-литографія Императорскаго Университета.

1900

Памяти матери († 20 окт. 1899 года)
авторъ посвящаетъ свой трудъ.

Введение.

Наша каноническая литература по вопросу о церковномъ судопроизводствѣ стоитъ въ тѣсной связи съ исторіей правительственныхъ мѣропріятій, предпринимаемыхъ съ цѣлю улучшения церковно-судебныхъ порядковъ.

Сопоставленіе свѣтскаго преобразованнаго суда—скараго праваго, милостиваго и равнаго для всѣхъ,—построеннаго на совершенно новыхъ началахъ, съ судомъ духовнымъ слишкомъ ярко отгѣнило недостатки послѣдняго ¹⁾, и побудило Св. Синодъ принять мѣры, чтобы сдѣлать духовные суды „столько же способными къ раскрытію истины, къ установленію правды, какъ и суды свѣтскіе государственные“ ²⁾.

Вслѣдъ за первымъ Комитетомъ, работавшимъ съ 1865—1868 г., подъ предсѣдательствомъ Филовея, архіепископа Тверскаго ³⁾, учреждается при Св. Синодѣ въ концѣ 1869 г. второй Комитетъ изъ лицъ свѣтскихъ и духовныхъ, подъ предсѣдательствомъ архіепископа Литовскаго Макарія. Задачею этого Комитета, какъ гласитъ о томъ Высочайшее повелѣніе, было „составить основныя положенія преобразованія судебной части по духовному вѣдомству, сообразно тѣмъ началамъ, на которыхъ совершенно преобразование судоустройства и судо-

¹⁾ Эти недостатки обрисованы широкою, хотя по мѣстамъ и довольно свободною, кистію проф. Соколова. Пр. Обзор. 1870. I 823—853 и 973—1010 стр.

²⁾ Предполагаемая реформа церк. суда. I вып. 90 стр. СПб 1873.

³⁾ См. Руновскій. Церковно-гражданскія законоположенія относительно прав. духовенства въ царствованіе имп. Александра II. 185—187 стр. Казань 1898 г

производства по гражданскому, военному и морскому вѣдомствамъ, по примѣненію этихъ началъ, насколько окажется полезнымъ и возможнымъ, въ свойству, цѣлямъ и потребностямъ суда духовнаго“¹⁾).

Одновременно съ оффиціальными работами по составленію проекта церковно-судебной реформы, обсужденіемъ этого вопроса занялась текущая духовная и свѣтская литература, при чемъ первая разрабатывала главнымъ образомъ, вопросъ о тѣхъ началахъ, на которыхъ покоился церковный судъ въ первые три вѣка христіанства и въ эпоху вселенскихъ соборовъ и тѣхъ органахъ, которые въ этотъ періодъ отправляли церковную юрисдикцію, вторая же трудилась надъ вопросомъ о компетенціи церковнаго суда²⁾).

Однако ни оффиціальныя работы Комитета, ни горячія обсуждения вопроса публицистами на страницахъ періодической печати не дали никакихъ положительныхъ *практическихъ результатовъ*. Причина этого кроется въ томъ обстоятельстве, что члены Комитета, оффиціально призванные выработать проектъ духовно-судебной реформы, были лица разныхъ школъ—юридической и богословской и разныхъ церковно-политическихъ направленій—бюрократическаго и іерократическаго³⁾).

¹⁾ Предпол. реформа церк. суда вып. I стр. I.

²⁾ Подробное указаніе свѣтской и духовной литературы можно найти въ сочиненіи «предполагаемая реформа церк. суда II вып. съ 93—292 стр. Ср. соч. Руновскаго. 233—286 стр.

³⁾ Кромѣ предсѣдателя, въ составъ Комитета вошли слѣдующія лица: 1) бывшій главный священникъ арміи и флота, докторъ богословія, протоіерей М. И. Богословскій; 2) членъ Кіевской Дух. Консисторіи, кафедральный протоіерей П. Г. Лебединцевъ; 3) членъ Кіевской Дух. Консисторіи и ординарный проф. Университета св. Владиміра, докторъ богословія, прот. Н. А. Фаворовъ; 4) членъ Московской Дух. Консисторіи, прот. I. Н. Рождественскій; 5) членъ С.-Петербургской Дух. Консисторіи, прот. Н. П. Содальскій; 6) старшій предсѣдатель С.-Петербургской Судебной палаты, сенаторъ т. с. А. С. Любимовъ; 7) старшій чиновникъ 2-го отдѣленія собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, т. с. Ѳ. М. Маркусъ; 8) ордин. проф. С.-Петербургскаго Университета, докторъ юридическихъ наукъ д. с. с. С. В. Пахманъ; 9) ордин. проф. того же Университета, докторъ уголовнаго права с. с. Н. П. Чебышевъ—Дмитріевъ; 10) бывшій товарищъ предсѣдателя С.-Петер-

Представители бюрократическаго направленія—чиновники отъ государства,—увлекаясь новыми юридическими началами, выработанными наукой и положенными въ основу судебныхъ учреждений по гражданскому вѣдомству, желали на этихъ же самыхъ устояхъ утвердить и церковный судъ: съ особеннымъ усиленіемъ они проводили принципъ отдѣленія суда отъ администраціи, въ видахъ ограниченія того іерократическаго абсолютизма, который усматривали въ лицѣ епархіальнаго архіерея. Представители іерократическаго направленія (церковные іерархи и теологи—канонисты) находили совершенно невозможнымъ реформировать церковный судъ по началамъ свѣтскаго суда, видя противорѣчіе этихъ началъ откровенному христіанскому ученію и основнымъ каноническимъ нормамъ, и энергично отстаивали status quo въ положеніи церковно-судебной власти¹⁾. Оффиціальныя работы Комитета давали тонъ публицистическимъ статьямъ періодической прессы: послѣднія были только какъ бы эхомъ, отголоскомъ воззрѣній членовъ Комитета, раздѣлившихся на двѣ неравныя партіи, а потому, естественно, и журнальныя статьи характеризуются тою же борьбою двухъ указанныхъ выше направленій, тѣмъ болѣе что многія изъ этихъ статей (если не большинство) принадлежатъ перу самихъ же членовъ Комитета²⁾. Отсутствие солидарности въ воззрѣніяхъ членовъ Комитета по вопросу о

бургскаго Окружнаго суда (членъ Консультациіи Министерства Юстиціи д. с. с. И. А. Сабуровъ 11) членъ Консультациіи Министерства Юстиціи, д. с. с. А. С. Бурлаковъ; 12) бывшій прокуроръ С.-Петербургскаго Окружнаго суда (юрисконсультъ при шефѣ жандармовъ) с. с. М. Н. Баженовъ; 13) бывшій предсѣдатель С.-Петербургскаго столичнаго мирового съѣзда (старшій юрисконсультъ Консультациіи при Министерствѣ Юстиціи) надв. сов. Н. А. Неклюдовъ; 14) экстраорд. проф. Московской Дух. Академіи, А. Θ. Лавровъ; 15) экстраорд. проф. С.-Петербургской Дух. Академіи, Т. В. Барсовъ; и 16) юрисконсультъ при Оберъ-Прокурорѣ Св. Синода, д. с. с. В. А. Степановъ См. «о работахъ по преобразованію духовно-судебной части». Христ. чтеніе 1873. II 618—619 стр.

¹⁾ Это направленіе рѣзко выразилось въ мнѣніяхъ Духовныхъ Консисторій и епархіальныхъ архіереевъ относительно проекта преобразованій духовно-судебной части. См. статьи проф. Горчакова въ Сборн. Госуд. знаній II т. 1—24 стр. (библіографія).

²⁾ См. «Предполагаемая реформа» .. выш. II 143—139 стр.

церковно-судебной реформѣ и было главною причиною того, что ни проекты Комитета, ни проекты частныхъ лицъ не получили Высочайшаго утверждепія, а слѣдовательно и практическаго приложенія ¹⁾).

Каковы же, спрашивается *научные результаты* всей этой обширной журнальной литературы? Что можетъ дать она въ частности по интересующему насъ вопросу о церковномъ судопроизводствѣ періода вселенскихъ соборовъ?

Оставляя въ сторонѣ мелкія статьи, разбросанныя въ разныхъ свѣтскихъ періодическихъ изданіяхъ, какъ не имѣющія научнаго значенія, обратимся прямо въ болѣе или менѣе обширнымъ журнальнымъ статьямъ, принадлежащимъ перу тогдашнихъ представителей нашей канонической науки профессоровъ церковнаго права въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ (Соколова, Барсова и Лаврова). Въ своихъ статьяхъ названные канонисты только *отчасти* касаются самаго судопроизводства въ эпоху вселенскихъ соборовъ, занимаясь главнымъ образомъ, путемъ подробнаго анализа даннымъ церковнаго законодательства и церковно-судебной практики, установленіемъ принципіальныхъ положеній по вопросу объ организаціи церковно судебной власти,—въ цѣляхъ прочнаго обоснованія начертанныхъ ими проектовъ преобразованія духовнаго суда. Такъ, проф. Соколовъ прямо заявляетъ, что рядъ статей предпринятъ имъ „не для рабскаго подраженія древнимъ формамъ церковнаго устройства... а для выясненія основаній, на которыхъ должны утверждаться современные преобразования“ ²⁾). Такимъ же замѣчаніемъ предваряетъ свои статьи и проф. Барсовъ: „Историко-каноническое изслѣдованіе того, на какихъ именно началахъ развивался и въ какихъ именно формахъ существовалъ и дѣйствовалъ духовный судъ въ древней вселенской и нашей русской церкви, пишетъ онъ, отвергаетъ намъ твердыя каноническія и историческія данныя къ тому, чтобы высказать болѣе вѣрныя и удовлетворительныя

¹⁾ Болѣе подробное изложеніе этихъ мыслей—см. въ статьѣ «Научная постановка церковно-суднаго права». Сборн. Госуд. знаній II. 223—270 стр. См нашу книгу: «Каноническіе труды Іоанна, епископа Смоленскаго» Казань 1895 г. 380—384 стр.

²⁾ Прав. Обзор. 1871 II. 506 стр.

собственныя соображенія о желательныхъ началахъ и формахъ духовнаго суда, примѣнительно къ потребностямъ жизни и исторіи“¹⁾ Также цѣль преслѣдовалась и сочиненіемъ проф. Лаврова: „Предполагаемая реформа церковнаго суда“²⁾.

Само собою разумѣется, что каждый изъ канонистовъ былъ живо заинтересованъ въ судьбѣ предлагаемаго имъ проэкта: каждому желательно было провести свой проэктъ, а для этого необходимо было доказать полную, такъ сказать, каноничность собственнаго проэкта и неканоничность проэктовъ своихъ противниковъ³⁾. Возникла полемика, во время которой спорящія стороны, увлекшись полемическимъ пыломъ, утратили душевное равновѣсіе спокойствіе и самообладаніе, столь необходимыя качества для объективнаго изслѣдованія спорнаго вопроса, смѣнились раздраженіемъ другъ противъ друга, которое, какъ извѣстно, туманитъ ясность умственнаго взгляда. Прямымъ и естественнымъ слѣдствіемъ этого была тенденціозность произведеній, принадлежащихъ перу названныхъ канонистовъ. Каждый изъ нихъ смотритъ на церковное судопроизводство эпохи вселенскихъ соборовъ съ точки зрѣнія защищаемаго имъ основнаго принципа и въ то время какъ проф. Соколовъ, защитникъ бюрократическаго направленія, видитъ вліяніе стороннихъ факторовъ въ такихъ моментахъ церковно-судебнаго процесса, которые были опредѣлены самою церковію, проф. Лавровъ, горячій сторонникъ направленія іерократическаго, отрицаетъ это вліяніе и тамъ, гдѣ оно не подлежитъ никакому сомнѣнію⁴⁾.

¹⁾ Христ. Чтеніе 1870 II. 479—480 Ср. 1871. II. 243—246.

²⁾ См. предисловіе къ I и II вв.

³⁾ Проэктъ проф. Соколова изложенъ въ Прав. Обоз. 1871 I. 321—673; проф. Лаврова — Предп. реф. II в. 304—363 стр. и проф. Барсова Хр. Чт. 1873 I. 455—489 стр.

⁴⁾ Проф. Барсовъ въ своихъ сужденіяхъ о желательныхъ улучшеніяхъ въ организаціи духовнаго суда въ значительной степени примыкаетъ къ воззрѣніямъ проф. Соколова. Предоставляя епископу только административное право налагать на виновныхъ взыскація, вытекающее изъ лежащей на немъ обязанности надзирать *ἐπισκοπήν* за соблюденіемъ уставовъ и правилъ въ подчиненномъ ему предѣлѣ (Хр. Чтеніе 1873 г. I. 457—458 466.), проф. Барсовъ, подобно проф. Соколову, судъ въ собственномъ смыслѣ считаетъ необходимымъ поставить «внѣ стѣснительныхъ вліяній епископа, дабы

Конечно, въ статьяхъ почтенныхъ канонистовъ и по вопросу о церковномъ судопроизводствѣ не мало дано историко-каноническаго матеріала, не мало высказано цѣнныхъ соображеній (особенно талантливымъ проф. Соколовымъ); но эти статьи, вызванныя практическими потребностями того времени и имѣющія въ виду—познакомить читающую публику съ реформаторскими предначертаніями ихъ авторовъ,—и не претендуютъ на научное изслѣдованіе вопроса—ни о церковномъ судѣ вообще, ни тѣмъ болѣе, о церковномъ судопроизводствѣ въ частности, а потому этими статьями нисколько не устраняется необходимость изслѣдованія, съ большею широтою и подробностію захватывающаго послѣдній вопросъ ¹⁾.

Не устраняется необходимость такого изслѣдованія и специальнымъ трудомъ о церковномъ судѣ г. Заозерскаго „Церковный судъ въ первые вѣка христіанства“, появившимся въ свѣтъ вслѣдъ за журнальной полемикой по поводу церковно-судебной реформы, хотя этотъ трудъ и претендуетъ на полное и точное изображеніе церковнаго суда первыхъ вѣковъ христіанства. Мотивируя появленіе своего труда „интересами теоретическими, научными“ и опредѣляя отношеніе его къ предшествовавшей журнальной литературѣ по этому вопросу, г. Заозерскій пишетъ: „полно ли наше представленіе о цер-

судъ, со свойственною ему свободою, изслѣдовалъ дѣйствительность совершеннаго преступленія, самостоятельно опредѣлялъ его тяжесть и полагалъ виновному соответственное наказаніе. Допустивъ такую постановку отношеній между архіереемъ и судомъ, реформа поступитъ, какъ намъ кажется, не только согласно съ канонами, но и въ видахъ обезпеченія правосудія; ибо вмѣшательство въ судъ административной власти, наблюдающей свои спеціальныя интересы, необходимо разстраиваетъ отправленія правосудія, стѣсняетъ свободу подсудимыхъ, для которыхъ защита предъ начальствомъ становится дѣломъ затруднительнымъ» Хр Чтеніе 1873 г I 462—463 стр Ср. разсужденія проф. Секолова Пр. Обоз. 1871 I 330—340. 673; 1870. I. 825—826. 979—981; 1871. II. 486—680.

¹⁾ Послѣ всѣхъ толковъ о преобразованіи у насъ церковнаго суда, говоритъ авторъ статьи. «искусственные приемы въ наукѣ каноническаго права» вопросъ этотъ не только не исчерпанъ и не разрѣшенъ, но совершенно запутанъ и оставленъ безъ всякаго движенія. Прав. Обозр. 1878 III 300. Такой же отзывъ обо всей этой журнальной литературѣ даетъ и проф. Горчаковъ Сборникъ госуд. заній II. 225 стр ср VII 5—6. стр. (библіографія)

жовномъ судѣ первыхъ вѣбовъ христіанства, какое дала намъ литература наша по этой части? Что оно не полно, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія уже потому одному, что нашимъ изслѣдователямъ и не представлялось нивакихъ понужденій подробно разсматривать этотъ судъ: для нихъ достаточно было указать въ немъ только на то, что имѣло какое либо отношеніе къ спорнымъ и занимавшимъ ихъ вопросамъ. Далѣе, вѣрно ли наше представленіе и о дѣйствительно изслѣдованныхъ сторонахъ древняго церковнаго суда? И этотъ вопросъ наша литература не разрѣшаетъ окончательно, ибо спорившіе между собою изслѣдователи разошлись съ противоположными возрѣніями на этотъ предметъ: одни нашли древній судъ церкви нисколько не противорѣчащимъ съ выработаннымъ проектомъ реформы нашего церковнаго суда, другіе, напротивъ, нашли ихъ не согласующимися между собою¹⁾. Но насколько „полно и точно“ изображеніе церковнаго суда, давнее г. Заозерскимъ? Достаточно поверхностнаго знакомства съ его трудомъ, дабы убѣдиться, что трудъ этотъ написалъ въ томъ же іерократическомъ направленіи, въ какомъ написаны и произведенія проф. Лаврова и представляетъ ничто иное, какъ замаскированную апологію возрѣній послѣдняго. Это и было подмѣчено современной канонической критикой. „При чтеніи книги г. Заозерскаго, пишетъ проф. Горчаковъ, замѣтно стараніе—въ виду споровъ о церковномъ судѣ, бывшихъ по поводу проекта духовно-судебной реформы,—„окончательно“ и „полно“ представить въ смыслѣ одной изъ спорящихъ сторонъ тѣ стороны древняго церковнаго суда, которыя составляли предметъ споровъ... что его книга по своему направленію примыкаетъ къ тѣмъ произведеніямъ литературы, которыя явились со стороны іерократическаго направленія въ разрѣшеніи вопросовъ о церковномъ судѣ и что она какъ бы и написана для поддержанія этого направленія“²⁾. Такое же впечатлѣніе произвелъ трудъ г. Заозерскаго и на автора статьи „искусственные приемы“... Напрасно г. Заозерскій, замѣчаетъ онъ, старается представить, что его изслѣдованіе не имѣетъ никакого отношенія къ партіямъ и спорамъ, высказавшимся у

¹⁾ См. предисловіе II—III стр

²⁾ Сборн. Госуд знаній VII 9 и 12 стр. (библіографія).

насъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ по этому вопросу, и что онъ задается лишь чисто научными цѣлями. Едва ли кто-нибудь, читая его книгу, можетъ остаться въ недоразумѣніи относительно того, что наука имѣетъ здѣсь не самостоятельное, а служебное значеніе, и что изслѣдованіе предпринято и написано съ тою цѣлію, чтобы цѣпкою древней церкви и свидѣтельствами древнихъ памятниковъ доказать правильность „известныхъ“ представленій о церковномъ судѣ, тѣхъ именно, какія выставлены были *одною* изъ партій, полемизировавшихъ по вопросу о нашей духовно-судебной реформѣ. Тема изслѣдованія здѣсь была намѣчена заранѣе и заключительные выводы готовы были прежде самаго изслѣдованія: изслѣдователю оставалось только подобрать подъ эти выводы возможно болѣе ученыхъ аргументовъ, что онъ и исполнилъ весьма точно. Зачѣмъ было автору говорить объ „отрѣшенности отъ всякихъ практическихъ задачъ настоящаго времени, о полнотѣ и точности изслѣдованія? Почему бы ему не высказать прямо, что его изслѣдованіе находится въ тѣсной связи со взглядами одной изъ партій, высказавшихся по вопросу о церковномъ судѣ, и имѣетъ въ виду научное обоснованіе и оправданіе этихъ взглядовъ? И тѣ выводы, которые авторъ высказываетъ въ концѣ книги, какъ заключеніе къ изслѣдованію, почему бы не поставить ему въ самомъ началѣ, какъ исходные пункты для изслѣдованія или лучше сказать для подтвержденія? Въ такомъ случаѣ если бы въ изслѣдованіи автора было и не болѣе научности, по крайней мѣрѣ, болѣе было бы прямоты¹⁾.

Мы позволили себѣ сдѣлать эту длинную выписку на томъ основаніи, что и сами всецѣло раздѣляемъ содержащійся въ ней отрывъ о характерѣ труда г. Заозерскаго.

Однимъ словомъ, современная каноническая критика нашла трудъ г. Заозерскаго тенденціознымъ, исполненнымъ неточностей и противорѣчій²⁾ и не свободнымъ отъ подтасовки источниковъ³⁾. Въ частности, по вопросу о церковномъ судопроизводствѣ г. Заозерскій, въ прямой ущербъ истинѣ,

¹⁾ Прав. Обозр. 1878. III. 307—308 стр

²⁾ Сборн. Госуд. знаній VII 10—11 стр

³⁾ Прав. Обозр. 1878. III. 671 стр

силится доказать, что тѣ процессуальныя формальности, которыя усматриваются въ судопроизводствѣ эпохи вселенскихъ соборовъ, суть плодъ самобытнаго творчества церкви и что вліяніе римскаго процесса на процессъ каноническій ограничилось заимствованіемъ только нѣкоторыхъ подробностей и мелочей (нотаріи, протоколъ и обвинительный актъ), при чемъ и это заимствование „было вполнѣ приспособлено и согласовано съ общими требованіями церковнаго судопроизводства и существенныхъ измѣненій въ немъ не произвело“¹⁾.

Главное побужденіе, которое руководило авторомъ при выборѣ предмета для настоящей работы, — чисто субъективнаго свойства: ему желательно было видѣть въ этой работѣ какъ бы нѣкоторое дополненіе къ диссертациі „Каноническіе труды Іоанна, епископа Смоленскаго“, въ которой интересный вопросъ о взаимоотношеніи римскаго и каноническаго процессовъ затронуть только мимоходомъ²⁾.

Такимъ образомъ, задачу настоящаго изслѣдованія составляетъ объективное, чуждое всякаго пристрастія, всякихъ личныхъ симпатій, и подробно изложеніе церковнаго судопроизводства эпохи вселенскихъ соборовъ на основаніи изученія церковнаго законодательства, данныхъ церковно-судебной практики и римскаго процесса.

Само собою разумѣется, что исходнымъ пунктомъ для нашихъ разсужденій по вопросу о церковномъ процессѣ эпохи вселенскихъ соборовъ должно служить состояніе этого процесса въ первые три вѣка христіанства, дабы путемъ сравненія перваго съ послѣднимъ, читатель могъ легко опредѣлить, что именно въ церковномъ судопроизводствѣ вселенскаго періода явилось результатомъ самобытной творческой дѣятельности церкви и что должно быть отнесено на долю вліянія стороннихъ факторовъ. При этомъ мы будемъ имѣть въ виду только, такъ сказать, церковно-уголовный (по терминологіи нѣкоторыхъ канонистовъ — дисциплинарный) процессъ, возникшій по обвиненіямъ кого либо въ преступленіяхъ и про-

¹⁾ Церковный судъ въ первые вѣка христіанства 346—348 стр. На эту сторону дѣла было указано г. Заозерскому проф Павловымъ на его магистерскомъ диспутѣ. Пр Обзор. 1878. III. 671—672 стр.

²⁾ См. 291—298 стр.

ступкахъ обще-церковнаго характера (*accusatio*). Что церковь съ древнѣйшихъ временъ осуществляла судебную власть въ такихъ дѣлахъ, объ этомъ учить каждая страница исторіи и этого никто не будетъ отрицать, если не желаетъ уничтожить самое бытіе церкви, какъ особаго духовнаго и вмѣстѣ правоваго института ¹⁾

Что касается остальныхъ формъ процесса, окончательно выработавшихся въ западно-церковномъ процессуальномъ правѣ послѣ отдѣленія Западной церкви отъ Восточной (*суммарная accusatio* или *denuntiatio judicialis*, *purgatio canonica*, *inquisitio* и др.), то разсмотрѣніе ихъ не входитъ въ задачу нашего изслѣдованія, хотя первоначальные слѣды этихъ формъ (напр., *denuntiatio judicialis* и *purgatio canonica*) и можно находить въ церковно-судебной практикѣ вселенскаго періода.

¹⁾ Gross Die Beweistheorie im canonischen Process.... Wien. 1867 s. 8.

Глава первая.

Приступая къ изложенію церковнаго судопроизводства въ первые три вѣка христіанства, мы, естественно, должны прежде всего обратиться къ тому мѣсту въ Евангеліи, которое содержитъ въ себѣ непосредственное распоряженіе Господа о церковномъ судѣ и которое считается классическимъ мѣстомъ (*locus classicus*) для доказательства карательной власти церкви ¹⁾. Спаситель говоритъ: „аще согрѣшитъ къ тебѣ братъ твой, иди и обличи его между тобою и тѣмъ единымъ: аще тебе послушаетъ, приобрѣлъ еси брата твоего. Аще ли тебе не послушаетъ, пойми съ собою еще единого или два: да при устѣхъ двою или тріехъ свидѣтелей станетъ всякъ глаголь. Аще же не послушаетъ ихъ, повѣждь церкви: аще же и церковь преслушаетъ, буди тебѣ, яко же язычникъ и мытарь. Аминь бо глаголю вамъ: елика аще свяжете на земли, будутъ связана на небеси, и елика аще разрѣшите на земли, будутъ разрѣшена на небесѣхъ“ ²⁾.

Какія данныя касательно церковнаго судопроизводства можетъ доставить намъ анализъ приведенныхъ словъ Спасителя?

1. Прежде всего въ этихъ словахъ Спасителя, даже и въ томъ случаѣ, если мы будемъ разсматривать ихъ отдѣльно, а не въ контекстѣ, не въ связи съ общимъ содержаніемъ XVIII главы, обращаетъ на себя вниманіе то обстоятельство, что открытому церковному суду должно предшествовать братское увѣщаніе склонить согрѣшившаго къ раскаянію и само-

¹⁾ Kellner.—Das Buss—und strafverfahren gegen Kleriker. . s. 5—6. Trier, 1863.

²⁾ Мѡ. XVIII. 15—18; ср. XVI. 19

осужденію и тѣмъ самымъ возстановить нарушенную имъ гармонию въ отношеніяхъ членовъ церкви. Необходимость такого отношенія къ согрѣшившему брату вытекаетъ изъ самаго существа хрисіанской религіи, задача которой привести всѣхъ вѣрующихъ къ братскому единенію во Христѣ („да вси едино будутъ“—Іоан. XVII. 21) и потому нужно не столько отлучать заблудшихъ овецъ стада Христова отъ церкви, сколько возвращать ихъ въ лоно ея, подобно тому доброму пастырю, который, имѣя сто овецъ и потерявъ одну изъ нихъ, оставляетъ девяносто девять и идетъ разыскивать потерянную (Мѣ. XVIII. 12—13) ¹⁾. Такимъ образомъ, приведенными словами Спаситель, устанавливая судъ церковный, заповѣдуетъ, чтобы духъ всепрощающей Евангельской любви, оживотворяющей всѣ жизненныя отношенія послѣдователей Христа ²⁾, проникалъ собою и церковный судъ: сначала необходимо, въ извѣстной разумной послѣдовательности, употребить всѣ возможныя мѣры нравственнаго воздѣйствія на согрѣшившаго брата въ цѣляхъ спасенія его души („приобрѣсти брата“) и только тогда, когда эти мѣры окажутся безплодными, передать дѣло суду церкви.

2. Церковное судопроизводство, стало быть, отрывалось по жалобѣ одного изъ членовъ церкви и совершалось въ присутствіи всей церкви — публично, открыто („повѣжды церкви“).

3. Справедливость обвиненія должна быть доказана, по крайней мѣрѣ, двумя или тремя свидѣтельскими показаніями: „да при устѣхъ двою или тріехъ свидѣтелей станетъ всякъ глаголь“. Это опредѣленіе заимствовано изъ Еврейскаго права (Второз. XIX. 15), въ которомъ такое именно количество свидѣтелей требовалось въ дѣлахъ уголовнаго характера, особенно когда поднимался вопросъ о жизни или смерти подсудимаго; при чемъ выраженіе „два или три свидѣтеля“ понималось въ томъ смыслѣ, что если одинъ свидѣтель, видѣвшій

¹⁾ Прекрасное разъясненіе мысли о томъ, что задача церкви—собрать, а не расточать стадо Христово, находится въ Постановленіяхъ Апостольскихъ II кн 55—56 гл., русск. перев. Казань 1864 г.

²⁾ О семъ разумѣютъ вси, яко мои ученицы есте, аще любовь имате между собою. Иоан XIII. 35

совершение преступнаго дѣянія, былъ въ то же время и обвинителемъ, то кромѣ него необходима была наличность еще двухъ свидѣтелей ¹⁾; если же, кромѣ обвинителя, будетъ только одинъ свидѣтель, то обвиняемый, самъ не признавшійся въ преступленіи, долженъ остаться безнаказаннымъ ²⁾. Въ духъ Моисеева законодательства говоритъ о свидѣтеляхъ и Спаситель ³⁾.

4. Въ анализируемыхъ словахъ Спасителя указываютъ, далѣе, всѣ существенныя принадлежности обыкновеннаго судебного разбирательства: *habes hic omnia, quae sunt exterioris iudicii propria-accusatorem, reum, iudicem, causae cognitionem, sententiam, coërcitionem* ⁴⁾.

¹⁾ Michaelis Mosaisches Recht. Frankfurt 1775. Th. VI. s. 126.

²⁾ Числѣ XXXV 30, Второзак. XVIII 6

³⁾ Въ указанномъ опредѣленіи Еврейскаго права Молиторъ полагаетъ источникъ не только каноническаго, но и римскаго закона (L. 8. c. de testib. IV 20) касательно роли свидѣтельскихъ показаній въ судебномъ процессѣ — *Ueber kanonisches. Gerichtsverfahren gegen Kleriker* s. 10 Mainz. 1856.

Авторъ цитованной статьи «искусственные приемы въ наукѣ каноническаго права» видитъ въ словахъ Спасителя не формальныхъ свидѣтелей, а простыхъ только посредниковъ при братскомъ примиреніи обиженнаго съ обидѣвшимъ «Изъ словъ Спасителя вовсе не видно, чтобы «единъ или два», которые приглашаются быть посредниками для примиренія обиженнаго съ обидѣвшимъ путемъ братскаго увѣщанія, непременно являлись въ качествѣ формальныхъ свидѣтелей противъ непримиряющагося обидчика на формальный судъ. Понятіе посредника въ дѣлахъ примиренія и понятіе свидѣтеля въ юридическомъ смыслѣ этого слова—два различныя понятія. Не всякій посредникъ захочетъ и не всякій можетъ быть формальнымъ свидѣтелемъ на судѣ; посредникомъ можетъ быть и такое лицо, которое не было непосредственнымъ свидѣтелемъ самаго факта нанесенія обиды, и потому не можетъ свидѣтельствовать о немъ на судѣ. Въ Евангельскомъ изреченіи понятіе посредника, имѣющее мѣсто при братскомъ примиреніи обиженнаго съ обидѣвшимъ, только сопоставляется, а не отождествляется съ понятіемъ свидѣтеля, примѣняемымъ закономъ Моисеевымъ къ формальному суду. Прав. Обзор. 1878 г. III. 573—574 стр. Такому объясненію противорѣчить положительный, категорическій тонъ рѣчи Спасителя, чуждый всякихъ условностей и оговорокъ, вынуждающій признать, что Спаситель говоритъ о свидѣтеляхъ въ томъ же смыслѣ и значеніи, въ какомъ трактуются и въ приведенномъ Имъ опредѣленіи Моисеева законодательства.

⁴⁾ *Devoti.—Institution. canon. lib. III tit. 1. § 7.*

5. Наконецъ, послѣдствіемъ церковнаго суда должно быть или примиреніе согрѣшившаго брата съ церковію или полное разобщеніе въ случаѣ упорной нераскаянности: „буди тебѣ, якоже язычникъ и мытарь“.

Такимъ образомъ, въ словахъ Спасителя указывается только сущность, цѣль и послѣдствія церковнаго суда, но не содержится никакихъ формальныхъ предписаній касательно того, какъ долженъ производиться этотъ судъ: самой судебной процедуры здѣсь нѣтъ. Здѣсь ничего не говорится относительно вызова обвиняемаго въ судъ, положенія сторонъ на судѣ, допроса свидѣтелей, способа доказыванія и пр.—словомъ, не указывается никакихъ процессуальныхъ формальностей, которыя въ цѣломъ составляютъ то, что мы обыкновенно называемъ судопроизводствомъ. Совершенно справедливо и очень мѣтко выражается авторъ статьи „искусственные приемы“..., что „повинный суду здѣсь, такъ сказать, доводится только до воротъ суда (и скажи церкви) и потомъ опять является уже по произнесеніи надъ нимъ приговора (аще же и церковь преслушаетъ), а какъ производится или долженъ производиться судъ надъ нимъ, объ этомъ ничего не говорится“¹⁾. Да и можно ли допустить, чтобы Божественный Учитель оставилъ строгими формальными предписаніями такія стороны въ жизни своихъ послѣдователей, которыя должны подлежать свободному, естественному развитію въ прямой зависимости отъ такихъ или иныхъ, благопріятныхъ или неблагопріятныхъ, условій и обстоятельствъ земнаго существованія церкви?! Если-бы это было такъ, то въ какомъ бы положеніи очутилась церковь Христова въ эпоху гоненій, будучи связана строгими формальными предписаніями своего Основателя касательно разныхъ процессуальныхъ обрядностей и не будучи въ то же время въ состояніи, въ силу исключительныхъ обстоятельствъ, выполнить ихъ?

Въ посланіяхъ Апостольскихъ мы встрѣчаемъ нѣсколько мѣстъ, тракующихъ о церковномъ судѣ (1 Тим. V. 19—20; I. 20. 1 Кор. V. 1—5, 13; VI. 1—8). Но всѣ эти мѣста,—предлагая неопровержимыя доказательства въ пользу того, что церковный судъ дѣйствовалъ въ Апостольское время внутри

¹⁾ Прав. Обзор. 1878 г III. 322. I примѣч.

церковнаго общества, какъ судъ самостоятельный, не только по дѣламъ, касающимся внутреннихъ церковныхъ отношеній и слѣдовательно, подлежащимъ компетенціи церкви, но даже, въ силу исключительныхъ условій церковной жизни того времени, по дѣламъ и отношеніямъ не церковнымъ,—не прибавляютъ ничего новаго по вопросу о церковномъ судопроизводствѣ. Въ то время какъ въ однихъ изъ приведенныхъ мѣстъ указывается только начальный моментъ церковно-суднаго процесса: принятіе обвиненія со свидѣтелями (1 тим. V. 19—20), въ другихъ—моментъ заключительный: произнесеніе надъ подсудимымъ судебного приговора (1 тим. I 20; 1 Кор. V. 1—5). Такимъ образомъ, и здѣсь мы видимъ подсудимаго только въ два момента: вошедшимъ въ ворота суда, гдѣ приносится на него обвиненіе, подтвержденное узаконеннымъ числомъ свидѣтельскихъ показаній и вышедшимъ оттуда уже послѣ произнесенія надъ нимъ судебного приговора; цѣльной юридической картины судопроизводства нѣтъ въ посланіяхъ Апостольскихъ, да и не могло быть въ это время. Было бы ошибочно думать, справедливо пишетъ Молиторъ, будто уже во времена апостольскія церковное судопроизводство практиковалось въ такихъ же процессуальныхъ формахъ, какія появились лишь въ среднія вѣка, потомъ подвергались теоретической обработкѣ и практическимъ видоизмѣненіямъ. Какъ въ притчѣ Спасителя горчичное зерно постепенно превращается въ большое дерево, такъ и начала церковной жизни и церковной власти растутъ и развиваются только со временемъ. Сущность вещи положена въ зернѣ, а развитіе—дѣло будущаго. Подобно тому какъ разнообразныя учрежденія человѣческаго общества, между прочимъ и правильное судопроизводство, слѣдуетъ искать не у патріарховъ, но у позднѣйшихъ поволнѣній, когда жизнь сдѣлалась сложнѣй, разнообразнѣй и запутаннѣй, такъ точно и въ церкви, царство которой не отъ міра сего, но которая тѣмъ не менѣе на этой землѣ пребудетъ до окончанія вѣка въ качествѣ церкви воинствующей и которая идетъ путями человѣческаго общества тамъ, гдѣ они не противорѣчатъ ея высшимъ цѣлямъ ¹⁾.

¹⁾ Molitor.—Ueber kanonisches Gerichtsverfahren.. s. 9

Духъ любви и кротости въ отношеніи къ подсудимому, публичность и простота, выражающаяся въ полнѣмъ отсутствіи всякихъ юридическихъ формальностей—вотъ тѣ начала, которыя характеризуютъ судебный процессъ въ вѣкъ Апостольскій. Онъ походилъ на открытую исповѣдь подсудимаго, когда послѣдній въ присутствіи всего общества и его представителей, или самъ сознавался въ грѣхѣхъ или былъ обличаемъ другими, причемъ онъ или просилъ себѣ мира и снисхожденія у общества и получалъ примиреніе или отвергался имъ отъ братскаго общенія и выслушивалъ приговоръ осужденія. Такой характеръ церковнаго процесса въ Апостольское время объясняется самымъ строемъ церковной жизни этого времени, исключавшимъ всякую необходимость въ какой либо строго опредѣленной судебной процедурѣ. Каждая церковная община представляла изъ себя въ собственномъ смыслѣ семью, въ которой епископъ былъ отцемъ, а остальные—дѣтьми, въ которой всѣ, подъ руководствомъ своего предстоятеля, считали себя обязанными принимать участіе во всѣхъ дѣлахъ церкви; между христіанами, какъ братьями одной церковной семьи, царилъ духъ полнѣйшаго и тѣснѣйшаго единенія, существовали самыя простыя отношенія, чуждыя всякаго формализма.

Перейдемъ къ разсмотрѣнію историческихъ и каноническихъ данныхъ о церковномъ судопроизводствѣ во времена послѣ—Апостольскія.

Прежде всего обращаетъ на себя вниманіе то обстоятельство, что свѣдѣнія по занимающему насъ вопросу, относящіяся ко II и III в. крайне скудны. Это объясняется, съ одной стороны, указаннымъ характеромъ отношеній первенствующихъ христіанъ между собою.

Первенствующие христіане, согласно ученію своего Божественнаго Законоположника (Лук. VI. 27—31), видѣли въ жалобѣ своего рода мщеніе и потому находили ее противоположно духу христіанской кротости, считая за лучшее терпѣть обиду, чѣмъ заводить распрю. „Когда васъ обижаютъ, предписываютъ христіанамъ Постановленія Апостольскія, вы не обижайте взаимно, но терпите, потому что Писаніе говоритъ: „не рцы: отмщу врагу за то, что обидѣлъ меня, но потерпи, да (Притч. XX. 22) отмститъ за тебя Господь и наведетъ отмщеніе на обижающаго тебя. И опять въ Евангеліи говоритъ оно: „любите враги ваша, добро творите ненавидящимъ васъ, и молитесь за тво-

рящихъ вамъ напасть и изгонящя, и будьте сынове Отца вашего, иже есть на небесѣхъ, яко солнце свое сіяетъ на злыя и благія, и дождитъ на праведныя и неправедныя (Мѳ. V. 44. 45). Будемъ, возлюбленные, внимать этимъ заповѣдямъ, чтобы чрезъ исполненіе ихъ оказаться намъ сынами свѣта. Итакъ снесите, рабы и сыны Божіи, другъ друга¹⁾. Съ особенною настойчивостію внушалъ христіанамъ такія воззрѣнія св. Климентъ Александрійскій: обвинять кого-либо предъ судомъ, говоритъ онъ въ своихъ Строматахъ, значитъ платить за несправедливость несправедливостію, такъ что самъ истецъ, если онъ приноситъ жалобу христіанскому судѣ, отступаетъ отъ закона, который повелѣваетъ любить враговъ своихъ и кротко переносить несправедливость²⁾.

Нѣкоторые христіане настолько глубоко прониклись такими воззрѣніями, что по свидѣтельству апологетовъ Аѳинагора и Мелитона, терпѣливо переносили всякаго рода потери и лишенія, даже хищенія всего своего имущества, не подавая на это жалобъ³⁾. Въ силу этого случаи судебного разбирательства были сравнительно очень рѣдки.

Другая и главнѣйшая причина скудости свѣдѣній касательно церковно-судебной практики II и III в.в. заключается въ самыхъ условіяхъ жизни Церкви Христовой за это время. Это была эпоха жестокихъ преслѣдованій и мученичества. Среди языческаго міра церковь Христова представляла чуждое, необъяснимое явленіе. Характерно въ этомъ отношеніи письмо въ имп. Траяну Плинія, проконсула Виѳиніи, испытывающаго всѣ средства къ тому, чтобы постигнуть тайны новаго христіанскаго ученія⁴⁾. Результатомъ усиленныхъ исканій. Плинія было признаніе, что вся вина христіанъ заключалась въ

¹⁾ Постановл. Апост. I кн. 2 г. 4 стр.; ср. III кн. 12 гл. 113 стр.; II кн. 45 и 46 гл. 76—78 стр.

²⁾ Clem. Al. Strom. lib. VII. p. 750 Edit. 1641 an.—Binterim. Die vorzüglichsten Denkwürdigkeiten. B. V. Th. II. S. 176. примѣч. Mainz. 1829.

³⁾ Ibidem. S. 177. примѣч.

⁴⁾ Латинскій подлинникъ этого письма—Ф. и С. Терновскіе—«Три епрвые вѣка христіанства». Кіевъ 1878. 95—96 стр.; русскій переводъ—въ приложеніи къ соч. Ф. Терновскаго «Греко-восточная церковь въ періодъ вселенскихъ соборовъ». Кіевъ. 1883 г. 531—532 стр.

томъ, что „въ опредѣленный день—день солнца предъ разсвѣтомъ они собирались вмѣстѣ, пѣли гимны Христу, какъ Богу, а равно и обязывались таинствомъ не на какое-нибудь преступленіе, но чтобы не совершать воровства, разбоя, прелюбодѣянiя, лжесвидѣтельства, утайки заклада; послѣ сего они обыкновенно расходились и опять собирались для принятiя пищи простой и безвредной (агапы) но эти вечернiя собранiя оставлены были послѣ указа императорскаго о тайныхъ обществахъ“. Языческій міръ, не понявъ христіанства, увидѣвъ въ христіанскихъ священнодѣйствiяхъ грубое, неумѣренное суевѣріе и вредное сумасбродство (*nihil aliud inveni, quam superstitionem gravam et immodicam*) всталъ въ открытую, смертельную вражду къ христіанамъ, заявивъ, въ оправданіе такого отношенiя, устами Плинія слѣдующее: „что бы такое ни было, что христіане исповѣдуютъ—во всякомъ случаѣ одно упрямство и непоколебимая твердость заслуживаютъ казни“ (*qualecunque esset, quod faterentur, pertinaciam certe et inflexibilem obstinationem debere puniri*).—Языческое государство лишило христіанъ всякой правоспособности, объявило церковь совершенно безправной ¹⁾.

Само собою разумѣется, что при такихъ обстоятельствахъ пастыри церкви не имѣли никакой возможности заниматься благоустройствомъ разныхъ внѣшнихъ сторонъ церковной жизни, а должны были обратить вниманіе на разъясненіе нравственно-догматическаго ученiя христіанской религіи и апологію ея предъ язычниками и іудеями. Поэтому-то въ сочиненiяхъ, дошедшихъ до насъ отъ этой отдаленной эпохи, мы не находимъ подробныхъ свѣдѣнiй по вопросу о церковномъ судопроизводствѣ.

Всѣ источники, относящіеся ко II и III вв., для удобства изложенiя, можно раздѣлить на три группы: а) сочиненiя отцевъ и учителей церкви съ нравственно-практическимъ и

¹⁾ *Propositum est edictum, говорить Лактанцій объ указѣ имп. Діоклетіана, quo cauebatur, ut religionis illius homines carerent omni honore ac dignitate, tormentis subjecti essent, ex quocunque ordine aut gradu essent; adversus eos omnis actio valeret; ipsi non de injuria, non de adulterio, non de rebus ablatis agere possent, libertatem denique ac vocem non haberent. De mort. persecut. cap. 13.—Patr. curs. compl. 1844. VII. 214.*

историческимъ содержаніемъ (Тертуліана, св. Игнатія Богоносца, св. Кипріана, еп. Карфагенскаго, Евсевія Кесарійскаго, и др.); в) сочиненія историко-каноническія (Апостольскія Постановленія) и с) каноническія въ собственномъ смыслѣ (правила Апостольскія) ¹⁾.

Источники первой группы даютъ указанія на то, что судопроизводство во II и III вѣкахъ такъ же, какъ и во времена Апостольскія, было публичное и совершалось въ общихъ молитвенныхъ собраніяхъ христіанъ. Тертуліанъ пишетъ: „Мы собираемся, чтобы читать Священное Писаніе, изъ котораго смотря по обстоятельствамъ, почерпаемъ необходимыя для насъ свѣдѣнія и наставленія. Святыми словами мы воспитываемъ вѣру, уврѣпляемъ надежду, утверждаемъ мужество, никакими распрами не мѣшая ученію наставниковъ. Тутъ же происходятъ увѣщанія, исправленія и произносятся приговоры именемъ Божиимъ. Ибо судъ произносится съ строгимъ изслѣдованіемъ и съ уврѣженностію въ присутствіи Божіемъ, а потому, то служитъ уже явнымъ предзнаменованіемъ будущаго осужденія если кто проступками своими заслужить быть отлученнымъ отъ общенія въ молитвахъ, въ собраніяхъ и другихъ священныхъ соотношеніяхъ. Предсѣдательствуютъ у насъ старцы, достигшіе таковой чести не куплею, но испытаннымъ достоинствомъ; дѣло Божіе цѣною золота не продается“ ²⁾. О публичности судопроизводства

¹⁾ Подобная группировка источниковъ можетъ быть оправдана ихъ сравнительною важностію для нашего изслѣдованія: въ источникахъ первой группы мы находимъ только отрывочныя указанія на церковное судопроизводство; въ Апостольскихъ Постановленіяхъ представлена цѣльная картина его, а въ Апостольскихъ правилахъ имѣются положительныя узаконенія касательно этого предмета.

Считаемъ необходимымъ послѣдующее изложеніе предворить замѣчаніемъ, что въ концѣ II и особенно въ III в. получаетъ широкое примѣненіе судъ соборный, но со стороны способа, внѣшнихъ приемовъ производства между нимъ и судомъ епархіальнымъ не было различія

²⁾ Творенія Тертуліана въ рус. перев. СПб 1847. 1 кн Апвлогия гл. XXXIX. Въ подлинникѣ читается такъ: *Coimus in coetum.. ibidem etiam exhortationes, castigationes et censura divina Nam et judicatur magno cum pondere ut apud caeteros de Dei conspectu summumque futuri iudicii praejudicium est, si quis ita deliquerit, ut a communicatione orationis et conventus*

говорить и св. Кипріанъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Карфагенскимъ пресвитерамъ: „когда, по изволенію Божію, станемъ снова собираться вмѣстѣ въ нѣдра нашей церкви, подвергнемъ ихъ дѣло (Фелициссима и пяти пресвитеровъ возмущившихся противъ самаго св. Кипріана) изслѣдованію предъ нами, предъ самыми исповѣдниками и предъ всѣмъ народомъ“¹⁾.

Вышеприведенное свидѣтельство Тертулліана даетъ нѣкоторое основаніе и для заключенія о томъ, что наряду съ епископомъ въ церковномъ судопроизводствѣ принимали активное участіе пресвитеры, въ качествѣ своего рода ассесоровъ—совѣтниковъ епископа²⁾

Болѣе ясныя и опредѣленные свидѣтельства объ участіи пресвитеровъ (и даже діаконѣвъ) въ отправленіи правосудія мы находимъ въ письмахъ св. Кипріана и въ сочиненіяхъ Оригена, „Когда Урбанъ и Сидоній исповѣдники, писалъ св. Кипріану папа Корнилій, пришли къ нашимъ пресвитерамъ, утверждая, что Максимъ исповѣдникъ желаетъ также возвратиться вмѣстѣ съ ними въ церковь, то чтобы не повѣрить имъ безразсудно... мы захотѣли изъ собственныхъ ихъ устъ, при личномъ ихъ признаніи выслушать то, что передавали они намъ чрезъ своихъ посланныхъ. Явившись и будучи отъ пресвитеровъ допрошены о поступкахъ своихъ, они увѣряли, что по коварному обольщенію увлеклись въ расколъ и допустили возложить руки на Новаціана, какъ бы на епископа. По передачѣ мнѣ всего дѣла, я заблагоразсудилъ собрать пресвитеровъ (при чемъ находилось и пять епископовъ) дабы,

et omnis sancti commercii relegatur Praesident probati quique seniores, honorem istum non pretio, sed testimonio adepti; neque enim pretio ulla res Dei constat.—Patr. curs. compli 1844. I 468 стр

¹⁾ Творенія св. Кипріана Карфагенскаго, въ рус. перев. письмо IX стр. 49. (ср. XI и X)

²⁾ Подъ «старѣйшими», которые изображаются предсѣдателями суда, нельзя разумѣть никого другого, кромѣ епископа съ его пресвитеріумомъ, что вытекаетъ изъ заключительныхъ словъ этого мѣста, гдѣ представленное здѣсь служеніе изображается, какъ дѣло Божіе, которое не можетъ быть куплено за деньги или приобрѣтено какимъ-либо способомъ, но даруется только «испытаннѣйшему и достойнѣйшему». *Monitor. цитов. соч. S. 22.*

составивши соборъ, общимъ согласіемъ опредѣлить, что должно наблюдать въ отношеніи тѣхъ лицъ“¹⁾.

У Оригена читаемъ „пустъ знаютъ князи, т. е. епископы, и старѣйшины народа, т. е. пресвитеры, что они обязаны во всякое время давать народу судъ, засѣдать въ судѣ всегда и неопустительно прекращать тяжбы, примирять ссорящихся, возвращать враговъ къ взаимному благорасположенію“²⁾.

Преступленіе, подлежащее судебному разбирательству, подвергалось самому строгому и обстоятельному изслѣдованію со стороны его дѣйствительности, сущности и тяжести. По поводу многихъ беспорядковъ и нестроеній въ церкви, вызванныхъ расколомъ Монтана, рассказываетъ Евсевій со словъ современниковъ событія, вѣрующіе начали часто и во многихъ мѣстахъ Азіи собираться, *изслѣдовали новое ученіе, открыли въ немъ противорѣчія* и осудили, какъ еретическое³⁾. Для

¹⁾ Творенія св. Киприана. письмо 40. стр. 139.

²⁾ Origen Opera II m. 171 р. Notii. XI. in Exod. Изд. Paris 1733 г. По свидѣтельству Евсевія Кесарійскаго, пресвитеры и диаконы принимали участие въ судѣ надъ римскимъ пресвитеромъ Новаціаномъ (Истор. Церк. кн. VI гл. 43 стр. 359—360) Въ сочиненіяхъ св. Игнатія Богоносца можно найти не мало указаній на то, что при епископѣ состояла цѣлая коллегія пресвитеровъ и диаконовъ—пресвитеріумъ (*πρεσβυτεριον*, *presbyterium* или *судѣровъ*), которая и раздѣляла съ нимъ труды по всемъ дѣламъ, касающимся церковнаго благоустройства, не исключая, конечно, и церковнаго судопроизводства «Убѣждаю васъ, говоритъ св. Игнатій, старайтесь дѣлать все въ единомысліи съ Богомъ, подъ управленіемъ епископа, предсѣдательствующаго на мѣсто Бога, пресвитеровъ, занимающихъ мѣсто собора Апостоловъ и диаконовъ, сладчайшихъ мнѣ, коимъ вѣрена служба Иисуса Христа» (Послания св. Игнатія Богоносца. Казань 1855 Песл къ Магnezійцамъ гл. VII. стр. 81) Подобнаго рода мѣста изъ посланій св. Игнатія Богоносца съ особенною тщательностію собраны проф. Барсовымъ, такъ какъ по его проекту—судебную власть слѣдовало бы вручить коллегіи пресвитеровъ, предоставивъ епархіальному архіерею только административный надзоръ за ихъ дѣятельностію. См. актовую рѣчь. въ Христ. чтен. 1873 г. I 455—489 стр.

³⁾ Евсевій—Церк. исторія. кн. V. гл. 16 стр. 266. Тертулманъ, какъ мы уже видѣли, свидѣтельствуетъ, что «судъ произносится со строгимъ изслѣдованіемъ». Неоднократно указываетъ на это и св. Киприанъ. Письмо 47. стр. 209; письмо IX 48—49 и др.

такого разслѣдованія иногда заблаговременно назначался опредѣленный день, что видно изъ письма св. Кипріяна къ папѣ Корнилию: „сознаніе преступленій еще прежде приводило его (Новата) въ страхъ и потомъ онъ былъ увѣренъ, что не только будетъ изгнанъ изъ сонма священниковъ, но и отлученъ отъ причащенія. По настоянію братьевъ уже наступилъ *день разслѣдованія*, и мы занялись бы его дѣломъ, если бы не предварило гоненіе, которое онъ встрѣтилъ въ какомъ то желаніи избѣгнуть осужденія и обратить его въ свою пользу ¹⁾. Разслѣдованіе преступленія, обыкновенно, производилось на мѣстѣ его совершенія. Возмущаясь тѣмъ обстоятельствомъ, что Фортунатъ и его сообщники, осужденные соборомъ Африканскихъ епископовъ, отправились въ Римъ въ надеждѣ получить тамъ возстановленіе отнятыхъ правъ, св. Кипріанъ пишетъ папѣ Корнилию: „Всѣ мы постановили и это кажется всѣмъ намъ равно справедливымъ и законнымъ, *что бы дѣло каждаго выслушивалось тамъ, гдѣ совершено преступленіе* и поелику каждому изъ пастырей поручена своя часть стада, которою онъ долженъ править и управлять, имѣя отдать отчетъ Господу въ своихъ дѣйствіяхъ: то подначальные наши не должны бѣгать туда и сюда, не должны возмущать общаго согласія епископовъ своимъ лукавымъ и лживымъ поведеніемъ, но обязаны вести свою тяжбу тамъ, гдѣ могутъ имѣть и обвинителей и свидѣтелей своего преступленія. И развѣ только немногимъ отчаяннымъ и потерянными людямъ можетъ казаться меньшею власть епископовъ, поставленныхъ въ Африкѣ, которые уже рассуждали объ нихъ и вѣрностію своего суда недавно судили ихъ совѣсть, связанную столькими узами преступленій. Вина ихъ изслѣдована, уже произнесено объ нихъ и рѣшеніе, а опредѣленія епископовъ не должны подвергаться упрекамъ вслѣдствіе непостоянства“ ²⁾.

Но въ какую форму облекалось это „формальное“, по выраженію нѣкоторыхъ канонистовъ ³⁾, судебное разслѣдованіе преступленія, какіе приемы употреблялись при этомъ или другими словами—какая соблюдалась судебная процедура, на этотъ счетъ мы не имѣемъ никакихъ опредѣленныхъ свидѣтельствъ.

¹⁾ Письмо 43. стр. 149.

²⁾ Письмо 47. стр. 209

³⁾ Христ. Чтеніе 1870 г II. 497 стр

Въ источникахъ первой группы можно найти только слѣдующія указанія:

1) При разбирательствѣ дѣла обращалось вниманіе на личныя нравственныя качества, обвинителя. „Когда послы Новаціана, читаемъ у св. Кипріана произнося въ собраніи христіанъ (Карфагенской церкви) хулы и возмутительныя рѣчи, неотступно требовали отъ насъ и народа публично выслушать то обвиненіе, которое они намѣревались представить и доказать, то мы почли несомнѣннымъ съ достоинствомъ нашимъ допускать чтобы добрая слава товарища нашего, уже избраннаго, посвященнаго (епископа Корнилія) и заслужившаго отъ многихъ похвалу и одобреніе, была доселѣ поносима злорѣчивыми устами завистниковъ“¹⁾.

2) Если преступленіе подсудимаго состояло въ нарушеніи какого нибудь положительнаго церковнаго правила и было для всѣхъ очевидно, судъ дѣйствовалъ прямо и рѣшительно: указывалъ на нарушенный законъ и присуждалъ наказаніе, соотвѣтствующее тяжести преступленія. Св. Кипріанъ рассказываетъ, что въ Африканскомъ городѣ Фурнѣ умеръ нѣкто („братъ нашъ“) Викторъ и въ своемъ духовномъ завѣщаніи назначилъ опекуномъ пресвитера Геминія Фаустина. Между тѣмъ уже прежде Африканскимъ соборомъ епископовъ было постановлено, чтобы никакою христіанинъ въ своемъ завѣщаніи не назначалъ опекуномъ или попечителемъ (tutorem vel curatorem) священника, ибо священники и клирики назначены на служеніе Богу и не должны заниматься разбирательствомъ свѣтскихъ дѣлъ, а если бы кто это сдѣлалъ, то не должно быть ни приношенія за него, ни совершенія торжественной жертвы объ его упокоеніи. Когда нарушеніе этого церковнаго постановленія со стороны умершаго Виктора сдѣлалось извѣстнымъ собору, на которомъ предсѣдательствовалъ св. Кипріанъ, къ дѣлу отнеслись очень серьезно и послѣ продолжительнаго разслѣдованія постановили, ссылаясь на указанное выше опредѣленіе, что не слѣдуетъ за него приносить ни жертвы ни общественныхъ молитвъ: „да будетъ соблюдено соборное постановленіе, сдѣланное по благочестію и по необходимости, и вмѣстѣ съ тѣмъ да будетъ поданъ примѣръ

¹⁾ Письмо 35 стр. 128—129; Жизнь св. Кипріана стр. 57.

и прочимъ братіямъ, чтобы никто не отвлекалъ къ мірскимъ занятіямъ священниковъ и служителей Божіихъ, служащихъ Божію алтарю и церкви“¹⁾).

3) Въ тѣхъ случаяхъ, когда преступленіе подсудимаго не было для всѣхъ очевиднымъ, а это чаще всего бывало тогда, когда оно относилось къ незримой области религіозныхъ вѣрованій, на обязанности суда лежало убѣдиться въ виновности подсудимаго. Средствомъ для этого служилъ допросъ обвиняемаго, иногда сопровождавшійся его сознаниемъ въ своемъ заблужденіи; если подсудимый былъ еретикъ, то допрашивались и его приверженцы; при чемъ показанія обвиняемаго и его сторонниковъ судъ сопоставлялъ съ установившимся вѣрованіемъ церкви и такимъ путемъ ясно обнаруживалъ неправославный образъ мыслей подсудимаго. Въ 245 г. въ Смирнѣ выступилъ Ноэтъ со своимъ еретическимъ ученіемъ, будто Иисусъ Христосъ и Богъ Отецъ—одно и тоже лицо. Когда пресвитеры услышали объ этомъ, потребовали Ноэта на судъ предъ церковію—предъ пресвитеріумомъ. На этотъ разъ Ноэтъ отрекся отъ своего образа мыслей. Но когда онъ приобрѣлъ нѣсколько приверженцевъ, набрался мужества и задумалъ открыто доказать правильность своего воззрѣнія. Пресвитеры снова пригласили его и убѣждали оставить заблужденіе, ссылаясь на символъ церкви, какъ на принятую по преданію норму вѣры. Послѣ того какъ Ноэтъ былъ изобличенъ, путемъ собственнаго признанія и допроса его послѣдователей, пресвитеры изгнали его изъ церкви²⁾. Св. Кипріанъ пишетъ, что *Василидъ, по обнаруженіи его преступленій и по разоблаченіи его совѣсти собственнымъ его признаніемъ*, отправившись въ Римъ, обманулъ брата нашего Стефана³⁾.

4) Допросъ обвиняемаго принималъ иногда характеръ оживленныхъ состязаній, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда обвиняемый хитросплетенными софизмами старался замаски-

¹⁾ Письмо V. стр. 32—34; Fessler. Der kanonische Process S 21—22. Тоже самое можно видѣть въ судѣ надъ Оригеномъ: онъ былъ осужденъ за то, что будучи скопцомъ, допустилъ рукоположить себя въ санъ пресвитера вопреки 21 апост. прав. Евсевій. Кн. VI гл. 8 стр. 304—306. Fessler. S 17—18.

²⁾ Fessler. Der kanonische Process S. 18

³⁾ Письмо 56. стр. 271.

ровать свой истинный образъ мыслей. Такое состязаніе, по свидѣтельству Евсевія Кесарійскаго, имѣло мѣсто на соборѣ противъ Берилла, бывшаго около 244 года епископомъ Вострійскимъ (въ Каменной Аравіи) и усердно распространявшаго патристическую ересь: желая осудить еретика, соборъ пригласилъ для состязаній знаменитаго ученаго того времени Оригена; состязаніе кончилось тѣмъ, что Бериллъ, въ присутствіи отцевъ собора, совершенно отказался отъ своего заблужденія и впослѣдствіи особеннымъ письмомъ благодарилъ Оригена за его вразумленіе ¹⁾. Еще болѣе горячія пренія о вѣрѣ происходили на соборѣ противъ Павла Самосатскаго, считавшаго Иисуса Христа за простаго человѣка. Не разъ, рассказываетъ Евсевій, собирались соборы здѣсь и тамъ, чтобы произнести приговоръ надъ личностію Павла Самосатскаго, но искусный въ словѣ епископъ всякій разъ умѣлъ выпутаться изъ обвиненій и избѣжать осужденія. Наконецъ, на большомъ соборѣ около 270 года онъ былъ вполне пзобинченъ; иричемъ главная заслуга въ этомъ принадлежала пресвитеру Мальхіону, который, будучи человѣкомъ очень свѣдущимъ въ діалектикѣ, въ публичномъ состязаніи, дословно записанномъ скорописцами, такъ распуталъ и обезсилилъ различныя увертки и ловкіе извороты епископа, что лжеученіе его сдѣлалось очевиднымъ для каждаго ²⁾.

5) Когда виновность подсудимаго была вполне доказана, (судъ, прежде произнесенія окончательнаго приговора, употреблялъ всѣ мѣры нравственнаго воздѣйствія въ цѣляхъ вызвать въ подсудимомъ раскаяніе и готовность къ исправленію. Тертуліанъ, какъ мы видѣли, свидѣтельствуетъ, что судебные приговоры произносятся уже послѣ увѣщаній и вразумленій. Равнымъ образомъ пресвитеріумъ сначала увѣщаль Ноэта оставить свое заблужденіе. Св. Кипріанъ прямо называетъ судъ, съ одной стороны, „согласнымъ съ благочиніемъ“, съ другой—„раствореннымъ милосердіемъ“ ³⁾).

¹⁾ Церков. Исторія, кн. VI. гл. 33. стр. 338—339. Hefele-Conciliengeschichte V. I. S. 83.

²⁾ Церков. Исторія, кн. VII. гл. 27—30. стр. 407—409. Fessler. цит. соч. S. 23—24.

³⁾ Письмо XXXIV. стр. 123; ср. XIX. 70

6) Въ случаѣ упорства и нераскаянности подсудимаго, судъ произносилъ окончательный приговоръ осужденія, при чемъ обращалось вниманіе на обстоятельства совершенія преступленія и побужденія къ нему. Св. Кипріанъ пишетъ: „надобно изслѣдовать вины, побужденія и обстоятельства каждаго изъ нихъ (падшихъ)“¹⁾. Судебный приговоръ, произнесенный соборомъ епископовъ, облекался иногда въ форму письменнаго акта и утверждался подписомъ епископовъ—членовъ собора. Св. Кипріанъ писалъ папѣ Корнелію: „относительно того, что у насъ постановлено по дѣлу нѣкоторыхъ пресвитеровъ и Фелициссима, товарищи наши (епископы) послали для твоего свѣдѣнія за собственноручною подписью тебѣ письмо, изъ котораго ты узнаешь ихъ мнѣніе и приговоръ“²⁾. Известно также, что соборъ египетскихъ епископовъ подъ предсѣдательствомъ Димитрія, еп. Александрійскаго, лишилъ Оригена пресвитерскаго сана—и епископы подписали этотъ приговоръ, прелварительно одобривъ его своими мнѣніями³⁾.

7) Каждая церковь о своихъ судебныхъ приговорахъ немедленно извѣщала другія, особенно сосѣднія церкви, благодаря чему отлученный отъ общенія одною церковію не могъ быть принятъ и въ другихъ. Разсказъ Евсевія о судѣ надъ Павломъ Самосатскимъ заканчивается указаніемъ на то, что судебный приговоръ, вмѣстѣ съ изложеніемъ обстоятельствъ предшествовавшихъ и сопровождавшихъ судебный процессъ, отцы собора сообщили окружнымъ посланіемъ всѣмъ церквамъ, обязавъ предстоятелей ихъ обмѣняться обычными общительными грамотами съ постановленнымъ, вмѣсто низложеннаго Павла, епископомъ Домномъ⁴⁾.

Конечно, на основаніи этихъ отрывочныхъ, разрозненныхъ указаній источниковъ первой группы нельзя представить цѣльной картины церковнаго судопроизводства, если не прибѣгать къ содѣйствію собственнаго воображенія.

¹⁾ Письмо XXXXIII. стр. 158.

²⁾ Письмо XXXVI. стр. 133.

³⁾ Fessler S 18; Заозерскій Цит. соч 252 стр

⁴⁾ Церк. Исторія. кн VIII. гл. 30 стр. 409—414; см. VI кн 43 г.

Болѣ подробныя свѣдѣнія о церковномъ судопроизводствѣ разсматриваемаго періода и болѣ интересныя, въ смыслѣ цѣльности впечатлѣнія, даютъ намъ Апостольскія Постановленія, въ которыхъ, наряду съ вѣроученіемъ, излагается церковная практика этого періода не только богослужебная, іерархическая, но и юридическая ¹⁾.

¹⁾ Въ предупрежденіе разнаго рода возраженій, считаемъ необходимымъ замѣтить, что спорный вопросъ о времени происхожденія апостольскихъ постановленій (см. у Дрея «*Neue Untersuchungen über die Constitutionen und Kanones der Apostel.* Tübingen. 1832 г. S. 9—18) окончательно рѣшенъ трудами Дрея и Виккеля (Дрей, указ. соч. S. 1—197; Bickel—*Geschichte des Kirchenrechts.* Giessen 1843. S. 52—70). Первый, путемъ обстоятельнаго анализа первыхъ шести книгъ апостольскихъ постановленій (20—80. S.), доказалъ, что эти книги, образующія первоначальное ядро памятника, принадлежатъ одному писателю, руководившемуся опредѣленнымъ планомъ (S. 40) и имѣвшимъ въ виду составить такое произведеніе, изъ котораго каждый христіанинъ могъ бы научиться вѣрѣ и получивъ достаточныя понятія обо всемъ, что составляло жизнь современной церкви, могъ самъ быть дѣятельнымъ ея членомъ (S. 42). Происхожденіе этихъ книгъ падаетъ на вторую половину III вѣка; состояніе христіанства и церкви съ ея устройствомъ изображено здѣсь въ такихъ чертахъ, въ какихъ оно извѣстно концу III вѣка по другимъ современнымъ памятникамъ (S. 45—46; ср. 18—19) Полагать происхожденіе первыхъ шести книгъ въ IV в. не позволяють многія обстоятельства съ одной стороны, отсутствіе въ этихъ книгахъ всякихъ указаній на митрополичью систему управленія, появившуюся въ IV в., на какихъ-либо иныхъ распорядителей по церковнымъ дѣламъ, кромѣ одного епископа въ его округѣ, на монашество и отшельничество, съ другой—частія указанія на уважительное отношеніе къ вдовицамъ и дѣвственницамъ, подробныя предписанія о поведеніи христіанъ во время гоненій и обязанности къ св. мученикамъ, равно и предписанія противъ чтенія языческихъ сочиненій, пѣнія языческихъ пѣсней, противъ языческихъ клятвъ и разныхъ обычаевъ—всѣ эти обстоятельства убѣдительно говорятъ въ пользу того, что около того времени, когда были написаны первыя шесть книгъ апостольскихъ постановленій, общественная жизнь, правительство и гражданская власть, равно какъ общенародный культъ были еще языческія и гоненія на христіанъ свирѣпствовали на Востокѣ со всею силою. (S. 78—80 ср. 9—10).

Возрѣнія Дрея по этому вопросу вполнѣ раздѣляетъ Биккель (см. особ. S. 61—63). Въ виду сказаннаго намъ представляется страннымъ скептическое отношеніе Фесслера къ Апостольскимъ Постановленіямъ, какъ источнику для ученаго изслѣдованія. Fessler. цит. соч. S. 15 прим. I.

Здѣсь предъ нами рисуется слѣдующая картина церковнаго судопроизводства

Днемъ судебныхъ засѣданій былъ понедѣльникъ въ тѣхъ видахъ, чтобы, въ случаѣ неудовлетворительности рѣшенія, оставалась возможность исправить его въ теченіи недѣли и чтобы, такимъ образомъ, христіане оставивъ свои несогласія и обиды, совершенно примиренные могли приступить къ св. тайнымъ „Судилища ваши да бывають во второй день послѣ субботы, чтобы, если окажется противорѣчіе вашему мнѣнію, вы, имѣя досугъ до субботы, возмogli исправить противорѣчіе, и въ день Господень (*Κυριακή*—воскресенье) примирить несогласныхъ между собою“¹⁾. Судъ производилъ епископъ, но при немъ съ правомъ совѣщательнаго голоса, въ качествѣ ассистентовъ, присутствовали пресвитеры и діаконы. „На судилищѣ же пусть присутствуютъ съ вами (епископами) и діаконы и пресвитеры, судя какъ люди Божіи, съ справедливостію и нелицепріятно“²⁾. Предъ собравшимся судомъ лично являются стороны (партіи) для разбирательства дѣла³⁾, причемъ производство было состязательное и устное⁴⁾, и становятся по срединѣ судебного мѣста въ ожиданіи епископскаго суда⁵⁾. Судъ епископа съ его совѣтомъ долженъ быть справедливый, чуждый гнѣва, пріязни, потворства, предубѣжденія, корысти. „Будьте подобны свѣдущимъ мастерамъ серебряныхъ дѣлъ: какъ они дурныя монеты отвергаютъ, а хорошія усвояють, такъ точно и епископъ безпорочное долженъ удержи-

¹⁾ Апост. Постановл. II кн 47 гл. 78 стр.

²⁾ *Ibidem* 78 стр. Что пресвитеры и діаконы были просто ассистентами и имѣли только совѣщательный голосъ, это видно изъ выраженія Апостольскихъ Постановленій «прежде приговора (*πρὶν ἀποφάσεως*) епископа», ясно свидѣтельствующаго о томъ, что самый приговоръ судебный былъ дѣломъ епископа. Стр. 28 гл. 59 стр.

³⁾ Кн. II. гл. 49 стр. 80.

⁴⁾ Кн. II. гл. 47 стр. 78—79; гл. 51 стр. 82

⁵⁾ Въ главѣ 49 указывается основаніе того, почему стороны или партіи обозначались юридическимъ терминомъ—*persona*, *πρόσωπον*. «сидя на судебномъ мѣстѣ, въ присутствіи того и другаго лица (*παρόντων ἑκατέρωθεν τῶν προσώπων*) мы не назовемъ ихъ братьями, пока не примирятся... стр. 80.

вать, а порочное или врачевать или, если оно не уврачуемо, отвергать... Берегитесь осуждать кого-либо несправедливо и благопріятствовать злымъ: ибо горе тому, кто называетъ худое добрымъ и доброе худымъ, горькое сладкимъ и сладкое горькимъ, кто дѣлаетъ свѣтъ тьмою и тьму свѣтомъ... Будьте судьями справедливыми, миротворными, негнѣвными: ибо напрасно гнѣвающійся на брата своего подлежитъ суду... ¹⁾. Съ особенною настойчивостію Апостольскія Постановленія предписываютъ епископу быть осмотрительнымъ въ принятіи обвиненія—„ибо случается, что нѣкоторые по ревности или зависти взводятъ на какого-либо брата ложное обвиненіе, какъ поступили въ Вавилонѣ два старца противъ Сусанны (Дан. XIII. 36—40), а египтянка противъ Іосифа (Быт. XXXIX. 17—18)“ ²⁾.

Въ виду этого Апостольскія Постановленія требуютъ, чтобы епископъ прежде всего обращалъ тщательное вниманіе на личныя качества обвинителя, на образъ его жизни и поведеніе. „Обращай вниманіе на обвиняющаго и съ мудростію наблюдай, какая и какова жизнь его... Узнавъ безумствъ, спорщиковъ, ревнивцевъ, зложелателей, не вѣрты имъ, даже остерегайтесь ихъ, когда слышите отъ нихъ что-либо на брата; потому что убить кого ничего не значитъ въ глазахъ ихъ, они низвергаютъ челоуѣка тамъ, гдѣ никто не подозрѣваетъ“ ³⁾. Въ другомъ мѣстѣ читаемъ: „если вы судите велицепрiятно, то разузнавайте обвинителя, свидѣтельствовавшего противъ ближняго своего ложно, и покажите, что онъ—клеветникъ, ябедникъ, убійца, что онъ мутитъ все злыми спорами, непостояненъ въ словахъ, самъ противорѣчитъ себѣ въ извѣстіяхъ и уловляется словами собственныхъ устъ, ибо таковой самъ ставитъ себѣ крѣпкую сѣть—собственныя уста... Тщательно извѣдывайте объ обвиняющемъ, сего ли перваго обвиняетъ онъ или и на другихъ взводилъ онъ преступленія, и не отъ недовольства ли или спорливости ихъ предлежитъ

¹⁾ II кн. гл. 37 стр. 67; гл. 42 стр. 73; гл. 53 стр. 83; ср. гл. 42 стр. 72; гл. 43 стр. 75; глав. 47 стр. 78—79 и др.

²⁾ Гл. 37 стр. 67; ср. гл. 50 стр. 81; гл. 21 стр. 43—44.

³⁾ Гл. 37 стр. 68

преступленіе, и каковъ образъ жизни его“¹⁾). Изъ приведенныхъ мѣстъ мы видимъ, что лица порочныя въ нравственномъ отношеніи, какъ-то: клеветники, ябедники, убійцы, зложелатели, завистники и т. п. были лишены права обвиненія.

За ложное обвиненіе, вполне доказанное, Апостольскія Постановленія повелѣваютъ подвергать обвинителя отлученію отъ церкви, какъ убійцу брата своего. „Когда таковой (обвинитель) обличенъ будетъ въ лжесвидѣтельствѣ, ты суди его строго, предай его мечу огненному, и сдѣлай ему то, что онъ злоумышлялъ сдѣлать ближнему (Втор. XIX. 19); ибо, какъ только могъ, онъ убилъ брата, наговоривъ судѣ, а написано: проливая кровь человѣчу, въ ея мѣсто его пролетѣтъ (Быт. IX. 6) и: изми отъ себя кровь неповинную (Втор. XIX. 13), пролитую напрасно. Такого ты отлучи отъ церкви, какъ убійцу брата“²⁾ Если онъ искренно раскается въ своемъ несправедливомъ посягательствѣ на честь ближняго, его можно, по надлежащемъ испытаніи, снова принять въ церковное общеніе³⁾; въ случаѣ же новаго лжесвидѣтельства Апостольскія Постановленія предписываютъ подвергнуть его полному и уже окончательному изверженію изъ церкви. „Если же, по вступленіи въ церковь, онъ опять мятежничаютъ подобнымъ образомъ, не переставая возмущать и поносить брата, по спорливости выдумывая преступленія: то извергните его, какъ заразу, чтобы не опустошалъ Церкви Божіей; ибо таковой производитъ возмущенія въ городахъ, и хотя бы онъ находился внутри церкви, неблагообразенъ, излишенъ въ ней и ненадобенъ ей оскверняющій, насколько можетъ, тѣло Христово. Если нѣкоторые изъ людей, отъ рожденія имѣющіе лишніе члены, приросшіе къ тѣлу, какъ то: пальцы или наросты, отсѣкаютъ ихъ отъ себя по неблагообразію и отъ этого не происходитъ никакого неблагообразія, когда, при помощи художника, человекъ получаетъ естественную красоту; то гораздо болѣе должны поступать такъ вы, пастыри церкви, тѣла цѣлаго, состоящаго изъ членовъ здоровыхъ, вѣрующихъ въ Бога со страхомъ Господнимъ и любовію, когда найдется

¹⁾ Гл. 42 стр. 73; гл. 49, стр. 80

²⁾ Гл. 42 стр 73—74. Ср. гл 50 стр 81

³⁾ Тамъ же 74 стр

одинъ членъ лишній, помышляющій злое, причиняющій безобразіе остальному тѣлу и обуревающій его мятежемъ, войною и поношеніемъ, доставляющій ему страхи, дѣла (всякаго рода тяжбы), преступленія, оболганія, оговоры, нестроенія и подобныя дѣйствія діавола совершающій, какъ бы избранный діаволомъ для оскверненія Церкви хуленіями, многимъ нестроеніемъ, споромъ и раздѣленіемъ. Итакъ сей, въ другой разъ изверженный изъ церкви, достойно отсѣченъ отъ собранія Господня; а церковь Господня явилась нынѣ болѣе красивою, нежели прежде, когда имѣла членъ лишній и ея несвойственный: почему отнынѣ она не хулится уже и не поносится, освободившись отъ людей злыхъ, коварныхъ, злорѣчивыхъ, жестокихъ, предателей, ненавистниковъ добра, сластолюбцевъ, тщеславныхъ, оболстителей, почитающихъ себя мудрыми, поставляющихъ дѣломъ своимъ разсѣвать, а лучше—разгонять агнцевъ Господнихъ“¹⁾.

Таковы должны быть, по Апостольскимъ Постановленіямъ, отношенія судьи къ обвинителю.

Съ другой стороны, Апостольскія Постановленія, въ интересахъ правосудія, предписываютъ обращать должное вниманіе и на личныя качества обвиняемаго. „Вы должны знать и обвиняемаго, каковъ онъ по образу жизни и поведенію, одобряютъ ли жизнь его, незазоренъ ли онъ, ревнивъ ли о праведности, вдовольбивъ ли, страннолюбивъ ли, нищелюбивъ ли, братолюбивъ ли, не корыстолюбивъ ли, не жаденъ ли, не склоненъ ли къ хищничеству, цѣломудренъ ли, не распутенъ ли, не пьяница ли, не тунеядецъ ли, сострадателенъ ли и щедръ ли“²⁾.

Самое судопроизводство открывается устнымъ допросомъ обвинителя и обвиняемаго, лично присутствующихъ въ судебномъ мѣстѣ; причемъ выслушиваніе показаній одной только стороны считается крайнею несправедливостію и лишаетъ возможности сдѣлать какой-либо приговоръ. „Выслушивайте то и другое лицо, какъ обвиняющаго, такъ и обвиняемаго, только не по предубѣжденію, ни съ потворствомъ одной

1) Гл. 43 стр. 74—75

2) Гл. 49 стр. 81.

сторонѣ, но по справедливости, какъ подающіе мнѣніе о жизни или смерти вѣчной... Несправедливо судить односторонне. Дѣйствительно, если вы выслушаете одно лицо, а другаго не будетъ при томъ, и оно не будетъ защищаться противъ вносимаго на него преступленія, а вы вынете жребій осужденія опрометчиво; то у Бога, праведнаго Судии, окажетесь виновными въ убійствѣ и мѣряющими одною мѣрою съ клеветникомъ“¹⁾.

Средствомъ доказательства, кромѣ показаній самихъ сторонъ, должны служить, главнымъ образомъ, свидѣтельскія показанія. Какъ бы ни оказался добросовѣстенъ и правдолюбивъ обвинитель, по дознаніи произведенномъ судомъ, во всякомъ случаѣ основываться на однихъ только его показаніяхъ не слѣдуетъ: онъ долженъ выставить со своей стороны свидѣтелей, которые подтвердили бы справедливость обвиненія. „Одному ему (обвинителю), хотя бы онъ былъ и добросовѣстенъ, не вѣрьте, ибо это противузаконно, а пусть будутъ у него и другіе свидѣтели, подобные ему по поведенію, какъ говоритъ законъ: при устѣхъ двою и тріехъ свидѣтелей станетъ всякъ глаголь (Втор. XIX. 15)“²⁾. Прежде выслушиванія свидѣтелей, судъ долженъ произвести самое тщательное изслѣдованіе объ образѣ жизни и поведеніи ихъ, ибо часто случается, читаемъ въ Апостольскихъ Постановленіяхъ, что и двое и большее число свидѣтельствуютъ о злѣ и согласно утверждаютъ ложь, какъ поступили въ Вавилонѣ два старца противъ Сусанны, въ Самаріи—сыны беззаконныхъ противъ Навуея, въ Іерусалимѣ—множество іудеевъ противъ Господа и противъ первомученика Его Стефана“³⁾. Само собою понятно, что язычники не допускались въ качествѣ свидѣтелей; таковыми могли быть только вѣрующіе и притомъ люди безупречные въ нравственномъ отношеніи. „Не принимайте въ свидѣтельство противъ себя невѣрующіхъ... не принимай свидѣтельства противъ кого-нибудь безъ трехъ свидѣтелей *вѣрующіхъ* и притомъ такихъ, поведеніе которыхъ издавна извѣстно и которые не водятся враждою или завистію“⁴⁾. Свидѣтели должны давать свои

¹⁾ Гл. 47 стр. 79; гл. 51 стр. 82.

²⁾ Гл. 49 стр. 80; ср. гл. 21 стр. 43; кн. III. Гл. 20; стр. 120.

³⁾ Тамъ же; ср. гл. 21, стр. 43.

⁴⁾ Гл. 46, стр. 76; гл. 21, стр. 43.

показанія спокойно, безъ гнѣва, съ чувствомъ правды и справедливости, благожелательно, скромно, прилично, безъ злобы, искренно и какъ бы богобоязненно—только такое свидѣтельство должно имѣть значеніе. Если же въ свидѣтеляхъ не достаесть этихъ свойствъ, то ихъ показанія не должны заслуживать довѣрія, хотя бы и была нѣкоторая вѣроятность въ нихъ. „Свидѣтели да будутъ кротки, не гнѣвливы, справедливы, любовны, цѣломудрены, воздержны, не злы, вѣрующіе, благочестивые; ибо свидѣтельство таковыхъ по самому поведенію ихъ твердо и по образу жизни ихъ истинно. А кто не таковъ, тѣхъ свидѣтельства не принимайте, хотя бы и казались они согласными въ обвиненіи“¹⁾).

Самый образъ жизни подсудимаго можетъ послужить нѣкоторымъ основаніемъ при сужденіи о справедливости или несправедливости взводимаго на него обвиненія; однако слишкомъ много полагаются на такое средство не слѣдуетъ; здѣсь рекомендуется особенная осторожность и осмотрительность. „Если есть за нимъ (обвиняемымъ) прежнія дурныя дѣла, то и теперь взносимыя на него обвиненія кажутся отчасти истинными, если только не вспомоществуетъ ему правосудіе (*εἰ μὴ ἂν αὐτῷ τὸ δίκαιον ἔλει συναγωνιζόμενον*): ибо можетъ случиться, что нѣкогда онъ дѣйствительно согрѣшилъ, но въ томъ преступленіи, въ которомъ теперь оговариваютъ его, онъ невиненъ. Посему, вникая въ это тщательно, произносите мнѣнія противъ уличеннаго осмотрительно и твердо“²⁾).

При произнесеніи приговора и наложеніи наказанія епископъ долженъ сообразоваться съ характеромъ преступленія, его тяжестью, поводомъ и побужденіями. „Мнѣніе (*ἀπόφασις*—приговоръ) произносите не о всякомъ грѣхѣ одинаковое, но каждому сродное, со многими благоразуміемъ обсуживая каждое прегрѣшеніе, какъ малое, такъ и великое; и иначе осуждайте грѣхъ дѣломъ и опять иначе—грѣхъ словомъ, иначе—грѣхъ намѣреніемъ, иначе—грѣхъ злорѣчія, иначе—грѣхъ подозрѣнія, и однихъ подвергай только угрозамъ, другихъ подаяніямъ нищимъ, тѣмъ назначъ строгіе посты, а другихъ, по великости преступленія, отлучи. И законъ на-

¹⁾ Гл. 49, стр. 81; ср. гл. 21, стр. 43

²⁾ Гл. 50, стр. 81.

значилъ не одно и тоже наказаніе за всякій грѣхъ: но иное за грѣхи противъ Бога, противъ священника, противъ храма, противъ святилища; иное за грѣхи противъ царя, противъ начальника, противъ воина, противъ подчиненнаго, противъ равнаго или слуги, или противъ имѣнія или противъ безсловеснаго, и опять—различное за грѣхи противъ родителей и сродниковъ, иное также за грѣхи воиьные и иное за грѣхи невольные, и однихъ подвергъ смерти или на крестѣ или чрезъ побіеніе каменьями, а другихъ пени или побоямъ или возмездію. Такъ и вы за различные грѣхи налагайте и наказанія различныя, чтобы не вкралась какая-либо несправедливость и не подвигла Бога къ негодованію; ибо на какомъ несправедливомъ судѣ вы будете посредниками, того и мзду получите отъ Бога: ибо какимъ судомъ судите, такимъ будете судимы“¹⁾.

Рѣшительный приговоръ осужденія долженъ быть произнесенъ епископомъ не прежде, какъ будутъ истощены всѣ средства для возвращенія виновнаго „на прежнее пастбище“²⁾, окажутся безплодными всѣ мѣры нравственнаго воздѣйствія на него съ цѣлію исправленія. „Такъ и ты (епископъ), какъ сострадательный врачъ, лечи всѣхъ согрѣшившихъ, пользуясь спасительными и пригодными средствами, употребляя не только сѣченія или жженія или лѣкарства ѣдкія, но и перевязки и корпіи и врачевства успокаивающія, заживляющія, и вспрыскиваемая словами утѣшенія. Если же рана застарѣла, то размягчи ее смягчающимъ пластыремъ, чтобы, наполнившись мясными сосочками, сдѣлалась способною къ заживленію; а если она нечиста, то очисти ее прижигающимъ порошкомъ, т. е. словомъ наказывающимъ; а если она опухаетъ, то сожми ее острою перевязкою—угрозою суда; а если она распространяется, то употреби прижиганіе и извлеки нечистоты, т. е. изнури постами. Когда же сдѣлаешь это и увѣришься, что отъ ногъ до головы негдѣ приложить ни пластыря, ни едея, ни перевязки, но рана распространяется и противится всякому врачеванію, подобно автонову огню поражая всякій членъ: тогда со многою осторожностію, посовѣтовавшись съ другими опыт-

¹⁾ Гл. 48, стр. 79—80; ср. гл. 16, стр. 35.

²⁾ Гл. 41, стр. 71.

ными врачами, отрѣжь гнилой членъ, чтобы не растлилось все тѣло церкви. Не удобопреклоненъ и не скоръ будь къ отсѣченію, не скоро берись за пилу со многими зубцами, но прежде употреби ножъ и вскрой нарывъ, чтобы, устранивъ внутри находящуюся причину болѣзни, соблюсти тѣло не чувствующимъ болей. А если увидишь кого не раскаявающимся и ожесточившимся, то съ печалію и сѣтованіемъ отсѣки его — неизлѣчимаго отъ церкви ¹⁾.

Такимъ образомъ въ Апостольскихъ Постановленіяхъ нарисована цѣльная картина, дана, такъ сказать, вся внѣшняя структура церковнаго процесса первыхъ трехъ вѣковъ и ясно указанъ внутренній характеръ его. По своей внѣшней структурѣ церковный процессъ сводится къ самымъ главнымъ моментамъ, составляющимъ основу всякаго формальнаго судопроизводства, именно: принятіе обвиненія, изслѣдованіе о личныхъ качествахъ и образѣ жизни обвинителя, обвиняемаго и свидѣтелей, выслушивание сторонъ и свидѣтельскихъ показаній и произнесение приговора; но и эта примитивная обрядность имѣетъ второстепенное значеніе и должна сама собою отпасть въ случаѣ признанія и искренняго раскаянія подсудимаго. Что касается внутренней стороны процесса, то не трудно замѣтить, что основное начало, главная идея, одухотворяющая все церковное судопроизводство—это глубокое проныозеніе его пастырскимъ попеченіемъ о подсудимомъ. Не о соблюденіи такихъ или иныхъ процессуальныхъ формальностей думалъ пастырь-судья, а единственно только о взысканіи заблудшаго. Эта идея управляла всею дѣятельностію судящихъ лицъ: ею руководились они и тогда, когда производили самое строгое разслѣдованіе о добросовѣстности обвинителя и свидѣтелей, и особенно тогда, когда произносили приговоръ, съ великимъ благоразуміемъ и осторожностію, какъ искусные врачи, выбирая средства могущія уврачевать недужнаго и только въ крайнемъ случаѣ и притомъ „съ печалію и сѣтованіемъ“ отсѣкали неизлѣчимаго отъ церкви, не теряя однакоже надежды на его исправленіе. Вообще, въ Апостольскихъ Постановленіяхъ указаны только тѣ внѣшніе

¹⁾ Гл. 41. Стр. 71—72.

пріемы судопроизводства, безъ которыхъ не возможно осуществленіе идеи пастырскаго попеченія о согрѣшившемъ членѣ церкви ¹⁾).

Въ разсматриваемый періодъ (до-Никейскій) церковное судопроизводство сдѣлалось предметомъ точной регламентаціи, — именно въ Апостольскихъ правилахъ, изъ которыхъ два — 74 и 75 специально трактуютъ объ этомъ предметѣ. Первое изъ нихъ гласитъ: „епископъ, отъ людей вѣроятія достойныхъ обвиняемый въ чемъ либо, необходимо самъ долженъ быть призванъ епископами: и аще предстанеть и признается. или обличенъ будетъ, да опредѣлится эпитимія. Аще же званъ бывъ, не послушаетъ: да позовется вторично чрезъ посылае-

¹⁾ Начертанный въ Апостольскихъ Постановленіяхъ порядокъ производства соблюдался не только при разбирательствѣ гражданскихъ тяжбъ между христіанами, но и въ дѣлахъ уголовнаго характера. Отвѣтъ на вопросъ, что именно подлежало этому епископскому суду съ его устнымъ краткимъ производствомъ, пишетъ Молиторъ, не представляетъ затрудненій. Прежде всего предъ вышнимъ форумомъ выступали христіане съ тѣми гражданскими жалобами, которыя не могли закончиться мировой сдѣлкой; сюда же относились и всѣ извѣстныя публичныя преступленія, требовавшія суда по тяжести преступленія или упорству преступника; этому же суду подлежали и всѣ не-публичныя преступленія, когда епископъ предварительно старался подѣйствовать на преступника братскимъ увѣщаніемъ и, при бесплодности этого увѣщанія, передавалъ дѣло открытому судебному разслѣдованію. . Однимъ словомъ, не существовало никакого различія между гражданскими и уголовными дѣлами тѣ и другія одинаково восходили на этотъ судъ, что ясно видно изъ самыхъ Апостольскихъ Постановленій (кн II гл 47). Если въ одной части 47 главы идетъ рѣчь о сторонахъ, которыя являются предъ епископомъ, окруженнымъ пресвитерами и диаконами и вступаютъ въ состязаніе другъ съ другомъ («то и другое лицо, у которыхъ есть тяжба, пусть станеть посреди судебного мѣста и вы, выслушавъ ихъ .), послѣ чего, до произнесенія приговора, дѣлается попытка къ ихъ примиренію («стараясь сдѣлать ихъ обояхъ друзьями, прежде приговора епископа»), то другая часть той же главы опредѣляетъ, что если кто-либо предъ этимъ судомъ обвиняется за явно дурное поведеніе, то и въ этомъ случаѣ такимъ же точно образомъ выслушивается здѣсь обвинитель и обвиняемый и потомъ произносится приговоръ, опредѣляющій справедливое наказаніе (чит. конецъ 47 гл. со словъ «и тогда, когда кто клеветливо обличается кѣмъ либо въ неправомъ хожденіи» и т д) — Molitor цит сох. s 20—21. Ср. Fessler s. 68.

мыхъ къ нему двухъ епископовъ. Аще же и сего не уважая, не предстанеть: соборъ, по благоусмотрѣнію своему, да произнесетъ о немъ рѣшеніе, да не мнится выгоду имѣти, бѣгая отъ суда“. Въ 75 правилѣ читаемъ: „во свидѣтельство противъ епископа не пріимати еретика: но и вѣрнаго единаго не довольно. На устахъ бо двоихъ или тріехъ свидѣтелей твердо станеть всякъ глаголь“ Самый текстъ правилъ очень ясенъ и, собственно говоря, не нуждается ни въ какихъ комментаріяхъ; тѣмъ не менѣе мы находимъ далеко не излишнимъ въ раздѣльности представить отмѣченные здѣсь моменты судопроизводства въ виду особенной важности приведенныхъ правилъ, такъ какъ въ нихъ мы впервые встрѣчаемся съ опредѣленными, строго предписанными формальностями процесса ¹⁾).

Какой же порядокъ судопроизводства предписывается здѣсь?

Прежде всего, здѣсь ясно обозначены лица, которыя могли выступать съ обвиненіемъ противъ епископа, именно—одни только вѣрующіе и притомъ заслуживающіе довѣрія. Требованіе перваго качества, дѣйствительно соблюдавшееся, какъ мы уже видѣли изъ Апостольскихъ Постановленій, въ церковно-судебной практикѣ первыхъ трехъ вѣковъ, основывалось на глубоко укоренившейся враждѣ язычниковъ и іудеевъ къ христіанамъ; послѣдніе могли предполагать въ первыхъ, кромѣ злыхъ намѣреній и несправедливости, еще и незнаніе христіанскихъ соціальныхъ отношеній и потому

¹⁾ Хотя 74 и 75 Апостольскія правила говорятъ о производствѣ суда надъ епископами, но несомнѣнно тотъ же порядокъ соблюдался и въ судѣ надъ остальными елириками и мірянами. Совершенно справедливо замѣчаніе г. Заозерскаго, что этими правилами выражается только та мысль, что и обвиняемый епископъ долженъ получить отъ суда для защиты своей тѣ же средства, какъ и пресвитерь, точно также, какъ и этотъ, въ свою очередь, тѣ же, какія получаетъ и мірянинъ; какъ согрѣшающіе или только навлекающіе на себя подозрѣніе, они равны по своему положенію на судѣ—подсудимые; это—общій законъ всякаго судопроизводства, какъ церковнаго, такъ и свѣтскаго.—Церк. судъ. . стр. 42, прим. 1; ср. Пр. Обзор. 1870. II, 315.

имѣли полное основаніе лишить ихъ права выступать въ качествѣ обвинителей противъ христіанъ вообще, а противъ епископа, конечно, въ особенности. Требованіе втораго качества, т. е. добраго имени и основывающейся на немъ достовѣрности, лежитъ въ самой природѣ процесса и потому встрѣчается во всѣхъ законодательствахъ.

Обвиняемый епископъ долженъ лично присутствовать при разбирательствѣ дѣла, а потому онъ троекратно вызывается въ судъ двумя епископами; въ случаѣ упорства, собору предоставляется право произнести заочный приговоръ, дабы комментировавъ Зонара, безстыдное уклоненіе отъ суда не оказалось для него выгоднымъ ¹⁾).

Обвиненіе епископа должно быть доказано свидѣтельскими показаніями, причемъ правило возбраняетъ допускать въ качествѣ свидѣтелей еретиковъ, которые, какъ отверженные отъ церкви и враги ея, подобно язычникамъ и іудеямъ, по общимъ законамъ справедливости, не могутъ имѣть права на свидѣтельство въ дѣлахъ церковныхъ. Требованіе, въ силу котораго свидѣтельство одного вѣрующаго считается недостаточнымъ, опирается на библейскій авторитетъ (Мѡ. XVIII. 16) ²⁾).

¹⁾ Книга правилъ. I. 136 стр. Изд Моск. общъ люб. дух. просв 1876.

²⁾ Дрей, отрицающій за правилами Апостольскими тотъ авторитетъ глубокой древности, который признаетъ за ними православная церковь и относящій происхождение нѣкоторыхъ изъ нихъ (83 30 и 81) къ половинѣ V вѣка (*Neue Untersuchungen*. s 411—412), утверждаетъ, что 74 правило (а оно-то именно и имѣетъ для насъ особенную важность) заимствовано изъ опредѣлений соборовъ послѣ-Никейскаго періода Дрей основывается на томъ, что начертанный въ 74 правилѣ порядокъ приглашенія обвиняемаго епископа на судъ не извѣстенъ древнимъ церковнымъ опредѣленіямъ никейскіе, антиохійскіе и лаодикійскіе законы знаютъ только однократное приглашеніе на соборъ, именно, посредствомъ письменной грамоты митрополита къ отдѣльнымъ епископамъ, безъ различія, представлена ли противъ кого-нибудь жалоба или нѣтъ. Первый же историческій примѣръ предписаннаго Апостольскимъ правиломъ производства, аргументируетъ далѣе Дрей, находится въ совѣщаніяхъ собора Ефесскаго (431 г.), гдѣ Кириллъ, еп. Александрійскій, дѣлаетъ подсудимому Несторію троекратное каноническое приглашеніе чрезъ нѣсколькихъ епископовъ. Но это былъ совершенно иной случай: соборъ Ефесскій—не провинціальныи, а вселенскій

Показанія анализированныхъ правилъ можно дополнить другими правилами. Судебный приговоръ долженъ быть произнесенъ только уже послѣ троекратнаго бесплоднаго увѣщанія подсудимаго къ раскаянію въ совершенномъ преступленіи и исправленію: „аще который пресвитеръ, презрѣвъ собственнаго епископа, отдѣльно собранія творити будетъ, и олтарь

и Несторій, архіеи Константинопольскій, обвинялся не въ каноническомъ преступленіи, а въ ереси Между тѣмъ это же самое производство наблюдается и противъ Евтихія, котораго соборъ 448 года, подъ предѣлательствомъ Флавіана, такимъ же точно образомъ приглашаетъ троекратно, каждый разъ черезъ двухъ или трехъ пресвитеровъ, хотя соборъ не былъ вселенскимъ и Евтихій былъ только архимандритомъ; при этомъ соборъ, дѣлая приглашеніе въ третій разъ, ясно ссылается на каноны и такъ какъ Евтихій оставался непокорнымъ, произноситъ надъ нимъ осужденіе Такое же производство наблюдается на Халкидонскомъ соборѣ (451 г.) противъ Діоскора, которому три епископа доставили письменное приглашеніе въ его жилище Въ актахъ Халкидонскаго собора, продолжаетъ свои разсужденія Дрей, находится одно мѣсто, на основаніи котораго возможно, кажется, сдѣлать заключеніе, какъ и когда столь часто практиковавшійся обычай троекратнаго вызова получилъ силу закона. Въ третьемъ совѣщаніи, когда нужно было произнести приговоръ надъ Діоскоромъ, Лукіанъ, еп. Визскій (во Фраки), на вопросъ—что именно сообразно съ канонами—сказалъ. св. отцемъ и архіепископомъ Кирилломъ на Ефесскомъ соборѣ противъ Несторія было сдѣлано въ законной формѣ, которая и въ настоящемъ случаѣ могла бы послужить образцомъ Итакъ, вѣроятно, заключаетъ Дрей, что примѣненная Кирилломъ форма вызова получила уваженіе, благодаря которому въ послѣдующее время на нее стали ссылаться, какъ на законъ и собиратель каноновъ Апостольскихъ принялъ ее. Обобщая все сказанное по поводу 74 правила, Дрей говоритъ, что предписанное въ этомъ правилѣ производство содержитъ въ себѣ, большею частію, элементъ древній; новое и, конечно, относящееся къ болѣе позднему времени составляетъ способъ приглашенія, имѣющій своею цѣлю охранять свободу и достоинство отдѣльныхъ епископовъ (с. 336 прим и 339). Такимъ образомъ, Дрей склоненъ думать, что указанный въ 74 правилѣ способъ приглашенія на судъ получилъ силу закона только послѣ того, какъ онъ былъ, такъ сказать, освященъ высокимъ авторитетомъ св. Кирилла (въ 431 г.)

Стратилатовъ (Древность и важность Апостольскихъ правилъ. Спб. 1865), слѣдуя Вевериджу (*Codex canonum ecclesiae primitivae...*), утверждаетъ, что 74 правило было извѣстно не только соборамъ V вѣка, но гораздо раньше—именно, помѣстному Константинопольскому собору 394 г. (акты

инный водрузить, не обличивъ судомъ епископа ни въ чемъ противномъ благочестію и правдѣ: да будетъ извержень, яко любоначальный. Ибо есть похититель власти. Такожде извержены да будутъ и прочіе изъ клира, къ нему приложившіеся.

его—см дѣянія девяти помѣстныхъ соборовъ, изд. Казан дух. Академіей 1877, стр 228—231) Этотъ соборъ, рѣшая споръ между Вагадіемъ и Агашемъ изъ-за Вострской епископіи, постановилъ не подобаетъ впредь епископу судимому извергаему быти изъ священнаго чина ни двумя, ниже тремя епископами, но по приговору большаго собора и, аще возможно, всѣхъ епископовъ тоя области, какъ и апостольскими правилами постановлено (*καθὼς καὶ οἱ Ἀποστολικοὶ κανόνες διαρρίσαντο*), т е по 74 Апостольскому правилу, прибавляетъ Стратилатовъ (стр 162; ср 127) Мнѣніе Бевериджа было извѣстно Дрею и имъ опровергается, а потому представляется страннымъ, что Стратилатовъ, пользовавшійся Дреемъ при составленіи своего труда, умалчиваетъ объ этомъ даже и тамъ, гдѣ онъ специально трактуетъ о происхожденіи 74 правила (124—127 стр.) Между тѣмъ Дрей, ратуя противъ Бевериджа, говоритъ, что достаточно самого поверхностнаго знакомства съ совѣщаніями Константинопольскаго собора 394 г и словами его опредѣленія, чтобы придти къ правильному выводу «Во время совѣщаній, пишетъ Дрей, Аравіанъ, еп Анкирскій, предложилъ собору сдѣлать такое опредѣленіе, что при изверженіи епископа должно быть на лицо, по крайней мѣрѣ, такое же число епископовъ, какое и при поставленіи, именно—три, согласно Никейскимъ канонамъ (4 кан; о предложеніи Аравіана—см. Дѣянія помѣстн. соб. стр. 229—230). Ему возразилъ Теофилъ Александрійскій, который потребовалъ, чтобы епископъ былъ извергаемъ многочисленнымъ соборомъ и съ согласія епископовъ провинціи;—такъ постановилъ, присовокупляетъ Дрей, соборъ Антіохійскій 14 правиломъ и тѣмъ самымъ измѣнилъ (?) Никейское опредѣленіе. — Предложеніе Теофила принялъ соборъ въ своемъ опредѣленіи и потому не подлежитъ сомнѣнію, что подъ Апостольскими канонами онъ разумѣлъ Антіохійскіе. Впрочемъ достаточно прочитать 74 Апост. правило, заключаетъ Дрей, чтобы убѣдиться, что въ немъ ничего не говорится о томъ, что было постановлено Константинопольскими отцами согласно Апостольскимъ канонамъ (с 396—397).

Биккель (*Geschichte des Kirchenrechts*.. s. 84 прим. 27), рассматривая приведенныя соображенія Дрея, соглашается съ нимъ въ томъ, что подъ выраженіемъ отцевъ Константинопольскаго собора 394 г. „*καθὼς καὶ οἱ Ἀποστολικοὶ κανόνες διαρρίσαντο*“ нельзя разумѣть ссылку на 74 Апостольское правило и признаетъ цитацию Бевериджа не достаточно точной, такъ какъ въ этомъ правилѣ говорится не о томъ, что епископъ долженъ

Міряне же да будуть отлучены отъ общенія церковнаго. И сіе да будетъ по единомъ и второмъ и третьемъ увѣщаніи отъ епископа“ (31 пр.). Эту же особенность церковнаго судопроизводства отмѣчаютъ и тѣ каноны, въ которыхъ содержатся угрозы наказаніемъ нарушителямъ церковной дисциплины:

быть судимъ не двумя или тремя епископами. а цѣлымъ соборомъ, но о томъ, можетъ ли епископъ быть осужденъ за упорство (*in contumaciam*). Съ другой стороны, Биккель совершенно не согласенъ съ Дреемъ въ томъ, будто отцы Константинопольскаго собора разумѣютъ 14 Антиохійское правило „такъ таѣ—*καθὼς οἱ Ἀποστολικοὶ κανόνες διατίσαντο*—есть подлинное выраженіе, а не простая интерполация комментатора греческаго *codex* а салонитъ» (*ibidem*). Напрасно Дрей, стараясь ослабить значеніе часто повторяющихся на соборахъ указаній на «Апостольскія правила», утверждаетъ, что подъ именемъ «*κανόνες Ἀποστολικοὶ*» нужно разумѣть апостольское преданіе вообще, древнюю церковную практику (s. 386—388), такъ какъ напр. о троекратномъ приглашеніи епископа въ судъ неизвѣстно никакой другой древней церковной практики, кромѣ 74 Апостольскаго правила (Bickell. s. 84. прим. 28; Hefele. Concilien—Geschichte. V. I. s. 772; Стратилатовъ, стр. 165. 186—187).

Таковы имѣющіяся въ литературѣ соображенія о происхожденіи 74 Апост. правила. Прослѣдить историческую судьбу отдѣльнаго канона (напр. 74) нѣтъ возможности за неимѣніемъ точныхъ указаній на его практическое примѣненіе; это, по нашему мнѣнію, дѣло болѣе трудное, чѣмъ изложеніе исторіи цѣлаго сборника Апостольскихъ правилъ. Не соглашаясь съ крайностями въ сужденіяхъ Стратилатова о времени происхожденія послѣдняго (178—179 стр.), мы можемъ считать доказаннымъ до-Никейское происхожденіе, такъ называемыхъ, Апостольскихъ правилъ, путемъ сдѣланнаго учеными сопоставленія ихъ съ канонами Антиохійскими (341 г.) и Никейскими (325 г.): это сопоставленіе убѣждаетъ въ томъ, что не только Антиохійскій, но и Никейскій соборъ имѣлъ подъ руками сборникъ Апостольскихъ правилъ (Стратилатовъ. 166—178 стр.; Соколовъ. Изъ лекцій по церковн. праву. вып. I. 94—114 стр.; Заозерскій. Состояніе канонич. права въ до-Никейской церкви. Чтеніе въ общ. люб. дух. проsv. 1882 г. I. 190—192).

Считать источникомъ 74 Апост. правила римское право, какъ утверждаетъ проф. Соколовъ (Пр. Обзор. 1871. I. 378 стр.) вопреки заявленію своихъ лекцій (стр. 113. подъ рубр. 3.), не рѣшается даже и Дрей,—ученый съ крайне отрицательнымъ направленіемъ, хотя онъ, относя происхожденіе этого правила къ періоду послѣ-Никейскому, когда государство вступило въ тѣсный союзъ съ церковію, имѣлъ бы, при такой точкѣ зрѣнія,

кто дѣлаеть то-то или то-то, долженъ исправиться (да престанеть), или будетъ отлучень ¹⁾.

Судопроизводство было публичное, ибо только въ этомъ случаѣ для клириковъ и мірянъ становилось возможнымъ исполненіе Апостольскихъ правилъ, угрожающихъ наказаніемъ за молитвенное общеніе съ осужденными. (10 и 11 пр). А чтобы предупредить общеніе съ подобными лицами христіанъ другихъ епархій, Апостольскія правила предписываютъ принимать приходящихъ не иначе, какъ по предъявленіи ими, такъ называемой, представительной грамоты" (33 пр.).

полное право сдѣлать это Въ самомъ дѣлѣ, если уже, какъ заявляетъ самъ профъ Соколовъ, «къ концу до Никейскаго періода въ церкви существовалъ опредѣленный сводъ Апостольскихъ правилъ въ составѣ, близкомъ къ тому, какой мы имѣемъ теперь" то можно ли допустить, что обычай троекратнаго вызова обвиняемаго въ судъ церковь заимствовали изъ римскаго процесса— въ виду той заботливости, съ какою она оберегала христіанъ отъ всякаго общенія съ язычниками, отъ всякаго подражанія имъ въ какихъ либо обычаяхъ и обрядахъ (Апост. Постан. кн I гл 6, стр 8, кн II гл 62 стр 99—100) Кромѣ того, между каноническимъ приглашеніемъ и римскимъ *citatio* есть существенное различіе. *Citatio* производилась специальнымъ герольдомъ—*grasso*, который предъ открытіемъ главнаго судопроизводства трижды выкрикивалъ громкимъ голосомъ имена обвинителя и обвиняемаго Въ послѣдующее время *citatio* стала облекаться въ письменную форму, особенно въ томъ случаѣ, когда суду было извѣстно отсутствіе которой-нибудь изъ сторонъ; однако за письменнымъ приглашеніемъ обязательно слѣдовалъ вызовъ чрезъ *grasso* (*Geib.-Geschichte des Römischen Criminalprocesses*.. Leipzig. 1842. s 593—594) Если церковь что-нибудь и заимствовала изъ римскаго права, то развѣ только *письменную* форму приглашенія—и притомъ уже въ періодъ послѣ-Никейскій. Самую же троекратность вызова можно ставить въ генетическую связь съ заповѣдью Спасителя о троекратномъ увѣщаніи согрѣшающаго брата.

¹⁾ Апост. пр 42. 43 44 и др. Это обозначаетъ, говоритъ Келльнеръ, не что-нибудь иное, какъ то, что если это либо послѣ двухъ или трехъ сдѣланныхъ ему каноническихъ увѣщаній не исправится, то слѣдуетъ выступить противъ него съ церковными наказаніями, какъ совершенно справедливо разъясняетъ соборъ Леридскій. *post primam et secundam admonitionem si emendare... neglexerit... dignitate privetur* Can. 15 *Das Buss und Strafverfahren gegen Kleriker* s 124.

Таковы данныя о церковномъ судопроизводствѣ, почерпаемыя изъ Апостольскихъ правилъ.

Закончивъ обзорѣніе источниковъ, изъ которыхъ можно заимствовать свѣдѣнія касательно церковнаго процесса въ первые три вѣка христіанства, отмѣтимъ тѣ начала, на коихъ покоился онъ.

1) Основное, главнѣйшее начало — это проиѣзновеніе всего суднаго процесса отъ начала до конца духомъ любви, кротости и милосердія или, какъ мы говорили, пастырскимъ попеченіемъ о судимыхъ членахъ церкви; здѣсь не было и тѣни строго формальнаго отношенія судей къ отправленію своей юрисдикціи. Какъ обвинитель, возбуждая (послѣ безплоднаго увѣщанія) судебное разслѣдованіе, имѣлъ въ виду, главнымъ образомъ, не наказаніе подсудимаго за поцпанную имъ справедливость, или произведенный въ церкви соблазнъ, а *исправленіе его*, какъ согрѣшившаго брата, такъ точно и судьи, произнося приговоръ осужденія и налагая наказаніе— съ глубокою печалію и сѣтованіемъ,—преслѣдовали не столько карательныя, сколько нравственно - воспитательныя цѣли ¹⁾. Это начало составляетъ специфическую особенность церковнаго процесса, которая дѣлаетъ его процессомъ *sui generis*— *gen* Dei. Такимъ образомъ, институтъ церковнаго суда первыхъ трехъ вѣковъ христіанства былъ не столько карательною мѣрою въ рукахъ церковной власти, сколько духовно-исправительною или дисциплинарною.

¹⁾ Вотъ почему Тертуліанъ, произведенія котораго, какъ замѣчательнаго изъ христіанскихъ юристовъ (Molitor. Ueber kanonisch. Gerichtsverfahren. s. 23), отличаются точностію юридической терминологіи, говоря о наказаніяхъ, налагаемыхъ церковнымъ судомъ, употребилъ выраженіе «*sententiae*», а не роеае *vindictivae*. (Апология гл 39). Вотъ почему, съ другой стороны, и въ Апостольскихъ Постановленіяхъ на епископа возлагается обязанность прилагать всевозможное попеченіе и о тѣхъ, которые уже отлучены церковнымъ судомъ «Съ тѣми, которыхъ вы отлучили за грѣхи, имѣйте общеніе въ разговорѣ и сожителствѣ, заботясь о нихъ, утѣшая ихъ, поддерживая ихъ, говоря. «укрѣпитесь опущенныя руки и разслабленныя колѣна». Ибо скорбящихъ надобно утѣшать и малодушествующихъ ободрять, чтобы безмѣрная печаль не довела ихъ до безумія, «поелику малодушный крѣпко безуменъ» Если кто, обратившись, обнаружитъ плодъ

На это основное начало опираются другія начала, которыя можно назвать производными по отношенію къ нему и которыя содержатъ въ себѣ требованія, предъявляемыя къ судьямъ при отправленіи ими судебной юрисдикціи, именно:

2) Судьи, какъ добрые пастыри, пещущіеся о спасеніи согрѣшившаго члена церкви, должны быть въ своей дѣятельности безусловно справедливыми, чуждыми гнѣва, пристрастія, предубѣжденія, корысти etc.

3) Они должны быть особенно осмотрительными въ принятіи обвиненія, должны обращать строгое вниманіе на религиозно-нравственную жизнь обвинителя и свидѣтелей: нѣкоторыя лица, не удовлетворяющія религиозно-нравственнымъ требованіямъ, лишены были права обвиненія и свидѣтельства на судѣ, таковы: язычники, еретики и всѣ вообще извѣстные своею порочною жизнію; только вѣрующіе, безупречные въ нравственномъ отношеніи, допускались въ качествѣ обвинителей и свидѣтелей, при чемъ свидѣтельство одного считалось недостаточнымъ.

4) Во имя той же высокой задачи—взыскать и спасти заблудшаго—судьи при наложеніи наказанія должны сообразоваться съ характеромъ и тяжестью преступленія, съ обстоятельствами и побужденіями къ его совершенію, съ душевнымъ настроеніемъ согрѣшившаго — съ его готовностью къ раскаянію, и въ зависимости отъ этого могли уменьшить или увеличить наказаніе.

Во всѣхъ остальныхъ существенныхъ чертахъ церковный процессъ, такъ сказать, носитъ фizioномію обыкновеннаго судопроизводства, именно:

1) Церковное судопроизводство было публичное и устное. Правда, намъ извѣстенъ одинъ случай, когда при разбирательствѣ дѣла присутствовали скорописцы — именно, въ

покаянія, допускайте его и въ молитвѣ, какъ сына погибшаго, какъ того блуднаго, который съ блудницами расточилъ отцовское богатство и пасъ свиней, желалъ насытиться желудями, но и тѣхъ не имѣлъ, пока не возвратился къ отцу съ раскаяніемъ и т. д.—ен. II гл. 41. стр. 71—72; Ср. гл. 18.

судъ надъ Павломъ Самосатскимъ; но это—явленіе исключительное этотъ процессъ былъ предметомъ особеннаго интереса въ церкви, такъ какъ къ суду привлекался одинъ изъ самыхъ вліятельныхъ епископовъ того времени

2) Требовалось личное присутствіе на судъ обвинителя и обвиняемаго, въ случаѣ упорства послѣдняго, послѣ троекратнаго вызова, судъ имѣлъ право постановить заочное рѣшеніе.

3) Что касается внѣшней процедуры, то здѣсь мы видимъ всѣ главные моменты обыкновеннаго судопроизводства: обнаруженіе преступленія, обличеніе виновнаго предъ судомъ, разсмотрѣніе существа преступленія и наложеніе наказанія. Но эти моменты не были обставлены опредѣленными формальными предписаніями и совсѣмъ не имѣли мѣста въ томъ случаѣ, если подсудимый предупреждалъ разбирательство дѣла сознаниемъ и искреннимъ раскаяніемъ въ содѣянномъ преступленіи.

Итакъ, церковный процессъ первыхъ трехъ вѣковъ представляетъ изъ себя институтъ, построенный болѣе на нравственныхъ, чѣмъ на юридическихъ началахъ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что онъ образовался безъ всякаго вліянія со стороны римскаго права: церковь особенно заботливо ограждала свой судъ отъ привнесенія въ него началъ и характера суда мірскаго, да и сами христіане питали нѣкоторое предубѣжденіе къ судамъ языческимъ, имѣвшимъ связь съ языческой религіей. Фактическимъ подтвержденіемъ этого можетъ служить судъ надъ Павломъ Самосатскимъ, который отправленію своей юрисдикціи придалъ такую же обстановку, какую имѣли римскіе судебные магистраты.

Въ опредѣленные дни, назначенные для принятія жалобъ, римскій магистратъ садился на открытомъ воздухѣ (*in comitio*—на площади между Капитолійскимъ и Палатинскимъ холмомъ) на специально уготованномъ возвышеніи (*tribunal*) въ курульное кресло (*sella curulis*); вокругъ магистрата паходились его совѣтники и писцы (*consilium*). Но такое торжественное засѣданіе (*sessio pro tribunali*) считалось необходимымъ только тогда, когда магистратъ долженъ былъ прибѣгнуть къ дѣйствительному *causae cognitio* и постановить декретъ Дѣла, относящіяся къ такъ называемой

jurisdictionis voluntariae (напр. in jure cessio, manumissio и др.), магистратъ могъ производить и не pro tribunali, а на всякомъ мѣстѣ—даже на ходу (de plano). Подобную обстановку имѣли и судьи, которымъ магистратъ поручалъ разбирательство дѣла: они тоже сидѣли на возвышенной эстрадѣ (tribunal), но вмѣсто курульнаго кресла имѣли простыя скамьи (subsellia) ¹⁾

Вотъ этой то торжественной обстановкѣ судебныхъ засѣданій римскихъ магистратовъ и сталъ подражать Павелъ Самосатскій. По свидѣтельству Евсевія, онъ, преслѣдуя цѣли мірскаго славолюбія и высокоумѣрія, старался обставить свою власть мірскимъ величіемъ и пышностію, и желалъ болѣе называться Дуценаріемъ (титулъ свѣтскаго судьи), нежели епископомъ; съ гордостію окружалъ себя множествомъ копьеносцевъ спереди и сзади и въ такомъ видѣ ходилъ по общественнымъ площадямъ, на ходу читая громогласно предъ всѣмъ народомъ письма, такъ что отъ надменности и кичливости его сердца самая вѣра подвергалась нареканію и ненависти; въ довершеніе своего славолюбія, онъ устроилъ себѣ каеэдру и высокій престолъ, подобно мірскимъ начальникамъ, имѣлъ подъ своимъ именемъ и тайную комнату (secretarium);—словомъ, во всемъ копировалъ свѣтскій судъ ²⁾.

Такое подражаніе внѣшнимъ порядкамъ римскаго судопроизводства было однимъ изъ обвиненій, представленныхъ противъ Павла Самосатскаго. И чѣмъ рѣзче, замѣчаетъ Молиторъ, остальные епископы порицали его за эти нововведенія, тѣмъ вѣрнѣе заключеніе объ Апостольской простотѣ и скромности, съ какою въ первые вѣка проходило епископами трудное служеніе судьи и о томъ, какъ мало оказало вліянія свѣтское право и судебныя обычаи на ихъ патріархальныя рѣшенія ³⁾.

¹⁾ Боголѣповъ. Учебникъ исторіи рим. права. Москва 1895. 292—293 стр

²⁾ Евсевій. Церковн. Истор. кн. VII гл. 30, Molitor s. 24.

³⁾ Molitor s. 25.

Глава вторая.

„Чѣмъ больше насъ жнете, тѣмъ больше насъ становится: кровь—сѣмя христіанъ“, сказалъ Тертуліанъ, обращаясь къ язычникамъ ¹⁾).

И дѣйствительно, чѣмъ болѣе свирѣпствовала языческая жестокость и ослѣпление, тѣмъ славнѣе расцвѣтала изъ крови мучениковъ святая жизнь въ церкви, тѣмъ сильнѣе развивались отдѣльные члены въ таинственномъ тѣлѣ Христа, тѣмъ живѣе они вліяли другъ на друга; и потому кровавыя гоненія, воздвигнутыя на христіанъ, не только не достигли своей цѣли, но какъ разъ наоборотъ содѣйствовали большому и большому распространенію христіанства въ лучшей части греко-римскаго общества²⁾). Истощивъ всѣ средства въ борьбѣ съ христіанствомъ, языческій міръ призналъ свое безсиліе и эдиктомъ Константина Великаго объявилъ христіанство религіей господствующей въ римской имперіи: крестъ, нѣкогда служившій для Римлянъ орудіемъ самой позорной казни, сдѣлался теперь предметомъ ихъ поклоненія и чествованія.

Какое значеніе имѣлъ этотъ выдающійся по своей высокой важности фактъ—въ исторіи церковнаго судопроизводства? И прежде всего—осталась ли церковь, послѣ вступленія въ тѣсный союзъ съ государствомъ, вѣрна тѣмъ началамъ, на которыхъ покоилось ея судопроизводство въ первые три вѣка христіанства; выдерживаются ли эти начала въ ея

¹⁾ Анолог гл. 50.

²⁾ См. отвѣтъ Имп. Антонина на просьбу Азійскихъ делегатовъ о преслѣдованіи христіанъ Евсевій. Церков. Исторія. IV. 13; ср. VIII. 1.

вселенскомъ законодательствѣ и въ церковно-судебной практикѣ того времени?

Обращаемся къ основному началу, которое требуетъ, чтобы весь процессъ былъ пронизанъ духомъ пастырскаго попеченія о подсудимомъ. Найдемъ ли мы это начало въ процессѣ вселенскаго періода? Отвѣтъ долженъ быть утвердительный. Какъ въ первые три вѣка христіанства, такъ и теперь, въ эпоху вселенскихъ соборовъ, пастыри церкви въ своей судебной дѣятельности „подражали опытнымъ врачамъ, которые болѣзненные припадки въ тѣлахъ не тотчасъ исторгаютъ приложеніемъ желѣза и огня, но въ началѣ ослабляютъ мягкими лекарствами, ожидая времени, приличнаго для сѣченій“ ¹⁾. Вотъ, въ частности, въ какихъ словахъ св. Кирилль, еп. Александрійскій, выражаетъ свое отношеніе къ Несторію, впавшему въ ересь: „пишю къ тебѣ эти слова, побуждаемый любовію во Христѣ и какъ брату совѣтую тебѣ и умоляю предъ Богомъ и святыми ангелами Его, одинаково съ нами мыслить и учить, дабы сохранился миръ церквей. и чтобы союзъ единогласія и любви пребывалъ неразрывнымъ между священниками Божиими“ ²⁾. Тотъ же св. Кирилль, желая разсѣять всякую подозрительность на счетъ его пастырской искренности и попечительности въ отношеніи къ Несторію (Дѣянія I т. 415 стр.), говоритъ въ письмѣ къ одному изъ ревностныхъ защитниковъ послѣдняго: „дружество и любовь во мнѣ постоянныя чувства; и я никому не вступлю въ любви къ боголюбивѣйшему епископу Несторію: о Христѣ желаю—какъ предъ Богомъ говорю это—чтобы онъ удержалъ за собою доброе мнѣніе, загладилъ порицаніе, какое на себя навлекъ прежними дѣйствіями и доказалъ, что распространенныя нѣкоторыми въ вѣрѣ новыя мнѣнія, приписываются ему по клеветѣ и что въ тѣхъ слухахъ нѣтъ нисколько истины. Если Христосъ велѣлъ любить намъ и ненавидящихъ, то не больше ли слѣдуетъ это выполнить въ отношеніи тѣхъ, которые намъ братья и сосвященники“ ³⁾ Такимъ образомъ, и въ

¹⁾ Дѣянія вселенск. соборовъ Казань. 1859. I т. 457 стр. Слѣдуетъ обратить вниманіе даже на стилистическую сторону приведеннаго мѣста: не трудно замѣтить, что это—языкъ апостольскихъ постановленій Кн. II. гл. 41 стр. 73.

²⁾ Дѣянія вс. соб. т. I. стр. 333—334.

³⁾ Ibid т. I. стр. 346—347; ср 368—369.

эпоху вселенскихъ соборовъ отношенія судей къ подсудимымъ запечатлѣны были духомъ любви, кротости, милосердія. и теперь, прежде формальнаго суда и наказанія, пастыри обращались къ преступнику съ братскимъ увѣщаніемъ къ искреннему раскаянію и исправленію ¹⁾).

Предварительное братское увѣщаніе, обыкновенно, повторялось три раза. „Разсудивъ, что поскользающимся надобно подать руку для поддержанія ихъ и упавшихъ надобно поднять, какъ своихъ братій, я (Кириллъ) въ своихъ письмахъ къ нему (Несторію) совѣтовалъ отстать отъ такого нечестиваго ученія, но отъ этого мы не получили никакой пользы.. Я написалъ къ нему и *другое посланіе*, въ которомъ кратко изложивъ ученіе правой вѣры, убѣждалъ и заклиналъ его Богомъ сообразно тому и мыслить и говорить; но и этимъ я не принесъ никакой пользы... Послѣ того, какъ братъ Кириллъ двумя своими посланіями хотѣлъ вывести тебя на прямой путь, я (папа Целестинъ) хочу дать знать тебѣ, что послѣ перваго и втораго его вразумленія и послѣ этого моего обличенія, которое, какъ видишь, есть уже *третье*, ты совершенно отлученъ и отъ епископскаго престола, который ты вмѣстѣ съ нами занимаешь, и отъ всего общества христіанъ, если скоро не исправишь своего злаго ученія, если не возвратишься на тотъ путь, который есть Христось, какъ Онъ называетъ Себя“ ²⁾).

Помня заповѣдь Спасителя о прощени обидѣвшаго „до седмижды семидесяти разъ“ (Мѡ. XVIII. 22), пастыри церкви не ограничивались троекратнымъ увѣщаніемъ впавшаго въ преступленіе члена церкви, а не рѣдко простирали свою заботу о взысканіи его до готовности обращаться къ нему съ вразумляющею рѣчью неограниченное число разъ, что видно изъ отвѣта Евсевія, еп. Дорилейскаго, на предложеніе архіеп. Флавіана сходить къ обвиняемому архимандр. Евтихію и побесѣдовать съ нимъ о правой вѣрѣ. „Я прежде былъ ему другомъ. сказалъ Евсевій, и не одинъ разъ, не дважды, но

¹⁾ См напр слѣд. мѣста Дѣяній вс. соб. т. I. стр. 12. 351. 353. 361. 456. 457. 369. 391. 415. 432. 433. 435—436. 459; т. II. 444. т. III. 32. 45—46. 116 и мн. др.

²⁾ Дѣянія. т. I. стр. 361—463—386; ср 439. 497—498.

часто приходилъ къ нему по этому дѣлу, которымъ онъ зараженъ; я бесѣдовалъ уже съ нимъ, и нашелъ его неправильно мудрствующимъ; я увѣщевалъ его и училъ, но онъ оставался непреклоннымъ, говоря то, что чуждо правой нашей вѣры. Это могу я довазать многими свидѣтелями, которые присутствовали и слышали... Святѣйшій архіепископъ Флавіанъ сказалъ: пусть уступитъ намъ твое благочестіе и опять потрудится сходить въ монастырь, побесѣдуетъ съ нимъ, о чемъ слѣдуетъ и что относится къ примиренію, дабы не случилось опять какого-либо волненія и смятенія въ святыхъ церквахъ Христовыхъ“ ¹⁾

Если результатомъ братскаго увѣщанія было полное сознание подсудимымъ своей вины и искреннее раскаяніе, то въ этомъ случаѣ и теперь, какъ и въ первые три вѣка христіанства, формальное судопроизводство надъ нимъ уже не могло имѣть мѣста: вмѣсто наказанія, обвиняемый получалъ прощеніе и примиреніе съ церковію, а осужденію подвергалось только самое заблужденіе (если дѣло шло о религіозныхъ убѣжденіяхъ). „Еслибы онъ (Евтихій), говоритъ папа Левъ, по милосердію Духа Святаго, исправившись, отказался отъ нечестія своего заблужденія и осудилъ бы съ полнымъ удовольствіемъ то, что проклиняютъ каеолики, то мы не хотимъ отказать ему въ прощеніи, такъ какъ для церкви Господа тутъ не будетъ никакого вреда. Поэтому кающійся можетъ быть принятъ, и одно заблужденіе да будетъ отвергнуто“ ²⁾. Тоже самое говоритъ на соборѣ Константинопольскомъ (448 г.) предсѣдатель его св. Флавіанъ: „о, еслибы онъ (Евтихій), придя сюда и сознавъ свое заблужденіе, раскаялся! Господь нашъ Іисусъ Христосъ радуется о спасеніи погибшихъ, и Самъ первый идетъ искать заблудшую овцу (Лук. XV.). Посему посланные теперь почтенѣйшіе пресвитеры Мама и Теофилъ, отдавъ ему посланную отъ насъ вызовную грамоту, пусть убѣдятъ его придти на нашъ святой соборъ... Если онъ придетъ сюда, изрыгнетъ прежнее свое нечестіе и признаетъ истинную вѣру и изложеніе святыхъ отцевъ нашихъ, тогда онъ получитъ прощеніе, какое обыкновенно мы даемъ раскаявающимся“ ³⁾

¹⁾ Ibid. т. III. стр. 207—208, ср. 266.

²⁾ Дѣян. III. 45—46 стр.

³⁾ Ibid. III. 253—254; ср. I. 609—610; III 192.

Если же, съ другой стороны, братское увѣщаніе оставалось безплоднымъ и обвиняемый въ преступленіи продолжалъ упорствовать въ своей нераскаянности, тогда слѣдовало формальное разбирательство, заканчивавшееся формальнымъ приговоромъ осужденія. „Когда страшная для всѣхъ зараза (ересь Несторія), говоритъ папа Целестинъ, требовала отсѣчь гнилой членъ отъ тѣла церкви, то мы съ желѣзомъ принесли и пластырь. Но онъ самъ, злоупотребляя нашимъ попеченіемъ о томъ, да не погибнетъ единъ отъ малыхъ сихъ, возжелалъ себѣ смерти. Презрѣвши наше врачество, онъ рѣшился быть отсѣченнымъ. Судъ апостольскій рѣшилъ отсѣчь того, кто оскорблялъ насъ и желалъ ниспровергнуть Евангеліе. У насъ не было, какъ мы сказали, недостатка во врачествѣ для разслабленнаго своимъ нечестіемъ. Мы не спѣшили оглашать его мытаремъ и язычникомъ. Мы знаемъ сколько и въ какой мѣрѣ Писаніе повелѣваетъ обличать подобныхъ людей, но теперь мѣра нашихъ увѣщаній исполнилась наконецъ. Тогда увѣщевалъ братъ брата, а теперь этотъ упорный при одномъ, двухъ и даже многихъ свидѣтеляхъ былъ увѣщеваемъ; слѣдовательно, обличемъ былъ всю церковь, а также и нашимъ словомъ Мы не сдѣлали ничего преждевременнаго, ничего необдуманнаго въ отношеніи къ тому, кого осудилъ этотъ соборъ (Ефесскій) послѣ продолжительныхъ совѣщаній. Мы не могли болѣе медлить, дабы не показалось, что мы бѣжимъ, по Писанію, съ воромъ и раздѣляемъ наше участіе съ прелюбодѣемъ вѣры. Отринувши всѣ лекарства, ему поднесенныя, онъ потребовалъ себѣ поля для сраженія. Намѣревался выйти на войну, онъ несъ противъ вѣры оружіе вѣроломства“¹⁾...

Въ другомъ мѣстѣ тотъ же папа Целестинъ пишетъ: „въ то время какъ онъ (Несторій) приближается на край пропасти, или уже сталъ на то мѣсто пропасти, откуда начинается паденіе, мы, если можемъ, должны отозвать его назадъ: не подавши ему остерегательнаго голоса, мы какъ бы толкнемъ его и ускоримъ его паденіе. Христось Богъ нашъ, о рожденіи Котораго началось изысканіе, показалъ намъ, что Онъ переносилъ труды для спасенія и одной овцы, восхотѣлъ

¹⁾ Дѣянія... II. 336—337 и слѣд.

нести ее на своихъ раменахъ, дабы не похитилъ ее волкъ. Когда Онъ училъ пастъ такъ дѣйствовать для спасенія одной овцы, то не хочеть ли онъ, чтобы мы еще болѣе труда понесли за спасеніе пастыря овецъ, который, забывъ это свое имя и свою обязанность, самъ себя предалъ хищному волку, стараясь погубить свое стадо, которое обязанъ былъ охранять? Но мы должны удалить его отъ оградъ овчихъ, если не исправимъ его, какъ желаемъ; а если остается еще надежда, что онъ, сознавъ вину свою, исправится, мы хотимъ, чтобы онъ обратился и былъ живъ, и не губилъ бы тѣхъ, жизнь которыхъ ввѣрена его храненію. *Но если будетъ со стороны его упорство, то должно открыто произнести осужденіе на него: надобно отстычь этотъ больной членъ, отъ котораго страдаетъ не онъ одинъ, а поднимется все тѣло церкви*¹⁾.

Приведенныя свидѣтельства изъ актовъ вселенскихъ соборовъ вполне убѣждаютъ въ томъ, что церковный процессъ этой эпохи остался вѣренъ той основной идеѣ, на которой былъ построенъ процессъ первыхъ трехъ вѣковъ.

Остался вѣренъ онъ и тѣмъ начатамъ, которыя по отношенію къ разсмотрѣнному мы назвали производными.

Такъ, судебная дѣятельность пастырей церкви въ эпоху вселенскихъ соборовъ характеризуется тѣми же качествами безусловной справедливости и полного безпристрастія, какъ и въ первые три вѣка. Въ 16 пр. Карфагенскаго собора прямо предписывается, чтобы судьи никого не осуждали, „по враждѣ или пристрастію“, чтобы они не были прельщаемы „нѣкимъ угожденіемъ“. Въ актахъ вселенскихъ соборовъ мы на каждомъ шагѣ встрѣчаемся съ выраженіями, въ родѣ слѣдующихъ: „его—правый судъ; это—Божій судъ; Христосъ судилъ въ этомъ дѣлѣ; это мнѣніе справедливо; этотъ судъ справедливъ и т. п.“²⁾.

¹⁾ Ibid. I 368—369; ср 392—393, 386 414, 426—428. 439 456—457. 729 и др. Въ актахъ вселенскихъ соборовъ мы находимъ указанія на то, что въ тѣхъ случаяхъ, когда, вслѣдствіе упорной пераскаинности обвиняемаго, дѣло доходило до формальнаго разбирательства, лица, чрезъ которыхъ пастыри церкви обращались къ обвиняемому съ увѣщательными посланіями или письмами, подвергались судебному допросу относительно того, какъ они выполнили возложенную на нихъ миссію. См. напр. I. 556—557 стр.

²⁾ Дѣянія . IV. 265; 266. 274 и др.

Затѣмъ, религіозно-нравственныя требованія, претъ-являемыя къ обвинителю и свидѣтелямъ въ первые три вѣка, сохранили полную силу и въ эпоху вселенскихъ соборовъ. Вселенское законодагательство, согласно 74 апостольскъ правилу, предписываетъ: „отъ клириковъ или мірянъ, доносящихъ на епископовъ или на клириковъ, не принимати доноса просто и безъ изслѣдованія: но предварительно извѣдывати общественное о нихъ мнѣніе (IV. 21.). Если бы, по изслѣдованіи, оказалось, что обвинитель не удовлетворяетъ или религіознымъ требованіямъ (язычники, іудеи и еретики—II пр. 6; Кароаг 144) или требованіямъ нравственнымъ (опороченные въ общественномъ мнѣніи, прикосновенные къ срамнымъ дѣламъ и тѣ, на которыхъ лежитъ пятно безчестія.—Каро. пр. 8. 27 144), то, какъ въ первые три вѣка, такъ и теперь отъ такого лица не могутъ быть принято обвиненіе въ дѣлахъ церковныхъ (но не гражданскихъ—II. пр 6; Каро. 144). Равнымъ образомъ нельзя было принимать отъ такихъ лицъ и свидѣтельскихъ показаній (Кароаг. 146.).

Какъ въ первые три вѣка христіанства, такъ и теперь, при наложеніи наказанія судьи сообразуются съ характеромъ и тяжестью преступленія, съ обстоятельствами и побужденіями къ его совершенію, съ душевнымъ настроеніемъ согрѣшившаго—съ его готовностію къ раскаянію и въ зависимости отъ этого могутъ уменьшить или увеличить наказаніе. Въ каноническомъ посланіи св. Аѳанасія Александрійскаго къ еп. Руфиану читаемъ: „поелику благолюбиво и церковно (какъ и прилично твоему благочестію) вопрошалъ ты о увлеченныхъ (въ аріанскую ересь) нуждою, но не развращенныхъ зловѣріемъ и желалъ, чтобы я написалъ къ тебѣ, что положено о нихъ на соборахъ и повсюду: то вѣдай, господине мой вождеденнѣйшій, яко (на нѣсколькихъ соборахъ въ различныхъ мѣстахъ) постановлено, чтобы падшимъ (вступившимъ въ общеніе съ аріанами) и бывшимъ предстателямъ нечестія (т. е. тѣмъ, которые, совратясь въ аріанство, и другихъ привлекали къ нему) являти снисхожденіе кающимся, но не давати имъ мѣста въ клирѣ: а не бывшимъ самовластными дѣлателями нечестія, но увлеченнымъ нуждою и насиліемъ, давати прощеніе, и имѣти имъ мѣсто въ клирѣ, наипаче, когда они принесли достойное вѣры оправданіе и сіе учипено, по видимому, съ нѣкимъ благоусмотрѣніемъ.

Ибо таковыя утверждали, что они не совращались въ нечестіе: но дабы нѣкоторые, содѣлавшись нечестивѣйшими, не разстроили церквей, почли за лучшее уступитьъ насилію и понести бремя, нежели погубити народъ. Говоря сіе, они, и по нашему мнѣнію, говорили достойное пріятія: ибо въ извиненіе себя представляли и Аарона Моисеева брата, который уступилъ въ пустынь преступному требованію народа, но имѣлъ извиненіе въ намѣреніи, дабы народъ не возвратился въ Египеть и не остался въ идолослуженіи. Ибо представлялось вѣроятнымъ, что пребывая въ пустынь, онъ можетъ престати отъ нечестія, но вошедши во Египеть, усилить и возраститъ въ себѣ нечестіе. По сей причинѣ разрѣшено допускати таковыхъ въ клиръ, такъ какъ прельщеннымъ и насиліе претерпѣвшимъ дается прощеніе. Сіе объявляю и твоему благоговѣнію и уповаю, яко и твое благочестіе пріиметь постановленіе“¹⁾... Во 2 пр собора Анкирскаго говорится— „діаконамъ идоложертвовавшимъ, но потомъ возобновившимъ подвигъ вѣры, присвоенную имъ честь имѣти, но престати имъ отъ всякаго священнаго служенія, отъ возношенія хлѣба и чаши и отъ провозглашенія моленій. Аще же которые изъ епископовъ усмотрятъ въ таковыхъ нѣкій трудъ или смиреніе кротости, и восхотятъ нѣчто боѣе дати или отъяти: да будетъ сіе въ ихъ власти“²⁾. Пятое правило того же Анкирскаго собора предоставляетъ епископамъ власть въ отношеніи къ идоложертвовавшимъ по принужденію мірянамъ „испытавъ образъ обращенія (ихъ), человекѣлюбствовать или большее время покаянія приложить, паче всего да испытуется житіе предшествовавшее искушенію и послѣдовавшее за онымъ, и тако да размѣряется человекѣлюбіе“³⁾.

Однимъ словомъ, всѣ внутреннія особенности церковнаго процесса первыхъ трехъ вѣковъ христіанства, характеризующія его какъ процессъ *sui generis*—*gem Dei*, вполне выдерживаются въ процессѣ вселенскаго періода.

Что касается внѣшней стороны церковнаго процесса, которую онъ сближается съ обыкновеннымъ судопроизвод-

¹⁾ Книга правилъ. III т. 127—132 стр.

²⁾ Сн. I. вс. соб. пр. 11.

³⁾ Сн. I. всел. соб. пр. 12. Анкирск. пр. 7, 9 и 16.

ствомъ, и, какъ таковой, можетъ подлежать развитію и усовершенствованію сообразно духу и условіямъ времени, то почти всѣ требованія касательно отдѣльныхъ моментовъ производства, соблюдавшіяся въ первые три вѣка и основывавшіяся на обычаѣ или положительномъ законодательствѣ, получили подтвержденіе во вселенскомъ законодательствѣ, каковы о наказаніи обвинителя за клевету (II всел. соб. пр. 6), о личномъ присутствіи на судѣ обвинителя и обвиняемаго и способъ его приглашенія (Θеоф. Алекс. пр. 9. Карѣ 28), о количествѣ свидѣтелей (I вс. соб. пр. 2; VI. 85; Карѣ. 147) и др ¹⁾.

Но спрашивается, могъ ли церковный процессъ эпохи вселенскихъ соборовъ по своей внѣшней фізіономіи остаться тѣмъ же, чѣмъ онъ былъ въ первые три вѣка? Оставаясь вѣрною внутреннимъ началамъ процесса первыхъ вѣковъ, могла ли церковь и теперь, по вступленіи въ тѣсный союзъ съ государствомъ, довольствоваться прежними простыми, пагіархальными формами внѣшняго производства, не имѣющими надлежащей устойчивости и раздѣльности?

Отвѣтить на этотъ вопросъ нетрудно, если мы обратимъ вниманіе на характеръ той эпохи, которая отерывается съ началомъ четвертаго столѣтія: это была самая кипучая пора въ жизни церкви, когда она, призванная государствомъ, напрягала всѣ свои усилія къ выработкѣ основныхъ началъ внутренняго и внѣшняго благоустройства; теперь, когда церковь получила возможность вносить свою дѣятельность въ сферу государственной жизни, церковно-юридическія отношенія сдѣлались гораздо разнообразнѣе и сложнѣе: нерѣдко въ нѣдрахъ церкви возникали такія важныя дѣла, требовавшія судебного разбирательства, которыя волновали весь христіанскій міръ отъ Востока до Запада и были настолько запутанны, что не могли уложиться въ прежнія простыя процессуальныя формы. Простая внѣшняя надобность, говоритъ проф. Соколовъ, должна была послужить побужденіемъ къ тому, чтобы сообщить духовному суду правильныя и постоянныя формы,

¹⁾ Потерпѣлъ измѣненія только самый способъ производства со стороны устности и публичности; въ чемъ состояли эти измѣненія, скажемъ въ своемъ мѣстѣ

потому что невозможно было въ сложныхъ и запутанныхъ процессахъ, приводившихъ въ движеніе дѣлыя церковныя области, а иногда и всю церковь, довольствоваться простыми моральными правилами и несложными формами отеческаго пагіархальнаго разбирательства. Судъ по этимъ правиламъ, какъ бы онъ ни былъ справедливъ самъ по себѣ, всегда былъ бы случайный, субъективный судъ и не имѣлъ бы другихъ гарантій для своей правильности, кромѣ честности и способности лицъ, непосредственно участвовавшихъ въ судопроизводствѣ. Божіе прощія, объективныя гарантіи могли быть установлены правильными и раціональными формами процесса ¹⁾.

Откуда же церковь могла заимствовать необходимыя для нея правильныя и раціональныя формы процесса? Г. Заозерскій силится доказать, что тѣ развитыя и исполнѣ окрѣпшія формы процесса, которыя мы встрѣчаемъ на соборахъ IV-го и слѣдующихъ вѣковъ, церковь выработала самостоятельно—изъ своихъ собственныхъ началъ, почти безъ всякаго вліянія стороннихъ факторовъ. По его мнѣнію, источниками, на основаніи которыхъ церковь путемъ законодательства и судебной практики IV и V вѣковъ выработала свой процессъ, были „древнія правила, именно Апостольскія и церковныя обычаи, соблюдавшіеся въ тѣхъ или другихъ церквахъ“ ²⁾. Хотя и можно найти, сознается далѣе г. Заозерскій—а) въ вѣкоторыхъ опредѣленіяхъ Карфагенскаго собора и отчасти IV-го вселенскаго „*краткое указаніе*“ на то, что церковное законодательство по вѣкоторымъ частямъ судопроизводства сообразовалось съ дѣйствовавшимъ тогда свѣтскимъ правомъ и в) въ церковно-судебной практикѣ „*нѣкоторые элементы*“, указывающіе только „*на близость*“ церковнаго процесса къ римскому обвинительному ³⁾, но вообще, умозаключаетъ онъ, „заключенность, полнота и опредѣленность церковнаго суда явились прямымъ слѣдствіемъ узаконеній Спасителя и Апостоловъ, постепеннымъ, хотя и очень быстрымъ, путемъ практики предшествовавшихъ вѣковъ и сообразовавшагося съ нею церковнаго законодательства“ ⁴⁾ Можно ли согласиться съ

¹⁾ Прав. Обзор 1871 г стр 197.

²⁾ Церковный судъ... стр. 300

³⁾ Ibid. стр 300 и 312

⁴⁾ Ibid 343 стр

подобными разсужденіями? Вѣрно то, что церковный процессъ вселенскаго періода сохраняетъ неразрывную, тѣснѣйшую связь съ внутренними началами процесса первыхъ вѣковъ, но какъ можно допустить, не грѣша противъ законовъ логики, чтобы переходъ отъ патріархальныхъ формъ вѣшняго производства къ стройному, вполне законченному или, по выраженію самого г. Заозерскаго, „полному и точно опредѣленному во всѣхъ своихъ частяхъ“ процессу, каковымъ мы видимъ его съ IV вѣка, могъ совершиться разомъ, безъ всякаго сторонняго содѣйствія,—особенно если принять во вниманіе то обстоятельство, что напр. римскій процессъ, отличающійся полнотою, стройностію и раздѣльностію своихъ частей, есть результатъ многовѣковой творческой дѣятельности римскаго народа въ лицѣ его „мудрѣйшихъ“—юрисконсультовъ, судей и законодателей. Несомнѣнно, что церковное судопроизводство эпохи вселенскихъ соборовъ выработалась не безъ сторонней помощи.

Откуда могла явиться эта помощь? Еврейское право, какъ видно изъ Апостольскихъ Постановленій, безспорно имѣло нѣкоторое вліаніе на церковно-судебную практику первыхъ трехъ вѣковъ христіанства своими разрозненными, отрывочными предписаніями касательно судей—ихъ дѣятельности, чуждой лицепріятія, пристрастія, всякихъ корыстолобивыхъ разчетовъ (Лев. XIX. 15; Второз. 1. 17; XVI. 19; XVII. 7, XXVII. 25, Исх. XXIII. 2—3. 7—8 и др.), касательно свидѣтелей (Втор. XIX. 15), личнаго присутствія на судѣ той и другой стороны (Втор. XIX. 17) и пр.

Но Еврейское право не могло дать церкви опредѣленной и законченной судебной процедуры, такъ какъ оно и само не имѣло ея: еврейскій процессъ былъ краткій и правила, его касающіяся, по большей части отрицательнаго, а не положительнаго свойства¹⁾. Одно только римское право могло дать церкви необходимыя для ея цѣлей строго опредѣленныя процессуальныя формы, оно только и могло удовлетворить возникшей въ церкви потребности въ такихъ формахъ.

Займствованіе церковію процессуальныхъ формъ именно изъ этого источника было насколько естественно, настолько и необходимо.

¹⁾ Michaelis—Mosaisches Recht. Th. VI. S. 114 и слѣд.

Послѣ признанія христіанской религіи господствующею въ римской имперіи, церковь и государство пошли въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи рука объ руку—между ними устанавливается взаимодѣйствіе по всѣмъ сторонамъ жизни и дѣятельности: государство беретъ на себя неусыпную заботу о церкви, видя въ такомъ или иномъ состояніи богопочтенія залогъ своего благоденствія, церковь со своей стороны полагаетъ свою задачею внести гуманнѣйшій духъ христіанства въ государственныя установленія и тѣмъ самымъ сообщить имъ новую жизнь. „Состояніе нашего государства, читаемъ въ грамотѣ имп. Θεодосія и Валентиніана къ Кириллу, архіеп. Александрійскому, зависитъ отъ образа богопочтенія и у нихъ много общаго и сроднаго: они поддерживаютъ одно другое и каждое изъ нихъ возрастаетъ съ успѣхами другаго, такъ что истинное богопочтеніе свѣтится правдивою дѣятельностію, а государство цвѣтетъ, когда соединяетъ въ себѣ то и другое“¹⁾. „Всѣмъ извѣстно, говорятъ тѣже императоры, что состояніе нашего государства и все человѣческое утверждается и поддерживается благочестіемъ къ Богу. Когда благоволитъ верховный Судія, то всѣ дѣла текутъ и направляются счастливо и по нашему желанію. Итакъ, получивъ по Божественному промысленію царство, мы должны прилагать величайшую заботливость о благочестіи и благоповеденіи нашихъ подданныхъ, чтобы и истинная вѣра и наше государство сіяли искреннею ревностію о высшемъ благѣ и полнымъ благочестіемъ.... Вся наша надежда и крѣпость нашей имперіи зависитъ отъ православной вѣры въ Бога и отъ вашихъ (епископовъ) святыхъ молитвъ“²⁾. Императоръ Юстиніанъ, какъ бы выражая общій принципъ, легшій въ основу отношеній между государствомъ и церковію, заявляетъ отцамъ пятаго вселенскаго собора: „доставлять миръ святой церкви Божіей—было всегдашнею заботою православныхъ и благочестивыхъ императоровъ, предковъ нашихъ“³⁾. При такихъ отношеніяхъ между государствомъ и церковію, послѣдняя естественно стремилась въ

¹⁾ Дѣянія всел. соб. I т. 479—480 стр.

²⁾ III т. 146—147 и 137—158 стр.

³⁾ V т. 553 стр. Ср. II т. 299—348; III т. 77, IV 127 495; VI 325. 327. (вторая нумерація) 562; VII. 42. 75 и др.

устройствѣ и организаціи различныхъ внѣшнихъ сторонъ своей жизни сообразоваться съ порядками, господствовавшими въ государственной жизни и къ нимъ принаравливаться ¹⁾. Тоже самое нужно сказать и относительно формъ и приѣмовъ судопроизводства. Для церкви всего естественнѣе было воспользоваться для своихъ цѣлей именно тѣми процессуальными формами, которыя практиковались государствомъ и были утверждены его законами, такъ какъ членами церкви были тѣже подданные государства.

Кромѣ этого, можно привести еще не мало соображеній въ пользу не простой только естественности, но и положительной необходимости для церкви заимствовать римскія процессуальныя формы.

Нѣкоторыя данныя, уясняющія эту рецепцію, можно извлечь изъ исторіи, такъ называемаго, посредническаго суда епископовъ и разившейся изъ него церковной юрисдикціи по дѣламъ свѣтскаго характера, выдѣленной государствомъ изъ собственной компетенціи ²⁾.

Существованіе посредническаго суда въ первые три вѣка христіанства основывается на прямой заповѣди Ап. Павла, находящейся въ тѣсной связи съ отказомъ Спасителя на предложеніе одной изъ тяжущихся сторонъ разрѣшить споръ о дѣлѣжѣ имущества (Лук. XII 13—14). Апостоль, обращаясь къ Коринѣскимъ христіанамъ, говоритъ: „какъ смѣетъ кто у васъ, имѣя дѣло съ другимъ, судиться у нечестивыхъ, а не у святыхъ... Къ стыду вашему говорю: неужели нѣтъ между вами ни одного разумнаго, который могъ бы разсудить между братьями своими? Но братъ съ братомъ судится, и притомъ предъ невѣрными. И то уже весьма унижительно для васъ, что вы имѣете тяжбы между собою. Для чего бы вамъ лучше не оставаться обиженными? Для чего бы вамъ лучше не терпѣть лишенія? Но вы сами обижаете и отнимаете, и притомъ у братьевъ“. (1 Кор. VI. 1—8). Такимъ образомъ

¹⁾ 38 правиломъ Трулльскаго собора церковь прямо узаконила, что чинъ церковныхъ дѣлъ долженъ во всемъ слѣдовать гражданскому и земскому распорядку.

²⁾ Обстоятельное изложеніе этого предмета можно найти въ трудѣ профъ Суворова—«Объемъ дисциплинарнаго суда и юрисдикціи церкви» .. Ярославль 1884. 326—393 стр.

Апостоль, находя тяжбу, какова бы она ни была, по самому существу увизительною для христіанъ, обязанныхъ любить другъ друга, съ особенною строгостію осуждаетъ ихъ за обращеніе къ языческимъ судьямъ для разрѣшенія своихъ тяжбъ: если ужъ онѣ возникли, то ни въ какомъ случаѣ не должны выходить изъ предѣловъ христіанской общины, а должны быть разрѣшаемы разумными людьми изъ самихъ же христіанъ. Лучшими же изъ тѣхъ разумныхъ людей, о которыхъ говоритъ Апостоль, были, конечно, епископы и слѣдовательно, въ ихъ рукахъ сосредоточивалось разбирательство гражданскихъ тяжбъ между христіанами ¹⁾.

Положеніе христіанскихъ общинъ въ римской имперіи, особенно во времена преслѣдованій, было таково, что наставленіе Апостола сдѣлалось закономъ для христіанъ первыхъ вѣковъ. Веденіе христіанами процессовъ въ римскихъ судахъ было не безопасно не только потому, что они не могли рассчитывать на безпристрастіе судей, но и потому, что могло выдавать ихъ принадлежность къ преслѣдуемому обществу и къ тому же ставило ихъ въ необходимость принимать косвенное участіе въ идолослуженіи, такъ какъ судопроизводство тогдашнее обставлено было многими формальностями религіознаго характера. Съ признаніемъ церкви въ государствѣ, правосудіе стало отправляться лицами христіанскаго вѣроисповѣданія и потому внѣшніе мотивы, вызвавшіе къ бытію институтъ посредническаго суда, сами собою отпали, а между тѣмъ этотъ институтъ продолжалъ свое существованіе и при христіанскихъ императорахъ. Причину этого нѣкоторые канонисты усматриваютъ въ желаніи послѣднихъ, особенно христіанвѣйшаго изъ нихъ Константина Великаго, дабы путемъ епископскаго посредническаго суда могъ проникнуть гуманнѣй

¹⁾ А что, дѣйствительно, въ епископахъ наиболѣе, по сравненію съ прочими христіанами, наблюдались качества благоразумія и добросовѣстности, столь необходимыя для цѣлей правосудія, это легко объясняется тѣмъ, что эти именно качества, главнымъ образомъ, принимались во вниманіе при самомъ избраніи на епископскую должность. Кромѣ того епископамъ, по самой должности, принадлежала духовная юрисдикція, а потому всего естественнѣе было къ этой главной юрисдикціи (principale) присоединить и юрисдикцію по гражданскимъ дѣламъ въ качествѣ *accessorium*. Fessler. цит. соч S 68.

духъ христіанства въ свѣтскіе суды и оживить ихъ ¹⁾. По нашему мнѣнію, это не было не только единственною, но и главною причиною того, почему Константинъ Великій двумя своими конституціями (321 г.) подтвердилъ посреднической судъ епископовъ ²⁾. Главная причина лежитъ въ самыхъ воззрѣніяхъ римскаго права на арбитровъ и характеръ ихъ дѣятельности. Римское право различало *judices*, *recuperatores* и *arbitri*. Нерѣдко возникали столь запутанныя дѣла, что сами тяжущіеся не въ состояніи были опредѣлить объемъ своихъ претепзій и нуждались въ такомъ лицѣ, которое по доброй совѣсти и внутреннему убѣжденію (руководясь „головой и сердцемъ“) разобралось бы въ путаницѣ ихъ юридическихъ отношеній ³⁾. Эти то лица назывались арбитрами. Они могли быть избираемы не только изъ числа тѣхъ гражданъ, которые были занесены въ составлявшійся магистратомъ списокъ судей (*album iudicum selectorum*), но, при добровольномъ на то согласіи сторонъ, изъ всѣхъ классовъ общества (*arbitri ex compromisso*): арбитромъ могъ быть всякій, отличавшійся, по сознанію самихъ тяжущихся, „доброю совѣстію“, — т. е. высокими нравственными качествами. А кто могъ въ этомъ отношеніи стать рядомъ съ христіанскими епископами, сіявшими своими добродѣтелями? Такимъ образомъ епископы, прославленные своею нравственною жизнію, могли быть самыми желательными арбитрами *ex compromisso* и слѣдовательно, лишить епископовъ этого права значило бы нанести чувствительный даръ основнымъ принципамъ, на которыхъ утверждался римскій институтъ посредническаго суда, служившій излюбленнымъ способомъ рѣшенія гражданскихъ споровъ, что видно изъ древнихъ римскихъ кодексовъ, гдѣ этому предмету посвящены цѣлыя отдѣлы ⁴⁾. Съ другой стороны, высокое уваженіе Константина Великаго къ епископамъ и желаніе защитить людей бѣдныхъ и беспомощныхъ отъ притѣсненій со стороны богатыхъ и сильныхъ вмѣстѣ съ увѣренностію въ томъ, что

¹⁾ Fessler. S. 69 и 66—67.

²⁾ Текстъ и объясненіе смысла и значенія этихъ конституцій. См. у Суворова — Объемъ .. 326 и слѣд

³⁾ Боголюбовъ. Учебникъ истории римскаго права Москва 1895. стр. 291.

⁴⁾ Lex 3 § 1. l. 11 § 2. l. 32 § 9 и 12. Dig. de receptis qui arbitrium receperunt. ut sententiam dicant (IV 8).

епископы будутъ рѣшать дѣла добросовѣстно, безъ издержекъ, безъ волокиты, безъ поблажи сильнымъ—все это побудило Константина Великаго не только подтвердить практиковавшійся, въ силу обстоятельствъ, въ первые три вѣка посреднической судъ епископовъ, но и обставить его важными привилегіями. Законами послѣдующихъ императоровъ и особенно закономъ Валентиніана III отъ 452 г. епископскій судъ окончательно поставленъ былъ въ юридическое положеніе посредническаго суда арбитровъ и съ такимъ характеромъ перешелъ въ законодательство Юстиніана ¹⁾.

Служеніе арбитра разсматривалось какъ служеніе общественному интересу, какъ нѣкотораго рода обязанность, отъ которой нельзя было отказаться. При такой точкѣ зрѣнія для насъ будутъ вполнѣ понятны жалобы многихъ епископовъ на обремененіе ихъ массою гражданскихъ дѣлъ и на тѣ трудности, съ которыми сопряжена ихъ дѣятельность въ качествѣ арбитровъ ²⁾.

¹⁾ См у Суворова 337—342 стр. Мы совершенно согласны съ проф. Суворовымъ въ томъ, что нѣтъ никакихъ основаній *воплнѣ* приравнивать епископскій посреднический судъ первыхъ трехъ вѣковъ христіанства къ суду римскихъ арбитровъ (Объемъ. 78—79 стр), но придаемъ болѣе, чѣмъ у него, значение влиянію принциповъ римскаго права на Константина Великаго при изданіи имъ первой конституціи (333 стр) Намъ кажется, что первая конституція перваго христіанскаго императора была прежде всего утвердительнымъ отвѣтомъ на вопросъ, самъ собою—невольнo возникшій въ христіанахъ. могли ли они теперь, когда суды сдѣлались христіанскими, обращаться за рѣшеніемъ своихъ тяжбъ къ епископамъ? Дать на этотъ вопросъ отрицательный отвѣтъ, значило бы къ четыремъ категориямъ лицъ, освобожденныхъ рескриптомъ Антонина III отъ обязанностей арбитра (философы, риторы, грамматики и врачи), прибавить еще пятую—и притомъ такихъ лицъ, относительно которыхъ съ болѣшимъ правомъ можно было сказать, что они рѣшаютъ споръ «по доброй совѣсти»

²⁾ Таковы напр. жалобы бл Августина въ его соч. «de oper monachorum» с. 37 и св. Іоанна Златоуста въ книгѣ о священствѣ Riffel—Geschichtliche Darstellung des Verhältnisses zwischen Kirche und Staat Mainz 1836 S. 235—236. Fessler цит соч S 71—76. Импер. Юстиніанъ предоставилъ епископамъ право отсылать тяжущихся къ свѣтскимъ судьямъ, если дѣло представлялось имъ слишкомъ труднымъ и запутаннымъ. Si vero autem propter causae naturam aut propter quandam forte difficultatem non fuerit possibile deo amabili episcopo decidere negotium, tunc licentiam esse et civiles iudices pergere... Nov 83

Хотя отъ арбитровъ требовалась главнымъ образомъ „добрая совѣсть“, а не юридическія знанія, тѣмъ не менѣе можно съ увѣренностію сказать, что это служеніе побуждало епископовъ въ цѣляхъ достойнаго прохожденія его, съ одной стороны, изучать римское право вообще и процессуальное въ особенности, съ другой—окружать себя совѣтниками изъ лицъ, свѣдующихъ въ юриспруденціи ¹⁾.

Кромѣ посредническаго суда, который къ тому же въ позднѣйшемъ законодательствѣ Юстиніана, выраженномъ въ новеллахъ, былъ поставленъ въ чрезвычайно тѣсныя границы ²⁾, епископы при христіанскихъ императорахъ получили широкую возможность участвовать въ отправленіи гражданскаго правосудія—а) въ качествѣ делегатовъ по порученію императора или магистратовъ и в) въ качествѣ лицъ, получившихъ право наблюдать за ходомъ правосудія въ государствѣ. Равнымъ образомъ, для дѣятельности церкви отведено было государствомъ широкое поприще и въ области уголовной

¹⁾ Указаніе на это можно найти въ слѣдующихъ словахъ бл Августина (De opere monachor. c 37). multo malle per singulos dies certis horis. . aliquid manibus operari, et ceteras horas habere ad legendum et orandum aut aliquid de divinis litteris agendum liberas, quam tumultuosissimas perplexitates causarum alienarum pati de negotiis saecularibus vel judicando dirimendis vel interveniendo praesidentis. Выраженіе «judicando dirimendis», конечно, слѣдуетъ понимать въ смыслѣ согласія съ дѣйствующимъ римскимъ правомъ, по аналогіи съ рѣшеніемъ свѣтскихъ судей Въ исторіи Теодорита (Historia religiosa c 17), въ качествѣ комментарія къ приведенному мѣсту бл Августина, передается разсказъ о двоюкомъ способѣ, примѣняемомъ благочестивымъ епископомъ Авраамомъ къ тяжущимся, которые обращались къ нему со своими процессами, именно сначала онъ старался привести стороны къ полюбовному соглашенію, а потомъ, въ случаѣ безуспѣшности, примѣнялъ законъ во всей строгости

Въ 82 новеллѣ имп Юстиніанъ осуждаетъ замѣченное въ судебной практикѣ явленіе, что многіе стали выбирать себѣ въ посредники людей невѣжественныхъ, *незнакомыхъ съ правомъ ни теоретически, ни практически*, давая при этомъ клятву подчиниться ихъ рѣшенію, такъ что неудовлетворительное рѣшеніе дѣла такими посредниками, вызывая потребность въ перерѣшеніи, вело къ клятвопреступленію. Отсюда логическимъ путемъ а *contrario* также можно извлечь доказательство въ пользу положенія, выставленнаго нами въ текстѣ

²⁾ См напр. 86 Nov. c 7.

юрисдикціи ¹⁾. Практикуя предоставленную государствомъ судебную власть гражданскую и уголовную, церковь. при отправленіяхъ этой власти, необходимо должна была усвоить и соблюдать узаконенныя государствомъ процессуальныя требованія и формальности, а отсюда естественнымъ слѣдствіемъ было то, что эти же требованія и формальности стали соблюдаться церковію и при разбирательствѣ преступныхъ дѣяній, подлежащихъ собственной церковной компетенціи. Подобныя соображенія получаютъ еще большую устойчивость, если мы прибавимъ, что нѣкоторые епископы до своего призванія къ высокому епископскому служенію, или были правителями и слѣдовательно, въ силу своего *imprium*'а обладали судебною властію, или занимали какую нибудь судебную должность ²⁾.

При разсужденіи по вопросу о естественности и необходимости усвоенія церковію римскихъ процессуальныхъ формъ не можетъ быть игнорируемо и то обстоятельство, что самыми крупными характерными свойствами римскаго юридическаго мышленія были консерватизмъ и формализмъ ³⁾. Римляне

¹⁾ Суворовъ 365 стр. и слѣд.

²⁾ Такъ, извѣстно, что избранный вторымъ вселенскимъ соборомъ (381 г) на Константинопольскую кафедру Нектарій Тарскій былъ до избранія преторомъ (Дѣянія вс. соб. I т. 223 стр.; св. Амвросій Медиоланскій былъ правителемъ въ Миланѣ (Fessler. S 72); Северъ (евтихіанецъ), низвергнутый съ Атихійской кафедры благочестиваго епископа Флавиана и вступившій на его мѣсто (вскорѣ послѣ Халкидонскаго собора), занимался ранѣе въ Беритѣ судебными дѣлами (Дѣянія вс. соб. V т. 7 стр.); знаменитый предсѣдатель VII вс. собора Тарасій Константинопольскій ранѣе былъ секретаремъ (Дѣянія VII, 57—58 стр.)

³⁾ Муромцевъ—о консерватизмѣ римской юриспруденціи. Москва 1885 особ. слѣд. стр. 5. 7—12. 96 121 и др. Ср. его-же Гражданское право древняго Рима Москва 1883 стр. 111 141—145 и слѣд. Боголюбовъ Учебникъ исторіи римскаго права Москва 1895 г. стр. 6 139—142 170 198 185. 332. и др. Главнѣйшія особенности римскаго юридическаго мышленія со стороны ихъ генезиса проф. Муромцевъ распредѣляетъ въ слѣдующемъ порядкѣ: конкретность мышленія — объективизмъ — формализмъ — консерватизмъ — Гражданское право древняго Рима. стр. 184—185; о консерватизмѣ.. стр. 12. 95. 86 183 и др. Формализмъ и консерватизмъ настолько тѣсно связаны между собою, что въ нѣкоторыхъ областяхъ (напр. въ интерпретаціи закона) формализмъ является слѣдствіемъ консерватизма.—о консерватизмѣ... стр. 93—95

привыкли всѣ свои житейскія отношенія облекать въ строгія юридическія формы, обставляя соблюденіемъ разныхъ символическихъ дѣйствій и произнесеніемъ обрядовыхъ словъ (*verba solemnia*). Римскій консервативный умъ, стремящійся къ такому образу дѣйствій, при которомъ установившійся порядокъ отношеній терпѣлъ бы наименѣе переменъ, смотрѣлъ на всѣ эти формальности, какъ на нѣчто объективное, стоящее внѣ воли человѣка и не подлежащее измѣненію ¹⁾, и потому считалъ соблюденіе ихъ почти единственной, исключительной гарантіей правосудія. Правда, съ теченіемъ времени этотъ консерватизмъ римской юриспруденціи, находившій пищу главнымъ образомъ въ древней системѣ римскаго права (*jus Quiritium*) ²⁾, утратилъ, по выраженію проф. Муромцева, „свой древній суровой типъ“, но дѣйствіе его, по свидѣтельству того же ученаго романиста, можно усматривать во всѣ эпохи римскаго права ³⁾, по крайней мѣрѣ въ томъ смыслѣ, что римляне навсегда сохранили въ себѣ стремленіе къ внѣшнему порядку жизни ⁴⁾. Когда римляне, отличавшіеся указанными свойствами юридическаго мышленія и уже свыкшіеся съ извѣстными формальностями въ своемъ свѣтскомъ гражданскомъ и уголовномъ процессѣ, сдѣлались христіанами ⁵⁾, они естественно пожелали видѣть подобныя же формальности и въ церковномъ судопроизводствѣ, и тѣмъ побуждали церковь

¹⁾ Муромцевъ. О консерватизмѣ ... стр. 87 94. 121 и др.

²⁾ Всѣмъ хорошо извѣстенъ сообщаемый Гаемъ классическій причѣръ значенія формы, по древнему праву, въ каждомъ юридическомъ актѣ въ установленной для иска формулѣ говорилось о деревьяхъ—и если бы кто-нибудь, отыскивая вознагражденіе за поврежденные виноградныя лозы, вмѣсто «деревья» (*arborea*) употребилъ «лозы» (*vites*), то изъ за одного этого слова онъ проигрывалъ процессъ. *Instit.* IV, 11.

³⁾ О консерватизмѣ . 10 стр: Боголѣповъ—Значеніе общенароднаго гражданскаго права (*jus gentium*) въ римск классич юриспруденціи. Москва. 1876 стр 246.

⁴⁾ Строгая дисциплина древняго цивильнаго права «навсегда, говоритъ проф. Боголѣповъ, выдѣрила въ умъ римскаго юриста инстинкты порядка и простоты».—О значенія общенародн. гражданск. права... 248 стр.

⁵⁾ Изъ VI книги Апостольскихъ Постановленій (24 и 25 г.) видно, что христіанство стало распространяться между римлянами въ концѣ II и началѣ III вѣка

къ усвоенію выработанныхъ римской юриспруденціей формъ уголовного процесса, дабы гарантировать правильность своихъ судебныхъ рѣшеній въ глазахъ такихъ членовъ ¹⁾).

Наконецъ, не лишено значенія и то обстоятельство, что признаніе церкви государствомъ послѣдовало какъ разъ за эпохою классическихъ юристовъ, когда римская юриспруденція достигла апогея своего развитія, когда юридическій геній римскаго народа развернулся во всемъ своемъ блескѣ и величіи и создалъ право, отличающееся замѣчательною научною правильностію и изяществомъ структуры и по тому самому сдѣлавшееся предметомъ изумленія и внимательнаго изученія со стороны культурныхъ христіанскихъ народовъ. И странно было бы, еслибы церковь, которая всегда и вездѣ идетъ путями человѣческаго общества тамъ, гдѣ они не противорѣчатъ ея высокому призванію, не воспользовалась для своихъ цѣлей плодами многовѣковой юридической работы римскаго народа и не заимствовала у него то, въ чемъ такъ настойчиво нуждалась и чего сама не могла создать въ силу исключительныхъ условій своего внѣшняго существованія.

Правда, не всякая форма процесса, вырабатываемая юридическимъ развитіемъ народа, пригодна для воплощенія въ ней христіанскихъ началъ; прицѣпленіе иныхъ формъ можетъ сказаться стѣснительными и вредными послѣдствіями для самыхъ внутреннихъ началъ жизни церковной. Въ виду этого естественно возникаетъ слѣдующій вопросъ: пригодны ли были для цѣлей церкви формы римскаго аккузаціоннаго процесса? Не содержалось ли въ нихъ чего-нибудь такого, что не мирилось бы съ основными началами, проповѣдуемыми христіанскою религіею? И вообще—каково было основное направленіе, господствовавшее въ римской юриспруденціи ко времени признанія христіанства? Отвѣтить на этотъ вопросъ чрезвычайно важно въ виду указанной тенденціи нѣкоторыхъ канонистовъ отстаивать независимость церковнаго судопроизводства: состояніе римской юриспруденціи, какъ мы увидимъ сейчасъ, было таково, что церковь не только не могла имѣть никакихъ осно-

¹⁾ Совершенно справедливо разсуждаетъ Кельнеръ, что церковные суды не могли производить судъ по личному усмотрѣнію, а должны были соблюдать при разбирательствѣ для извѣстныхъ формальности—изъ спасенія за правильность своего рѣшенія. Das Buss und Strafverfahren... S. 123.

ваній становиться въ антагонизмъ съ нею, а какъ разъ наоборотъ—скорѣе побуждалась къ сближенію съ нею въ цѣляхъ совмѣстнаго воспитательнаго воздѣйствія на человѣчество ¹⁾.

Исторія римскаго права свидѣтельствуетъ, что многочисленныя сношенія римскаго народа съ народами иныхъ цивилизацій, вызвавшія въ римлянахъ развитіе новыхъ потребностей и усилившія спросъ для удовлетворенія этихъ потребностей на предметы иностранной торговли, повели къ тому, что Римъ въ концѣ V и началѣ VI вѣка ab urbe cond. сдѣлался мѣстопробываніемъ цѣлой массы иностранцевъ ²⁾. Теперь сама собою явилась необходимость опредѣлить юридическое положеніе иностранцевъ, такъ какъ jus civile, построенное на началахъ политической исключительности, не давало имъ юридической охраны, считало ихъ безправными. И вотъ римляне устанавливають правило, что „всякій иностранецъ, все равно изъ самостоятельной или подчиненной страны, если только онъ свободный человѣкъ, считается въ римскомъ государствѣ правоспособнымъ субъектомъ“ ³⁾. Путемъ казуальнаго творчества, путемъ заимствованія изъ римскаго гражданского права и законодательства другихъ народовъ, путемъ указаній судебной практики разныхъ правителей римскихъ провинцій—*praetor peregrinus* и римскіе юрисконсульты создали право, известное подъ именемъ *jus gentium*, для регулированія отношеній перегриновъ другъ къ другу и къ римскимъ гражданамъ. Но съ теченіемъ времени это право стало примѣняться и въ отношеніяхъ римскихъ гражданъ между собою. Объясняя этотъ фактъ, Пухта говоритъ: „вспомнимъ, что прошло уже два столѣтія съ появленія Двѣнадцати таблицъ. Время, когда это строго замкнутое право удовлетворяло правовому сознанію народа, отступало все болѣе въ отдаленное прошедшее, горизонтъ Римлянъ расширялся, Италия была покорена, начались внѣиталійскія войны и завоеванія, римляне были уже дома не тодько въ Римѣ, наклонность къ приобрѣтенію всѣхъ удободостижимыхъ странъ начала уже овладѣвать ихъ духомъ.

¹⁾ Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы пользуемся результатами, добытыми ученымъ изслѣдованіемъ проф. Боголѣпова—«Значеніе общенароднаго гражданскаго права (*jus gentium*) въ римск. классич. юриспруденціи». Москва. 1876 г

²⁾ Боголѣповъ—О значеніи общенароднаго права.... стр 2—3

³⁾ Ibid 11 стран

Вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ какъ они сдѣлались воспріимчивы къ чужимъ правамъ, для нихъ сдѣлались тѣсными узкія границы, проведенныя въ правѣ древнимъ *jus civile*. Сознаніе ихъ съ развитіемъ права peregrinorumъ наполнилось иными правовыми понятіями, нежели понятія строгаго *jus civile*. Въ своемъ оборотѣ съ peregrinamъ они сами жили по этому праву: въ своемъ происхожденіи и примѣненіи оно не было для нихъ чѣмъ-либо чужимъ; оно было и въ самомъ дѣлѣ римскимъ правомъ, только образованнымъ не изъ чисто римскихъ принциповъ. Почему же этимъ принципамъ не найти извѣстнаго примѣненія и внѣ оборота съ peregrinamъ? Оставался одинъ шагъ до того, чтобы признать въ *jus gentium* общее право и для Римлянъ и сдѣлать такое заключеніе: *quod civile non idem continuo gentium, quod autem gentium, idem civile (т. е. civium) esse debet*. Настало время (съ точностію опредѣлить его невозможно), когда *jus gentium* перестало быть только правомъ peregrinorumъ, имѣющимъ постоянное значеніе и примѣненіе свое въ оборотѣ съ peregrinamъ; оно стало вмѣстѣ съ тѣмъ частію римскаго права, проистекшею изъ народнаго правоваго сознанія, освободившагося отъ старыхъ границъ¹⁾.

Самою крупною характерною особенностію *jus gentium* съ внутренней, матеріальной стороны служить „естественность“, проявляющаяся, между прочимъ, въ томъ, что это право отводитъ самое широкое примѣненіе принципу добросовѣстности (*bona fides*). „Общенародное право, проникнутое бѣльшею мягкостію, пишетъ проф. Богодѣповъ, указывая различіе по матеріальнымъ принципамъ между *jus civile* и *jus gentium*, скорѣе склонно было отступать отъ строгости формальнаго принципа: говоря словами Цицерона, оно держалось кроткаго, умѣреннаго правила, выражающагося въ словахъ формулы „какъ можно справедливѣе“; поэтому оно прежде всего обращаетъ вниманіе не на то, что сказано, а на намѣреніе лица, на цѣль дѣйствія (*quod actum est*)²⁾. Уже въ этомъ отношеніи не становится ли *jus gentium* по своему духу въ родство съ христіанскимъ ученіемъ?!... Но въ исторіи разви-

¹⁾ Курсъ институцій Перевъ Лидкой. I т. 226 стр. Москва 1864 г.

²⁾ Учебникъ исторіи рим. права. стр. 363; Ср. значеніе общенароднаго права . 18—24 стр.

ти этого права наступилъ моментъ, когда оно получило особенный практическій интересъ и поставило римскую юриспруденцію въ еще большую близость къ основнымъ началамъ христіанской религіи.

Благодаря стоической философіи, достигшей цвѣтущаго состоянія въ I и II вв. по Р. Хр., въ Римѣ во времени классическихъ юристовъ получила широкое распространеніе теорія естественнаго права. Естественный законъ, ученіе о которомъ занимаетъ центральное мѣсто въ стоической философіи, въ области человѣческихъ отношеній называется этическимъ закономъ, который учитъ человѣка различать добро отъ зла и основное правило котораго состоитъ въ требованіи жить согласно съ природой ¹⁾. Такъ какъ, съ одной стороны, естественный законъ проникаетъ собою всю природу, а съ другой—человѣкъ составляетъ часть природы, то естественный законъ присущъ человѣку и находится въ той части его души, которая носитъ названіе разума. Изъ четырехъ прирожденныхъ человѣческому разуму способностей видное мѣсто занимаетъ стремленіе человѣка къ общежитію, которое имѣетъ въ своемъ основаніи любовь къ подобнымъ себѣ и ведетъ человѣка къ добродѣтели, называемой справедливостію. „Эта добродѣтель имѣетъ какъ бы двѣ стороны: одна—справедливость, *justitia* въ тѣсномъ смыслѣ, другая—благодѣяніе, *beneficentia*. Справедливость въ тѣсномъ смыслѣ состоитъ въ томъ, что мы себя любимъ не болѣе другихъ, уважаемъ чужую личность и чужое имущество, не увеличиваемъ своихъ выгодъ на счетъ выгодъ другаго; это отрицательная сторона отношенія къ людямъ, которая можетъ быть выражена правиломъ: воздай каждому свое (*sumi cuique tribuere*). Благодѣяніе же, *beneficentia*, состоитъ въ положительномъ содѣйствіи благополучію другихъ; для осуществленія этой стороны добродѣтели человѣкъ долженъ руководиться правиломъ, что „ничто человѣческое ему не чуждо“, т. е. что всѣ нужды и радости другихъ людей составляютъ для него живой интересъ, которому онъ готовъ содѣй-

¹⁾ «Законъ природы, разумный міровой порядокъ, говоритъ Юдль, поскольку онъ относится специально къ человѣку, отождествляется стоиками съ нормой человѣческаго дѣянія, съ нравственнымъ закономъ».—Фридрихъ Юдль *Исторія этики въ новой Философіи*. Перев. В. Соловьева Москва. 1896 г. 20 стр

ствовать“¹⁾). На присвѣщеніи челоѣческому разуму стремленіи къ подобнымъ себѣ основывается ученіе стойковъ объ общечелоѣческомъ союзѣ. „Мы, говоритъ Сенека, суть члены великаго тѣла. Природа создала насъ родственными другъ другу, ибо произвела насъ изъ одного и того же элемента и для одной и той же цѣли. Она вложила въ насъ взаимную любовь, стремленіе къ общенію и чувство справедливости; ея правило гласить, что причинять вредъ хуже, чѣмъ терпѣть его, и ея властью руки наши предназначены для помощи... Общество наше подобно каменному своду, который рушился бы, еслибы отдѣльные камни его не поддерживали другъ друга“²⁾). Единный общечелоѣческій союзъ и управляется единымъ естественнымъ закономъ, предписанія котораго въ своей совокупности и составляютъ то, что называется естественнымъ правомъ (*jus naturale*). Все содержаніе послѣдняго Ульшанъ выражаетъ въ трехъ главныхъ принципахъ: жить достойно (*honeste vivere*), не оскорблять другихъ (*alterum non laedere*) и каждому возлавать свое (*suum cuique tribuere*)³⁾.

Ученіе стойковъ о естественномъ правѣ нашло въ Римѣ благопріятную почву, которая была подготовлена усилившимся во времени классическихъ юристовъ стремленіемъ къ объединенію составныхъ частей Римской имперіи не только въ областяхъ соціальной, политической, административной и религіозной, но и въ области правовой⁴⁾). Назрѣвшей потребности въ единомъ правѣ не могло удовлетворить *jus gentium*, такъ какъ оно „во первыхъ, главнымъ образомъ регулировало только отношенія собственности и обязательствъ; семейственныхъ и наслѣдственныхъ отношеній оно почти не коснулось, что объясняется его происхожденіемъ: оно было вызвано потребностями всемірнаго торговаго оборота въ Римѣ; во вторыхъ, жизнь шла впередъ, создавала новыя отношенія, для которыхъ въ *jus gentium* не было правилъ. Такимъ образомъ, для удовлетворенія потребности въ единомъ правѣ, общемъ всей многочисленной семьѣ народовъ Римской имперіи, надо было создать новую систему, болѣе полную и болѣе гибкую, со-

¹⁾ Боголѣповъ Значеніе общенародн. права.. 35—36 стр

²⁾ *Ibid.* 37 стр.

³⁾ *Digest.* I 1. fr. 10. § 1; Боголѣповъ. стр. 52 ср. 39—40

⁴⁾ *Ibid.* стр 187—193

образно съ утонченностью отношеній того времени“¹⁾ Стои-
ческая философія со своимъ ученіемъ объ общечеловѣческомъ
союзѣ и общечеловѣческомъ правѣ, — *jus naturale*, какъ разъ
и шла на встрѣчу этой потребности. Въ силу такихъ обстоя-
тельствъ теорія естественнаго права, предложенная стоиками,
становится искреннимъ вѣрованіемъ классическихъ юристовъ;
въ нихъ возникаетъ глубокое желаніе дать этой теоріи воз-
можно полное практическое примѣненіе, обратимъ ее въ
положительное право. Но такъ какъ естественное право пред-
ставляло изъ себя только общіе этические принципы, но не
имѣло ни правилъ, ни институтовъ, то нужно было отыскать
эти правила. Издавна испытанный юристами путь легко и
скоро указалъ имъ то, чего они искали: „они объявили, пишетъ
проф. Боголѣповъ, что общенародное право не только содер-
житъ въ себѣ многія правила естественнаго права, но что
оно есть само естественное право; отождествляя оба права,
они думали всей системѣ естественнаго права придать значе-
ніе положительной, подъ прикрытіемъ имени общенароднаго
права совершить реализацію естественнаго права въ цѣломъ“²⁾.
Будучи средствомъ для реализаціи естественнаго права, *jus*
gentium, родственное ему своимъ стремленіемъ къ естествен-
ности и справедливости (*aequitas*), въ значительной степени
пропиталось возвышенными этическими принципами стоиче-
ской философіи. Вотъ этотъ-то моментъ мы и имѣли въ виду,
когда говорили, что *jus gentium* (или вѣрнѣе естественное
право, отождествленное многими классическими юристами съ
jus gentium) поставило римскую юриспруденцію въ особенную
близость по духу, по направленію съ ученіемъ христіанской
религіи³⁾.

¹⁾ Ibid. 192 стр

²⁾ Боголѣповъ . . 210 стр. Стр 153 155. 176. 206 240 и др

³⁾ Г Соколовъ въ своей обширной статьѣ «о вліяніи христіанства на
греко-римское законодательство» не уясняетъ надлежащимъ образомъ того
громаднаго значенія, какое имѣлъ стоицизмъ въ дѣлѣ смягченія суроваго
древне-римскаго *juris civilis*, (Чт. въ общ. люб. дух просв. 1877. Май 519—
522) Не опредѣливъ взаимнаго отношенія между *jus gentium* и *jus naturale*
стоической философіи, какъ это сдѣлано у проф. Боголѣпова, г Соколовъ
пришелъ къ ихъ отождествленію. (См. напр въ Ноябрь. кн. 554 стр.). А от-
сюда, полагая *jus gentium* единственнымъ источникомъ, изъ котораго рим-

Въ самомъ дѣлѣ, — жить достойно, никого не оскорблять, воздавать каждому свое — вотъ основныя начала стоической морали, слѣлавшіяся, какъ мы видѣли, вѣрованіемъ классическихкихъ юристовъ, которое они стараются провести въ сознаніе и дѣйствительную жизнь римскаго народа. Не проповѣдуетъ ли эти самыя пачала и христіанство? ¹⁾ Не тоже ли самое выражали христіане первыхъ трехъ вѣковъ и своею жизнію, и голосомъ своихъ апологетовъ? Не во имя ли вѣчной справедливости, попраемой въ лицѣ христіанъ, выступаетъ предъ имп. Антониномъ Пшемъ христіанскій апологетъ II-го вѣка св. Іустинъ мученикъ. „Я подаю вамъ записку, заявляю Іустинъ, не съ тѣмъ, чтобы достигъ вамъ или говорить въ ваше удовольствіе, но чтобы требовагъ у васъ справедливости, какую предписываетъ разумъ. Наша просьба ни перазума, ни дерзка. Мы ничего другаго не требуемъ, чтобы жалобы на насъ строже изслѣдовались и, если онѣ будутъ находимы основательными, наказывали бы насъ какъ слѣдуетъ — строго; но если онѣ окажутся не доказанными, то здравый разумъ не велитъ по одной молвѣ оскорблять людей невинныхъ, или

ская юриспруденція черпала гуманный духъ, смягчающій суровое jus civile. г. Соколовъ сдѣлалъ такой выводъ, что до признанія христіанства — гуманность была «робкимъ исключеніемъ» въ римскомъ правѣ, а древняя суровость — «общимъ правиломъ» и что только въ христіанскій періодъ исторіи римскаго права «древняя суровость и новая гуманность перемѣнялись своими ролями» (Чт въ общ люб 1878 Мартъ 392—393 стр). Мы совершенно согласны съ тѣмъ, что христіанство имѣли громадное преобразовательное влияние на римское право при встрѣчѣ съ христіанствомъ римское право, по образному выраженію Витте, — «приняло крещеніе какъ крестятся дикари въ лѣсахъ Америки» (Энгельманъ Объ ученой обработкѣ греко-рим права, стр 55, Ср Пухта — Исторія рим права стр 478; Марецоль Учебникъ рим. гражд. права стр. 59), но вмѣстѣ съ этимъ утверждаемъ, что римская юриспруденція ко времени признанія христіанства прониклась гуманными началами стоической философіи въ ббльшей степени, чѣмъ думаетъ г. Соколовъ

¹⁾ Интересно сопоставить: стоическую справедливость Цицеронъ и Ульпианъ выражаютъ — «воздай каждому свое» (у Боголѣпова. О значеніи общ пр 39—40 и 52 стр.) а христіанскую справедливость Ап. Павелъ выражаетъ: «воздадите всѣмъ должная». Римл. XIII. 7; ср Мө VII 12, Лук VI 21; Дѣян XV 20)

лучше самихъ себя, когда вы дѣйствуете не по справедливости, а по страсти. Наша обязанность объявлять о нашихъ дѣйствіяхъ и ученіи, чтобы мы не были отвѣтственны за преступленія, въ которыхъ насъ обвиняетъ невѣжество и слѣпота; ваша же обязанность, которую предписываетъ вамъ разумъ,—это изслѣдовать дѣло и поступать, какъ слѣдуетъ хорошимъ судьямъ. Властители, которые предпочитаютъ пустые толки истинѣ, тоже, что разбойники въ пустынѣ (*λίστοι ἐν ἔρημῷ*). Не поступайте, какъ съ врагами, съ невинными людьми. и не осуждайте ихъ на смерть“¹⁾ Тертуллианъ, апологетъ втораго же вѣка, заявляя предъ римскихъ правительствомъ: „право естественное, право общечеловѣческое требуетъ, чтобы каждому было предоставлено поклоняться тому, кому онъ хочет“²⁾, прямо ставовится на точку зрѣнія нѣкоторыхъ классическихъ юристовъ³⁾. Аругументируя такимъ образомъ, названный апологетъ имѣлъ въ виду, конечно, тотъ вѣрный расчетъ, что римская юриспруденція къ этому времени уже достаточно пропиталось родственными христіанству этическими принципами *juris naturalis* стоической философіи.

Близость началъ стоической философіи, усвоенныхъ римской классической юриспруденціей, съ началами христіанскими заставили того же Тертуллиана сказать, что ученіе Сенеки, знаменитаго послѣдователя стоической школы, часто согласуется съ христіанскимъ ученіемъ⁴⁾. Такой же отзывъ о Сенекаѣ даетъ Лактанцій: „человѣкъ, познавшій истины нашей религіи, можетъ ли лучше говорить, нежели какъ говорить этотъ философъ, не имѣвшій о нихъ понятія? Онъ объявилъ величіе Божіе, сказавши, что оно превосходитъ мысли наши. Онъ дошелъ до источника истины, признавши, что люди не вотще водворены на землѣ, какъ мечтаютъ эпикурейцы, но что они для того на ней поселены, дабы служить Богу и воздавать ему поклоненіе, состоящее въ дѣлахъ правды и благочестія. Онъ, безъ сомнѣнія, принялъ бы нашу религію,

¹⁾ Апологія. Гл. 2. 3. 68

²⁾ Апологія гл 28.

³⁾ Терминологія Тертуллиана въ особенности напоминаетъ терминологию Гая: подобно послѣднему, онъ отождествляетъ *jus naturale* и *jus gentium* (Боголюбъ—цитов. соч. 44 и 80—81 стр.).

⁴⁾ De anima. с. 20: Seneca saepe noster

если-бы кто-нибудь въ ней его наставилъ и отсталъ бы отъ Зенона и Соціона для послѣдованія ученію истинной мудрости“¹⁾).

Чѣмъ больше распространялось естественное право стоической философіи и пропорціонально этому ослаблялось значеніе *juris civilis*, построеннаго на началахъ политической и религіозной ислѣчительности, тѣмъ все болѣе и болѣе подготовлялась благопріятная почва для союза христіанства съ римскою юриспруденціей. Совершенно справедливо говорить французскій историкъ Обэ: „все, что по самой своей природѣ стремилось къ ослабленію древняго порядка вещей (какъ понимался этотъ порядокъ римскимъ обществомъ) было благопріятно для церкви; напротивъ все, что имѣло тенденціей служить къ возстановленію и укрѣпленію этого порядка, было

¹⁾ *Divin Instit VI 24* Подробный анализъ нравственныхъ воззрѣній Сенеки можно найти въ Приб къ твор. св отцевъ ХХ 407—486 стр Представляютъ ли эти воззрѣнія продуктъ естественнаго развитія стоической философіи, или на нихъ нужно смотрѣть, какъ на вѣяніе новаго, извнѣ пришедшаго, Евангельскаго духа—въ данномъ случаѣ для насъ не имѣетъ значенія намъ важенъ только самый фактъ проникновенія стоической философіи и чрезъ нея римской юриспруденціи родственными христіанству возвышенными началами

Ни чѣмъ инымъ, какъ только этою близостью началъ стоицизма съ началами христіанскими можно объяснить глубокое влияние стоической философіи на многихъ отцевъ и учителей церкви. Не даромъ въ западно-европейской литературѣ находится такъ много изслѣдованій, посвященныхъ вопросу объ отношеніи стоицизма къ христіанству (Перечень главнѣйшихъ изслѣдованій См у г Невзорова. Мораль стоицизма и христ. нравоученіе Казань. 1892. XI стр прим.)

Говоря о родствѣ стоицизма съ христіанствомъ, мы однако далеки отъ воззрѣній рационалистической школы, считающей христіанство продуктомъ философскаго развитія человѣчества—въ частности «видоизмѣненнымъ стоицизмомъ». (Bruno—Bauer. *Christus und die Caesaren Der Ursprung des Christenthums aus romischen Griechenthum.* 1879. s. 13) При всей близости между ними существуетъ настолько глубокое различіе, что христіанство справедливо называется явленіемъ сверхъестественнымъ—чудомъ въ исторіи Что удивительнаго въ томъ, что ограниченный умъ человѣческій, какъ отраженіе безграничнаго божественнаго ума, путемъ естественнаго развитія по временамъ приближался къ откровенному нравственному ученію, какъ это мы видимъ особенно въ стоицизмѣ?!

враждебно церкви. Тотъ духъ религіознаго космополитизма, дыханіе котораго замѣтно уже при первомъ Северѣ (Септиміи) и который еще болѣе возросъ при его преемникахъ былъ, безъ сомнѣнія, благопріятель дѣлу христіанства. Этотъ духъ, подрывая партикуляристическія формы культовъ, внося индифферентизмъ въ дѣло религіи, умягчалъ нравы, обезоруживалъ религіозную ненависть, содѣйствовалъ обмѣну воззрѣній, т. е. толерантности¹⁾. А мы прибавимъ къ этому, что однимъ изъ самыхъ могучихъ факторовъ перваго рода, вліянію котораго въ значительной степени обязанъ и тотъ религіозный космополитизмъ, о которомъ говоритъ Обэ, было именно *jus naturale*, подложенное влассическими юристами подъ *jus gentium*²⁾.

Новая струя, внесшая въ римское право родственныя христіанству начала, разлилась широкимъ потокомъ, сокрушившимъ все, что носило специфически—римскій характеръ, какъ разъ именно къ тому времени, когда—при Діоклетіанѣ—язычество справило по себѣ послѣднюю кровавую тризну и для христіанъ заблестала заря новой жизни. Теперь, съ уничтоженіемъ религіозной преграды, церковь смѣло могла вступить въ тѣсной союзъ съ римскою юриспруденціей для совмѣстной борьбы съ тѣми язвами, которыя развѣдали общественную жизнь римскаго народа³⁾, и взять у нея все, что

¹⁾ По Лебедеву. Собрание сочиненій II т Эпоха гоненій 217—218 стр Моск. 1897.

²⁾ Намъ кажется, что церковные историки, говоря о причинахъ того переворота въ отношеніяхъ римскаго языческаго государства къ христіанству, который совершился при Константинѣ Великомъ, допускаютъ существенный пробѣлъ, умалчивая о томъ значеніи, какое имѣло въ этомъ отношеніи *jus naturale*. Все болѣе и болѣе усиливающееся вліяніе на римскую юриспруденцію *jus naturale* съ его возвышенными началами, несомнѣнно, много содѣйствовало окончательному торжеству христіанства подъ язычествомъ

³⁾ Одною изъ такихъ язвъ было рабство. Римскіе юристы, ставшіе органомъ естественнаго права, проповѣдывающаго равенство людей, проводниками его идей въ сознаніе римскаго общества, старались этимъ путемъ подготовить почву къ уничтоженію постыднаго для человѣчества института рабства или, по выраженію проф. Боголѣзова «старались смягчить жестокий принципъ, отказывавшій громадной массѣ людей въ признаніи ихъ человѣческаго достоинства» (Значеніе общ. пр. 250 стр. Главнѣйшія мѣропріятія этого рода указаны тамъ-же ср. Соколовъ. О вліяніи христіан-

она могла предложить и въ чемъ нуждалась сама церковь — и между прочимъ, внѣшнія формы судебного производства, которыхъ церковь не успѣла выработать въ тяжелую эпоху гоненій и которая къ тому же не могла не испытать на себѣ вліянія общаго направленія римской юриспруденціи, благопріятнаго для христіанской религіи ¹⁾).

И дѣйствительно, церковь приняла для своихъ цѣлей римскія процессуальныя формы, а вмѣстѣ съ ними усвоила и тотъ взглядъ на значеніе этихъ формъ при отправленіи правосудія, какой господствовалъ въ римской юриспруденціи. Въ то время какъ въ первые три вѣка христіанства церковь не предписывала почти никакихъ внѣшнихъ обрядовъ и формъ производства, потому что не придавала никакого значенія процессуальной сторонѣ, теперь въ зависимость отъ соблюденія извѣстныхъ формальностей поставляется самая правильность судебного приговора. И такое возрѣніе съ ясностію обнаружилось уже въ первомъ церковно-судебномъ процессѣ послѣ вступленія церкви въ союзъ съ государствомъ, именно по дѣлу о Цециліанѣ, еп. Каррагенскомъ, избраніемъ котораго (по смер

ства на греко-римское законодательство Чтеніе въ общ. люб. духъ пр. 1877 Май 533—538) Христіанство своею проповѣдію о равенствѣ людей въ церкви Божіей, довершило въ этомъ отношеніи воспитаніе челоѣчества, начатое римской юриспруденціей. (Законодательныя мѣры христіанскихъ императоровъ, направленныя противъ рабства и иныхъ явленій въ жизни римскаго общества, унижающихъ челоѣческое достоинство.—См. Чт. въ общ. люб. 1878 II. 228—242)

²⁾ Моляторъ, раздѣляя мысль о томъ, что самое состояніе римской юриспруденціи побуждало церковь къ сближенію съ нею и заимствованію процессуальныхъ формъ, говоритъ: это (заимствованіе) случилось по той причинѣ, что ко времени Константина Великаго какъ въ римскомъ гражданскомъ, такъ и въ уголовномъ производствѣ древнія обрядовыя формальности давнымъ давно были разрушены, продолжая звучать, какъ эхо, въ юридическихъ опредѣленіяхъ и выраженіяхъ, которыя связывали новыя понятія съ древне-употребительными именами». Цитов. сочин. S. 28. Готтшалькъ, объясняя естественность вліянія римскаго права на каноническое указываетъ на то обстоятельство, что *jus divinum*, близкое по своимъ основнымъ положеніямъ къ положеніямъ церкви, въ первые вѣка христіанской эры пользовалось громаднымъ авторитетомъ и не замыкалось въ узкихъ рамкахъ законовъ и обычаевъ господствующей націи. Gottschalk Ueber den Einfluss des römischen Rechts auf das kanonische Recht. 1866 s. 2.

ти Менсурія въ 311 г.) были недовольны епископы Нумидіи во главѣ съ Донатомъ, поставившіе въ Карфагенъ своего епископа Майорина. По повелѣнію Константина Великаго, къ которому Донатисты обратились съ своей жалобой, собранъ былъ въ Римѣ соборъ (въ 313 г.), подъ предсѣдательствомъ мѣстнаго епископа Мильтіада, рѣшившій дѣло въ пользу Цециліана. Донатисты обжаловали это рѣшеніе, ссылаясь на то, что на римскомъ соборѣ не были соблюдены установленныя формы судопроизводства, именно: что судъ былъ произведенъ незначительнымъ числомъ епископовъ (ихъ было 19.), что они (донатисты) не были выслушаны надлежащимъ образомъ и что самое разбирательство дѣла происходило при закрытыхъ дверяхъ ¹⁾. Такой же точно взглядъ на значеніе процессуальныхъ формъ при отправленіи правосудія вскорѣ послѣ этого былъ высказанъ уже не *раскольниками* — Донатистами (хотя въ разсматриваемомъ нами вопросѣ это и не имѣетъ существеннаго значенія), а дѣльнымъ сонмомъ православныхъ епископовъ Египта, Ливіи и Пентаполя въ ихъ окружномъ посланіи ко всѣмъ каеолическимъ церквамъ, написанномъ послѣ возвращенія св. Аѳанасія изъ ссылки (338 г.) „Какъ осмѣливаются называть соборомъ такое сборище, говорятъ эти епископы о дѣяніяхъ Тирскаго собора (335 г.), осудившаго св. Аѳанасія, гдѣ предсѣдательствовалъ Комитъ, присутствовалъ исполнитель казни, и куда вмѣсто церковныхъ діаконовъ вводилъ насъ писарь? Комитъ говорилъ, а присутствовавшіе молчали или, лучше сказать, повиновались ему“ ²⁾. Самъ св. Аѳанасій, видя, что вопреки законному порядку судопроизводства, его злѣйшіе враги (Евсевій Никомидійскій, Θεогній Низейскій, Марій Халкидонскій и др.), не смотря на его протестъ, не только не были исключены изъ числа судей, а напротивъ даже вошли въ составъ особой комиссіи, отправленной Тирскимъ соборомъ въ Мареотъ для изслѣдованія нѣкоторыхъ обстоятельствъ по его дѣлу, счелъ себя въ правѣ, именно по причинѣ столь явнаго нарушенія усвоенныхъ церковію процессуальныхъ формъ, удалиться съ собора и искать защиты

¹⁾ Fessler S. 30.

²⁾ Творенія св. Аѳанасія въ рус. пер. Москва 1851 г. I т. Защитительное слово противъ Аріанъ. стр. 202.

въ Константинополѣ у самаго императора ¹⁾. Вообще, весь сложный процессъ по дѣлу св. Аѳанасія имѣеть въ высшей степени важное значеніе для доказательства выставленнаго нами тезиса. Отсюда мы видимъ, что какъ враги св. Аѳанасія, такъ и его защитники признають для себя обязательными усвоенныя церковію формы судопроизводства и въ то время какъ первые пользуются этими формами, чтобы представить осужденіе Аѳанасія юридически правильнымъ, послѣдніе отмѣчаютъ допущенныя ими неправильности въ примѣненіи процессуальныхъ формъ въ цѣляхъ оправданія св. мужа ²⁾. Приведемъ на этотъ счетъ еще одно высоко авторитетное свидѣтельство изъ конца IV в., принадлежащее св. Иоанну Златоусту. Когда къ послѣднему явилось второе посольство отъ собора подъ Дубомъ, состоявшее изъ двухъ подчиненныхъ ему пресвитеровъ, съ приглашеніемъ явиться на соборъ и оправдаться въ представленныхъ противъ него обвиненіяхъ, св. Иоаннъ отвѣчалъ чрезъ депутацію изъ епископовъ: „что это за порядокъ суда?—мои враги не удалены изъ числа судей и меня приглашаютъ на судъ даже чрезъ моихъ собственныхъ клириковъ“ ³⁾. Такимъ образомъ уже въ IV вѣкѣ, и даже въ первой половинѣ его, церковъ видѣла въ соблюденіи внѣшнихъ формъ судопроизводства необходимое условіе правильности своихъ судебныхъ рѣшеній. Такое воззрѣніе, совершенно неизвѣстное первымъ тремъ вѣкамъ христіанства, повторяемъ, могло перейти въ церковное сознаніе изъ римскаго права вмѣстѣ съ самыми процессуальными формами, заимствованными оттуда.

Само собою разумѣется, что нѣтъ никакой возможности точно обозначить тотъ моментъ, когда формы римскаго аккюзационнаго процесса проникли въ церковное судопроизводство; несомнѣнно только то, что начало этому положено было при первомъ же христіанскомъ императорѣ, такъ что со времени Константина Великаго, по справедливому замѣчанію Молитора,

¹⁾ Церк. Ист. Сократа кн. I гл. 31 стр. 108—109; Созомена 137—138.

²⁾ Подробное изложеніе этого процесса съ указанной стороны—у Фесслера. S. 33—56.

³⁾ Fessler. S. 60—61.

въ исторіи судопроизводства мы выступаемъ изъ дней патриархальной простоты ¹⁾).

Однѣ изъ особенностей римскаго уголовного процесса, касающіяся существенныхъ моментовъ судопроизводства или прямо перешли въ положительное церковное законодательство вселенскаго періода или, по крайней мѣрѣ, при опредѣленіи этихъ моментовъ римское право оказало церкви не малую услугу своей подробной и точной регламентаціей судебныхъ порядковъ, такъ что печать вліянія римскаго права во всякомъ случаѣ несомнѣнно лежитъ на соборныхъ канонахъ; другія же особенности римскаго процесса, касающіяся нѣкоторыхъ подробностей судопроизводства, не будучи прямо узаконены церковію, были усвоены ею путемъ судебной практики.

Такимъ образомъ, дальнѣйшій планъ настоящаго изслѣдованія намѣчается уже самъ собою, именно: въ двухъ послѣдующихъ главахъ намъ предстоитъ изобразить церковное судопроизводство—а) по правиламъ вселенскаго законодательства и б) по даннымъ церковно-судебной практики и показать, насколько глубоко было вліяніе римско-византійскаго процесса въ той и другой области ²⁾).

¹⁾ Molitor. цитов. соч S 33.

²⁾ Г Заозерскій излагаетъ отдѣльно епархіальное и соборное судопроизводство. Но тѣ начала, которыми онъ характеризуетъ епархіальное судопроизводство (276—279 стр), нельзя признать за *отличительныя особенности* его, такъ какъ эти же начала обязательно соблюдались и въ соборномъ судопроизводствѣ. По нашему мнѣнію, обвинительный процессъ какъ предъ епархіальнымъ епископомъ, такъ и на соборахъ совершался по однимъ и тѣмъ-же началамъ и формамъ, но при этомъ соборное судопроизводство отличалось, конечно, большею торжественностію и болѣе строгимъ соблюденіемъ принятыхъ церковію формальностей, чѣмъ епархіальное, въ которомъ замѣтно стремленіе къ сокращенности и упрощенности. Всѣ же остальные особенности, которыми дѣйствительно различаются между собою епархіальное и соборное судопроизводство, легко объясняются самой формой организаціи того и другого суда: епархіальный судъ—единоличный, а соборный—коллегіальный, а потому излагать ихъ отдѣльно нѣтъ особенно серьезныхъ побужденій.

Глава третья.

Мпланскимъ эдиктомъ начинается важнѣйшая—классическая эпоха въ жизни церкви: „страны Востока и Запада исповѣдуютъ одну и ту же вѣру, молятся у однихъ и тѣхъ же престоловъ, принимаютъ одни и тѣ же таинства,—словомъ, великій мощный союзъ объединяетъ весь христіанскій міръ“¹⁾. Теперь открываются цѣлый рядъ великихъ соборовъ (съ IV до IX в.), на которыхъ церковь, признавая государствомъ, утвержденная имъ въ политическихъ и общественныхъ правахъ и слѣдовательно, совершенно успокоенная извнѣ, своимъ все-ленскимъ разумомъ рѣшала вопросы догматическаго, нравственно—практическаго и юридическаго характера, выработывала основныя начала для своей дальнѣйшей внутренней и внѣшней жизни. Хотя главное вниманіе отцевъ церкви на этихъ соборахъ направлено было на уясненіе и точное опредѣленіе догматическихъ истинъ, однако и многія другія стороны внутренней церковной жизни, въ частности церковное судопроизводство, конечно, не могли не сдѣлаться предметомъ соборныхъ разсужденій и опредѣленій вселенскаго законодательства. Проф Соколовъ даетъ слѣдующую общую характеристику творческой дѣятельности соборовъ по вопросу о церковномъ судопроизводствѣ. „Церковный судъ со стороны своего устройства и организациі своихъ формъ входилъ въ область соборнаго законодательства. Правда, ни одинъ изъ соборовъ не полагалъ для себя спеціальной цѣли составить особый уставъ

¹⁾ Овербекъ. Правосл. коелич. церковь Протестъ противъ папской церкви и воззваніе къ основанію католическихъ православныхъ церквей. Христ. чтеніе. 1868. II. стр. 807.

церковнаго судоустройства и судопроизводства. Можно, напротивъ, даже сказать, что соборы вообще обращали мало вниманія на частнѣйшую обработку процессуальныхъ формъ, не устанавливали никакихъ правилъ для подробностей, ограничиваясь опредѣленіемъ существенныхъ и простѣйшихъ элементовъ процесса, примѣняя ихъ къ особенностямъ церковныхъ дѣлъ и отношеній. Сравнительная скудость соборныхъ опредѣленій касательно такого важнаго въ практикѣ предмета, какъ церковный судъ, не есть явленіе случайное, не указываетъ на легкость отношеній отцевъ къ этой сторонѣ церковной жизни, какъ будто маловажной, и не можетъ быть вполне объяснена тѣмъ только, что дѣятельность соборовъ, сосредоточиваясь на важнѣйшихъ вопросахъ общецерковнаго характера, не имѣла въ виду останавливаться на предметахъ второстепенныхъ. Это явленіе имѣло свои особенныя, вполне разумныя причины. Въ своей внутренней средѣ, въ судѣ надъ членами клира по дѣламъ и отношеніямъ церковнымъ, гдѣ дѣятельность церковной власти имѣла автономическій характеръ, церковь намѣренно не хотѣла усложнять своего суда разными формальностями, старалась упрощать, сокращать и ускорять процессъ. Это стремленіе очевидно какъ въ законодательныхъ церковныхъ памятникахъ, такъ и въ судебной практикѣ. Въ нихъ не опущено ничто, относящееся къ существу процесса: всѣ основные элементы опредѣлены, и между тѣмъ не замѣтно никакого усложненія въ подробностяхъ, никакой наклонности узаконить какія либо формальности и частности въ судопроизводствѣ, такъ что каноническій процессъ выходитъ очень простъ и не сложенъ, но совершенно достаточно для цѣлей правосудія. Такое стремленіе къ упрощенію мы видимъ и въ судѣ церкви по дѣламъ и отношеніямъ нецерковнымъ, но предоставленнымъ вѣдомству и суду духовному.... въ церковномъ обществѣ того времени замѣтно было рѣшительное нерасположеніе доводить искъ до формальнаго суда, а по возможности разрѣшать его примирительными средствами.. Въ такихъ дѣлахъ между членами клира, гдѣ нельзя было разрѣшить споръ мировымъ посредничествомъ, или гдѣ самое свойство иска, жалобы и обвиненія требовало формальнаго судопроизводства, церковная власть не считала себя призванною къ законодательной дѣятельности по устройству своего особаго процесса, не составляла своихъ судебныхъ уста-

вовъ, помимо существующихъ и признанныхъ въ государствѣ. Предоставляя эту дѣятельность государственной власти, церковь отъ нея заимствовала различныя постановленія, сюда относящіяся и примѣняла ихъ къ своимъ потребностямъ“¹⁾.

Вполнѣ соглашаясь съ талантливимъ профессоромъ, мы должны замѣтить, что въ дальнѣйшемъ его изложеніи усматривается существенный пробѣлъ, именно: онъ совершенно умалчиваетъ о томъ, насколько сильно и глубоко было вліяніе римскаго права на вселенское законодательство касательно „основныхъ элементовъ“ церковнаго судопроизводства. А потому задача настоящей главы—систематически изложить опредѣленія вселенскаго канона по рассматриваемому вопросу и, гдѣ нужно, поставить ихъ въ связь съ римскимъ правомъ²⁾.

Опредѣленія вселенскаго канона касаются: а) сторонъ, заинтересованныхъ въ судѣ—обвинителя и обвиняемаго, ихъ правъ и обязанностей; б) средствъ доказательства и с) апелляціи и способа движенія суднаго дѣла по разнымъ инстанціямъ.

Обвинитель Рѣшеніе вопроса о томъ, кто можетъ быть обвинителемъ духовныхъ лицъ, вселенское законодательство поставляетъ въ зависимость отъ характера самаго обвиненія: касается ли оно дѣлъ и отношеній церковныхъ или частныхъ. Въ 6 пр. II-го вселен. собора читаемъ „поелику многіе, желая привести въ замѣшательство и испровергнути церковное благочиніе, враждебно и клеветнически вымышляютъ на правящихъ церквами православныхъ епископовъ нѣкія вины, не съ инымъ какимъ намѣреніемъ, какъ токмо, дабы помрачить доб-

¹⁾ Правосл. Обзоръ 1870. II. 589—591 стр.

²⁾ Свѣдѣнія по римскому уголовному процессу заимствуются нами, главнымъ образомъ, изъ слѣдующихъ сочиненій Geib.—Geschichte des Römischen Criminalprocess.. Leipzig. 1842. Walter — Geschichte des Römischen Rechts. Bonn. 1861. Fr. Schulin—Lerbuch der Geschichte des Römischen Rechtes. Stuttgart. 1889 (Русск. перев. Щукина. Москва 1893). Gottschalk—Ueber den Einfluss des Römischen Rechts auf das kanonische Recht 1866. Molitor—Ueber Kanonisches Gerichtsverfahren gegen Kleriker Mainz. 1856. S. 32—54 München—Das Kanonische Gerichts-Verfahren und Strafrecht. 1865. 1 и 2. Загурскій—Принципы римскаго гражданскаго и уголовнаго процесса. Харьковъ. 1874. Системы римскаго гражданскаго права Азаревича, Варона и др.

рую славу священниковъ, и произвести смятенія въ мирномъ народѣ: того ради святыи соборъ стекшихся въ Константинополь епископовъ заблагоразсудилъ: не безъ изслѣдованія допускати обвинителей, ниже позволяти всякому приносить обвиненія на правителей церкви, но и не всѣмъ возбраняти. Но аще кто принесетъ на епископа *нѣкую собственную, то есть частную жалобу*, какъ то—въ притязаніи имъ имѣнія, или въ иной какой либо потерпѣнной отъ него неправдѣ: *при таковыхъ обвиненіяхъ не примати въ разсужденіе ни лица обвинителя, ни вѣры его*. Подобаеть бо всячески и сорѣсти епископа быти свободною, и объявляющему себя обиженнымъ обрѣсти правосудіе, какія бы вѣры онъ ни былъ. *Аще же возводимая на епископа вина будетъ церковная, тогда подобаеть разсмотрѣти лицо обвинителя*“. Предоставляя всѣмъ безъ различія свободу выступать съ обвиненіемъ противъ духовныхъ лицъ по своимъ собственнымъ или частнымъ дѣламъ („да не отъемлетя свобода приносить жалобы по своимъ дѣламъ“— Каро. 144 пр.; срав. 28 пр.), при обвиненіяхъ по дѣламъ церковнымъ вселенское законодательство, согласно 74 Апостольскому правилу, предписываетъ: „отъ клириковъ или мірянъ, доносящихъ на епископа или на клириковъ, не принимати доноса просто и безъ изслѣдованія: но предварительно извѣдывати общественное о нихъ мнѣніе“ (IV. 21). Лица, оказавшіяся послѣ такого изслѣдованія принадлежащими къ одной изъ нижеприведенныхъ категорій, не могли выступать съ обвиненіемъ по своимъ дѣламъ, — именно:

1) Изъ числа еретиковъ и еретиковъ. Еретиками же, поясняетъ 6 правило II вселенскаго собора, именуемъ какъ тѣхъ, которые издавна чуждыми церкви объявлены, такъ и тѣхъ, которые послѣ того нами анасемъ преданы; вромѣ же сего и тѣхъ, которые хотя притворяются, будто вѣру нашу исповѣдуютъ здраво, но которые отдѣлились и собираютъ собранія противъ нашихъ правильно поставленныхъ епископовъ. (II. 6. Ср. Каро. 144).

2) Тѣ, которые прежде за какія либо вины были осуждены и извержены или отлучены изъ клира или изъ разряда мірянъ (II. 6. Ср. Каро. 143)

3) Всѣ, на коихъ лежитъ пятно безчестія, т. е. позорищныя и лица, къ срамнымъ дѣламъ прикосновенныя (Каро. 144).

4) Лица, опороченныя въ общественномъ мнѣніи (Каро. 28. 8).

5) Тѣ, кои сами предварительно подверглись дозосу и еще не доказали своей невинности противъ возведенныхъ на нихъ обвиненій (II. 3).

6) Лица, у которыхъ одно изъ многихъ приносимыхъ ими обвиненій, уже было изслѣдовано и осталось не доказаннымъ (Карѣ. 145).

7) Рабы и отпущенники,—если послѣдніе выступаютъ съ обвиненіемъ противъ своихъ прежнихъ господъ (Карѣ. 144).

8) Наконецъ,—всѣ, которыхъ гражданскіе законы не допускаютъ къ доносамъ о преступленіяхъ (Карѣ. 144).

Сопоставляя съ изложенными правилами тѣ требованія, которыя предъявляла церковь къ обвинителю въ первые три вѣка христіанства, мы видимъ прежде всего, что эти требованія усвоены вселенскимъ законодательствомъ и получили въ немъ опредѣленную, точную и раздѣльную регламентацію. Но, съ другой стороны, нельзя не замѣтить и того, что въ то время какъ процессуальныя требованія до—Никейскаго періода сводились въ существѣ дѣла только къ опредѣленію, если можно такъ выразиться, религіозно-правственной доброкачественности обвинителя, правила вселенскаго канона обращаютъ вниманіе и на его юридическое положеніе. Въ этомъ обстоятельствѣ справедливо усматриваютъ вліяніе римскаго права на церковное законодательство ¹⁾.

Въ римскомъ уголовномъ процессѣ лица, лишенныя *jus accusandi*, дѣлились на два разряда: одни не могли выступать съ обвиненіемъ только противъ нѣкоторыхъ лицъ, другія — лишались этого права безусловно.

Къ первому разряду были отнесены (*propter condicionem*): родственники по прямой линіи—*descendentes* противъ *ascendentes* и наоборотъ, *liberti* противъ своихъ *patrones* и отчасти родственники по боковой линіи, именно—*collaterales* первой степени, когда дѣло шло о серьезномъ преступленіи, и всѣ тѣ лица, которыя вслѣдствіе полученнаго воспитанія или по какой либо другой причинѣ считались *familiares* обвиняемаго, а также и рабы противъ своихъ господъ; къ этому же разряду, по распоряженію имп. Аркадія и Гонорія, причислены были *colones*.

¹⁾ Kellner Das Buß- und Strafverfahren. S 125

Ко второму разряду относились: а) *propter sexum vel aetatem*—женщины и несовершеннолѣтніе; а равно и душевнобольные; б) *propter magistratum potestatemve t̄b*, которые *sine fraude in jus evocari non possunt*—высшіе магистраты и солдаты; в) *propter turpem quaestum, qui duo judicia adversus duos reos subscripta habent nummosque ob accusandum vel non accusandum acciperint*, т. е. тѣ, которые ради постыднаго прибытка, взвели обвиненіе противъ двухъ различныхъ субъектовъ или были подкуплены для возбужденія обвиненія; д) *propter suspicionem calumniae, qui falsum testimonium subornati dixerunt*, а также замѣченные въ преступленіяхъ *praevaricatio* и *tergiversatio*¹⁾; е) *propter paupertatem*—тѣ изъ свободнорожденныхъ, которые обладали имуществомъ стоимостью менѣе, чѣмъ въ 5000 ассовъ и, слѣдовательно, не имѣли даже ценза пятаго класса и тѣ изъ вольноотпущенниковъ, у которыхъ не было ни имущества стоимостью въ 30.000 ассовъ (цензъ втораго класса), ни сына; ф) домочадцы, если они выступали съ обвиненіемъ безъ согласія на то своего *paterfamilias* и г) *accusati*—находящіеся подъ судомъ, за исключеніемъ того случая, когда они возбуждали болѣе тяжкое обвиненіе, чѣмъ то, которое было направлено прогнвъ ихъ самихъ²⁾.

¹⁾ *Praevaricatio* состояла въ томъ, что обвинитель, хотя и выступалъ съ обвиненіемъ, но въ дѣйствительности тайно покровительствовалъ обвиняемому съ цѣлю предохранить его отъ заслуженнаго наказанія или просто входилъ съ нимъ въ соглашеніе (*praevaricatore esse qui colludit cum reo*); слѣдовательно, это преступленіе въ частности состояло напр. въ поддѣлкѣ документовъ (*eo quod proprias probationes dissimularet*), въ приведеніи ложныхъ причинъ неявки въ судъ (*falsas vero rei excusationes admitteret* и т. п.—L. 1 § 6 Digest 48. 16

Tergiversatio обнимаетъ тѣ случаи, когда обвинитель отказывался продолжать обвиненіе вслѣдствіе подкупа со стороны обвиняемаго L. 1. § 1. L. 6. pr. § 1. 2. L. 13 pr Dig

Calumnia состояла въ томъ, что обвинитель, хотя и былъ убѣжденъ въ невинности известнаго лица, тѣмъ не менѣе преслѣдовалъ его по суду (*calumniari est falsa crimina intendere*) L. 1 § 1. Dig 48 16. См. Geib — S 291 и слѣд S. 577—590 Загупскій—292 и слѣд.

²⁾ Geib S. 516—518; Walter. В II. S. 526—528; Schulin. S. 555—556 Gottschalk. S. 195—196. Однако всѣ поименованныя лица перваго и втораго разрядовъ удерживали за собою *ius secusandi* въ томъ случаѣ, когда долѣ;

Можно ли сомнѣваться въ томъ, что церковь, опредѣляя качества обвинителя, сообразовалась съ изложенными узаконеніями римскаго права? Въ этомъ убѣждаетъ насъ рѣшительное заявленіе 144 пр. Карфагенскаго собора: „предписано и сіе: не пріимати доносовъ ... и отъ всѣхъ, которыхъ гражданскіе законы не допускають къ доносамъ о преступленіяхъ“. Отсюда ясно, что церковь пользовалась этими „гражданскими законами“, какъ источникомъ, въ своей право-образующей дѣятельности по вопросу о церковномъ судопроизводствѣ.

Изъ числа лицъ, лишенныхъ вселенскимъ законодательствомъ *jus accusandi*, обращаютъ на себя особенное вниманіе тѣ, которыя отнесены нами къ третьей и четвертой категоріямъ, т. е. а) тѣ, на коихъ лежитъ пятно безчестія и б) опороченныя въ общественномъ мнѣніи. На первый взглядъ представляется страннымъ, почему церковь рядомъ съ понятіемъ „опороченныя“ ставитъ другое, повидимому, совершенно синонимическое понятіе „безчестныя“¹⁾?

касалось преступленія, жертвою котораго были или они сами или одинъ изъ близкихъ родственниковъ, а также, въ силу соображеній политическаго характера, по поводу оскорбленія величества (*crimen majestatis*), поддѣлки монетъ и искусственнаго поднятія цѣны на хлѣбъ (*crimen annonae*). *Geib. S 518; Schulin S 556*

Кромѣ того существовали еще ограниченія *juris accusandi* въ зависимости не отъ качествъ лица обвиняющаго, а отъ характера самаго преступленія; такъ, по закону имп. Августа (*lex Julia de adulteris*), при прелюбодѣяніи *jus accusandi* въ продолженіи первыхъ 60 дней послѣ развода могло принадлежать только лицамъ заинтересованнымъ—мужу и отцу виновной и уже по истеченіи этого срока оно могло перейти къ постороннимъ. Константинъ Великій пошелъ въ этомъ отношеніи еще дальше: по его предписанію, вошедшему въ Юстиніаново законодательство, позволено было выступать съ обвиненіемъ по поводу прелюбодѣянія только мужу и его ближайшимъ родственникамъ мужскаго рода. Были ограниченія и при нѣкоторыхъ другихъ преступленіяхъ, особенно связанныхъ съ такъ называемыми *delicta privata* *Geib. S 519—521; Schulin S 556*.

¹⁾ Правда каноны, трактующіе о лицахъ безчестныхъ и опороченныхъ, хотя и находятся въ одномъ кодексѣ (*Codex canonum ecclesiae Africanae*), однако принадлежать разнымъ соборамъ Карфагенской области. О лицахъ опороченныхъ говорится въ двухъ Карфагенскихъ правилахъ—8 и 28, изъ которыхъ первое составлено было Карфагенскимъ соборомъ 390 г. (при Генефли), а второе—Гиппонскимъ 397 г. (той же области). О лицахъ, имѣю-

Чѣмъ объяснить это явленіе? Представляетъ ли оно случайную тавтологію въ церковной терминологіи или, выражаясь такимъ образомъ, церковь имѣла на то какое нибудь основаніе? По нашему мнѣнію, языкъ анализируемыхъ церковныхъ правилъ отличается удивительною, свойственною римской юриспруденціи, точностію юридической терминологіи, заимствованной изъ римскаго до-Юстиніановскаго ученія о гражданской чести (*existimatio*). Въ до-Юстиніановскомъ правѣ различалось двоякаго рода безчестіе: а) юридическое (*infamia juris*) и б) фактическое (*infamia facti*). Это различіе явилось какъ результатъ тѣхъ мѣръ, которыя были направлены къ ограниченію произвола римскихъ цензоровъ. Цензоры, будучи истолкователями и органами общественнаго мнѣнія, хранителями нравственныхъ основъ (*mos majorum*), на которыхъ покоилось величіе Рима, стали въ концѣ республиканскаго періода злоупотреблять своею *potestate censoria*¹⁾. Опѣнивая нравственное достоинство гражданина, они нерѣдко безъ всякаго достаточнаго основанія—по произволу въ своемъ оффиціальномъ спискѣ дѣлали отмѣтку (*notam vel subscriptionem censoriam*), налагающую на того, кого она постигала, нравственный позоръ или безчестіе (*ignominia*). Вслѣдствіе этого и были выработаны, главнымъ образомъ, преторомъ точныя правила, опредѣляющія условія и послѣдствія уменьшенія чести, которое съ того времени стало называться *infamia*. Въ императорскій періодъ *infamia* налагалась въ случаѣ: а) позорной отставки солдата; б) осужденія въ *judicium publicum*; в) осуж-

щихъ «пятно безчестія», трактуется въ 144 Карѣ пр, принадлежащемъ Карфагенскому собору 419 г Но въ Карфагенской области, по справедливому замѣчанію проф Остроумова, было обмѣнено тѣ правила послѣдующихъ соборовъ, которыя имѣли общеобязательное значеніе для всѣхъ Карфагенскихъ областей (а не для одной какой либо изъ нихъ), присоединять къ таковымъ же правиламъ предыдущихъ соборовъ, изъ которыхъ выбиралось для этой цѣли все, что считалось необходимымъ. Введеніе въ прав церк. право.. 194 стр А если такъ, то нельзя думать, чтобы каноны 8 и 28 не были извѣстны Карфагенскому собору 419 г, тѣмъ болѣе, что они вошли въ упомянутый *Codex canonum ecclesiae Africanae*

¹⁾ О власти римскихъ цензоровъ,—см. напр Виллемсъ.—Римское государственное право. Переводъ подъ редакц Бодянскаго Кіевъ 1888. Стр. 308—320

денія за нѣкоторыя *delicta privata*, напр. *furtum*, *rapina*, *injuria*, *dolus*, *sepulchri violatio*; d) осужденія по нѣкоторымъ обязательствамъ, напр. вслѣдствіе *actio directa tutelae* и др. e) отрѣшенія опекуна отъ должности за *dolus*; f) нарушенія нѣкоторыхъ брачныхъ законовъ. g) безнравственныхъ промысловъ: содержателей публичныхъ домовъ, публичныхъ жещинъ, мужчинъ, *qui corpore suo muliebria passi sunt*, промысла сводничества; h) нѣкоторыхъ предосудительныхъ промысловъ, напр., актеровъ и бойцовъ со звѣрями и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ. Правоспособность *infames* была въ значительной степени ограничена: вмѣстѣ съ другими правами они теряли *jus postulandi* (vel *accusandi*) и *testamenti*.

На ряду съ *infamia*, установленной закономъ, существовало другаго рода уменьшеніе чести (*minutio existimationis*), когда *общественное мнѣніе* за дурной ли поступокъ извѣснаго лица или вообще за предосудительный образъ его жизни отказывало ему въ полной чести—что называлось *turpitude* или *infamia facti*. Такого рода лица (*personae turpes*) со стороны ограниченія правоспособности уподоблялись *infames* ¹⁾.

Теперь ставится понятнымъ, что 144 пр. Кароагенскаго собора, отнимающее *jus accusandi* „отъ всѣхъ, на коихъ лежитъ пятно безчестія, т. е. отъ позорищныхъ и отъ лицъ къ срамнымъ дѣламъ прикосновенныхъ“ имѣетъ въ виду *infamia juris*—именно тѣхъ, которые отнесены къ двумъ послѣднимъ категоріямъ (подъ лит. g и h), а 8 и 28 кароаген. правила, трактующія о лицахъ „опороченныхъ въ общественномъ мнѣніи“, разумѣютъ *infamia facti* ²⁾.

¹⁾ Баронъ. Система римскаго гражд. права Перевъ Петражицкаго Москва. 1898 г. вып. I 64—68 стр. Азаревичъ. Система римскаго права СПб. 1888 г. т. I. стр. 92—97

²⁾ Знаменитый комментаторъ церковныхъ правилъ Вальсамонъ подтверждаетъ справедливость нашихъ соображеній. Въ толкованіи на 144 Каро пр. онъ говоритъ: «позорищными называй тѣхъ, которые надѣваютъ маски, напр. рабовъ или жещинъ, а не всѣхъ показывающихся на сценѣ ибо тѣ, которые содержатъ музыкальные оркестры, суть почетны. Покрыты, по правилу, позоромъ сводники, содержатели блудницъ и др. подобныя. Безчестны также борцы со звѣрями—тѣ, которые получаютъ вознагражденіе за то, чтобы побѣдить звѣря, и изъ корысти подвергають опасности собственную жизнь» Книга Правилъ II стр. 1650. Однимъ словомъ, Вальсамонъ какъ

Заканчивая анализъ церковныхъ правилъ, опредѣляющихъ качества обвинителя по дѣламъ церковнымъ, обратимъ вниманіе на выраженіе: „аще опороченъ таковой, то не приимати“ (Каро. 8; ср. 28): это—языкъ римскихъ юристовъ, которые сплошь и рядомъ употребляли подобныя выраженія, напримѣръ. опорочена сдѣлка, опорочено завѣщаніе et cetera.

Но если изложенныя правила представляютъ продуктъ собственной правообразующей дѣятельности церкви, которая только сообразовалась въ этомъ случаѣ съ гражданскими законами и пользовалась выработанною римскою юриспруденціей терминологіею, то остальные правила вселенскаго канона, содержащія въ себѣ обязанности, возлагаемыя на обвинителя, уже цѣликомъ заимствованы изъ римскаго уголовно-процессуальнаго права.

1) Римское право обязывало обвинителя продолжать поднятое имъ обвиненіе и довести его до окончательнаго рѣшенія ¹⁾: только средствами, предусмотрѣнными въ законѣ, а не личнымъ произволомъ могъ освободиться обвинитель отъ этой обязанности (такъ назыв. *abolitio*) ²⁾. Если обвинитель, начавъ процессъ, скрывался или не являлся къ разбирательству дѣла по требованію суда или вообще по собственному

разъ и перечисляетъ именно тѣхъ лицъ, на которыхъ налагалась *infamia juris*—въ случаяхъ подъ литт. g и h Ср. толкованіе Іоанна, еп. Смоленскаго «Опытъ курса церк. законовѣдѣнія». Вып. II. стр. 191 Тотъ же Вальсамонъ въ толкованіи на 28 пр Каро соб пишетъ «замѣтъ, что опороченные и сомнительные въ ихъ честности и тѣмъ болѣе безчестные не возбуждаютъ дѣлъ по обвиненію въ преступленіи». Книга правил. II 1347 стр. Здѣсь дается уже очень ясное указаніе на то, что церковныя правила различали безчестіе фактическое и юридическое «опороченные и сомнительные въ ихъ честности»—это *infamia facti*, а «безчестные»—*infamia juris*

¹⁾ Geib. S. 554. 574 и др.; Walter. B. II. S. 528; Gottschalk S. 193—194. Molitor. S. 45.

²⁾ Различались три вида *abolitio*: а) *abolitio generalis*, дававшаяся сенатомъ или самимъ императоромъ по поводу извѣстныхъ праздниковъ и нѣкоторыхъ радостныхъ событій, б) *abolitio privata*—судомъ на основаніи просьбы обвинителя и согласія на то подсудимаго и с) *abolitio ex lege*—по предложенію подсудимаго въ томъ случаѣ, если обвинитель умеръ или встрѣчаетъ препятствіе для поддержанія обвиненія или отказывается отъ него. Schulin. S. 562—565; Geib. S. 575—576. 585—588.

произволу отступался от обвиненія, не получивъ формальной судебной *abolitio*, то онъ трактовался какъ *tergiversator* и подвергался наказанію—денежному штрафу и *инфаміи*, которая, какъ извѣстно, влекла за собою потерю *jus postulandi* или какому либо иному наказанію по приговору соответствующаго суда ¹⁾. Обвиняемый въ этомъ случаѣ освобождался отъ всякихъ послѣдствій возведеннаго на него обвиненія и самое имя его вычеркивалось изъ судебного протокола (*inscriptio*) ²⁾. Само собою разумѣется, что временное уклоненіе обвинителя отъ указанной обязанности, въ силу какихъ либо уважительныхъ причинъ, не считалось за *tergiversatio* и даже за случай примѣненія *abolitio* и не лишало его права продолжать процессъ: все это имѣло мѣсто только тогда, когда не оставалось никакого сомнѣнія въ намѣреніи обвинителя совершенно бросить возбужденное обвиненіе ³⁾.

Изложенныя возрѣнія римскаго права перешли и во вселенское законодательство. Въ 28 пр. Кароагенскаго собора читаемъ: „доносителю, аще никуда не отлучался во дни разсмотрѣнія дѣла его, отнюдь да не возбраняется общеніе. Но аще удалится и сокроется: то епископъ (обвиняемый) да будетъ возвращенъ въ общеніе, а самъ доноситель да изринется отъ общенія, впрочемъ такъ, чтобы не была огъята у него свобода подтвердить обвиненіе: аще можетъ доказать, яко не предсталъ къ суду не по нехотѣнію, а по невозможности ⁴⁾).

2) Если обвинитель возбуждалъ противъ кого нибудь завѣдомо ложное обвиненіе, то римское право рассматривало его какъ клеветника—*calumniator*'а и карало со всею строгостію, именно—подвергало не только *инфаміи* со всѣми ея юридическими послѣдствіями, но и тому самому наказанію,

¹⁾ Geib S 587—588

²⁾ Geib. S. 575. 594. Molitor S. 46 Исключеніе составляли тѣ случаи, когда самъ судъ *ex officio* продолжалъ оставленный обвинителемъ процессъ и доводилъ его до конца. Но эти случаи имѣли мѣсто въ виду особенной важности преступленія или непрерываемой очевидности его и притомъ тогда, когда акюзаціонный процессъ сталъ постепенно вытѣсняться процессомъ *иневизиціоннымъ*. Geib. S 574

³⁾ Geib. S. 586.

⁴⁾ Это требованіе соблюдалось и въ судѣ надъ остальными клириками. Каро. 29

которое долженъ былъ бы понести обвиняемый въ случаѣ доказанности преступленія (*роена talionis*) ¹⁾. Съ теченіемъ времени *роена talionis* для калумніаторовъ, практиковавшаяся въ широкихъ размѣрахъ, обратилась въ обязательную норму: по закону имп. Траяна обвинитель письменно обязывался, если онъ окажется клеветникомъ, понести тоже самое наказаніе, которое постигло-бы обвиняемаго въ случаѣ осужденія ²⁾.

И это опредѣленіе римскаго права точно также перешло во вселенское законодательство. Второй вселенскій соборъ своимъ шестымъ правиломъ узаконяетъ: „аще нѣкоторые, не будучи ни еретики, ни отлученные отъ общенія церковнаго, ни осужденные пли предварительно обвиненные въ какихъ либо преступленіяхъ, скажутъ, яко имѣютъ нѣчто донести на епископа по дѣламъ церковнымъ: таковымъ святой соборъ

¹⁾ Geib S. 577—582. *Роенаe talionis* не подвергались при обвиненіяхъ въ убійствѣ самые близкіе родственники убитаго—*ascendentes, descendentes, cognates* и *affines*; при обвиненіяхъ въ прелюбодѣяннн—мужъ и отецъ виновной; при обвиненіяхъ, возбужденныхъ въ интересахъ *infantes, qui faci non possunt* и несовершеннолѣтнихъ—ихъ *tutores* и *curatores*. Но если намѣреніе всѣхъ этихъ лицъ возвести ложное обвиненіе было совершенно ясно, то и они, прибавляетъ Гейбъ, подвергались такимъ же наказаніямъ, какъ и прочіе *calumniatores* S 580

²⁾ Walter. B. II. S. 527. Гейбъ относитъ установленіе *роена tationis*, какъ обязательной нормы, къ болѣе позднему моменту до-Юстиниановскаго періода, но не приводитъ никакихъ доказательствъ въ пользу своего мнѣнія. Geib. S. 579. Шулинъ выражается еще неопредѣленнѣе: »черезъ *subscriptio*, говоритъ онъ, обвинитель принималъ на себя обязательство самому понести наказаніе, угрожающее подсудимому, въ случаѣ, если ему не удастся доказать обвиненія. Въ послѣдующее время это обязательство выражалось въ формѣ особой *роенаe sponsio* при *subscriptio*. Цит. соч. S. 562. Если признать хронологическую дату, указанную Вальтеромъ, вѣрною только приблизительно (хотя онъ твердо держится ея во всѣхъ изданіяхъ своего труда,—см. 527 стр. прим. 131,—не смотря на сдѣланное Гейбомъ замѣчаніе по его адресу,—Geib. 579 стр. 152 прим.), то и при такомъ предположеніи можно считать за несомнѣнное, что *роена talionis*, какъ узаконенный принципъ, явилась во всякомъ случаѣ ранѣе конца IV вѣка (времени второго вселенскаго собора), такъ какъ царствованіе Траяна относится къ самому началу II вѣка. Можно ли допустить, чтобы Вальтеръ, столь серьезный романистъ, въ нѣсколькихъ изданіяхъ своего труда сталъ упорствовать въ ошибкѣ на цѣлыхъ три столѣтія?!

повелѣваетъ, вопервыхъ—представити свои обвиненія всѣмъ епископамъ области, и предъ ними подтверждати доводами свои доносы на епископа подвергшагося отвѣту. Аще же епископы соединенныхъ епархій, паче чаянія, не въ силахъ будутъ возстановити порядокъ, по возводимымъ на епископа обвиненіямъ: тогда обвинители да приступятъ къ большому собору епископовъ великія области, по сей причинѣ созываемыхъ: *но не прежде могутъ они настояти на свое обвиненіе, какъ письменно поставивъ себя подъ страхомъ одинакаго наказанія съ обвиняемымъ, аще бы, по производству дѣла, оказались клеветующими на обвиняемаго епископа*“.

3) Какъ въ гражданскомъ процессѣ римское право обязывало истца привести доказательства справедливости своей претензіи—*onus probandi*, такъ точно и въ уголовномъ процессѣ *onus probandi* возлагалось на обвинителя; въ случаѣ какихъ либо возраженій со стороны отвѣтчика или обвиняемаго—напримѣръ, что истецъ или обвинитель имѣютъ злой умыселъ (*exsertio doli*), первые въ свою очередь обязывались обосновать эти возраженія. Однимъ словомъ, въ римскомъ процессѣ какъ гражданскомъ, такъ и уголовномъ, существовало правило, что каждая сторона должна доказать факты, служащіе къ подтвержденію ея самостоятельныхъ заявленій, причемъ доказывать долженъ былъ тотъ, кто утверждаетъ—истецъ и обвинитель, а не отвѣтчикъ и обвиняемый: *ei incumbit probatio, qui dicit, non qui negat*. (доказательство возлагается на того, кто утверждаетъ, а не на того, кто отрицаетъ) ¹⁾.

Точно также и церковное законодательство возлагаетъ *onus probandi* на обвинителя: шестое правило втораго вселепскаго собора, какъ мы видѣли сейчасъ, рѣшительно предписываетъ обвинителямъ „подтверждати доводами свои доносы на епископа, подвергшагося отвѣту“. Никто, даже сами епископы не освобождались отъ обязанности обосновать доводами выставленное ими противъ кого-нибудь обвиненіе. „Аще епископъ глаголетъ, узаконяетъ 147 Карѣ. правило, яко нѣкто ему одному исповѣдалъ свое преступленіе, а тотъ не признается: то епископъ да не обращаетъ себѣ въ обиду того, что не

¹⁾ Gottschalk. S. 194—195. Molitor. S. 45 Schulin. S. 562. Баронъ. I. стр. 221,

полагаются въ семь на него одинаго. Аще же речеть, яко по возмущеніи совѣсти своея, не хоцеть имѣть общенія съ не признающимся: то доколѣ отлученнаго по сему случаю не приемятъ въ общеніе свой епископъ, дотолѣ сего епископа да не приемятъ въ общеніе прочіе епископы: *да тѣмъ наче блюдется епископъ, да не глаголетъ о комъ либо, чего предъ другими не можетъ утвердити доказательствами.* (Ср. Карѣ. 28; Теоф. Антиок. пр. 9) ¹⁾.

Наконецъ 4) въ полномъ согласіи съ римскимъ процессуальнымъ правомъ ²⁾, вселенское законодательство обязывало обвинителя указывать въ своей жалобѣ церковный законъ, на которомъ онъ основывалъ свое обвиненіе, представить факты, подавшіе поводъ къ обвиненію, опредѣлить его сущность и обозначить годъ, мѣсяцъ и мѣсто совершенія преступленія ³⁾.

Обвиняемый. Вселенское законодательство возлагаетъ на подсудимаго такія обязанности и предоставляетъ такія права, которыя не были извѣстны процессу первыхъ трехъ вѣковъ христіанства и при опредѣленіи которыхъ церковь также несомнѣнно пользовалась указаніями римскаго права. Разсмотримъ всѣ эти обязанности.

¹⁾ Относительно того, что и противная сторона—обвиняемый—долженъ былъ представлять доказательства своихъ возраженій и самостоятельныхъ заявленій, мы не находимъ прямыхъ предписаній во вселенскомъ законодательствѣ; за то имѣемъ на этотъ счетъ ясныя указанія церковно-судебной практики—почти въ каждомъ процессѣ изъ актовъ вселенскихъ соборовъ, происходившихъ при личномъ присутствіи той и другой стороны. Такъ напр: Ива (обвиняемый), почтеннѣйшій епископъ, сказалъ: «пусть прикажетъ ваше челоуѣколюбіе прочитать письмо эдесскихъ клириковъ, дабы вы знали, что я и чуждъ того, что введено на меня и потерпѣлъ насиліе». Послѣ прочтенія его, славнѣйшіе сановники, убѣдившіеся въ справедливости возраженій Ивы, сказали: «что прочитано, то ясно». Дѣянія IV. 229—230 и 236

²⁾ Обвинитель долженъ былъ указать lex, на основаніи котораго сдѣлано было обвиненіе и которымъ опредѣлялись границы судебного рѣшенія. Gottschalk. S. 195 и 194

³⁾ Πρωτόκολλον. Изд. 1764 г. прим. къ 74 Апост. пр. Чит. образцы «libellus» въ актахъ всел. соборовъ напр. I. 466—474; III. 204—207. 143—145. и др.

1) Въ назначенный срокъ обвиняемый обязанъ былъ явиться въ судъ для оправданія. Срокомъ служилъ мѣсяцъ, считая съ того дня, въ который была получена обвиняемымъ пригласительная грамота. Въ случаѣ представленія какихъ либо уважительныхъ причинъ неявки, онъ могъ пользоваться еще однимъ мѣсяцемъ. Неявившійся въ судъ, не смотря на приглашеніе, въ теченіи цѣлаго года разсматривался какъ упорный и подвергался заочному осужденію: „Аще кто изъ епископовъ подвергнется обвиненію, читаемъ въ 28 пр. Кароагенскаго собора, обвинитель да представитъ дѣло къ первенствующему въ области, къ которой принадлежитъ обвиняемый, и да не будетъ обвиняемый отчужденъ отъ общенія, развѣ когда, бывъ призванъ къ отвѣту грамотою, не явится въ судъ избранныхъ судити его въ назначенное время, то есть въ теченіе мѣсяца отъ того дня, въ который по дознанію получена имъ грамота. Аще же представитъ истинныя и необходимыя причины, препятствовавшія ему явитися къ отвѣту противу того, что на него представлено: то безъ предосужденія да имѣеть свободу въ оправданію въ теченіе другаго мѣсяца: но по прошествіи другаго мѣсяца, да не будетъ въ общеніи, доколѣ не очиститъ себя доказательствами по дѣлу. Аще же предъ всецѣлмый того лѣта соборъ явитися не восхоцеть, дабы, по крайней мѣрѣ, тамо его дѣло окончено было: то имѣеть быти сужденъ, какъ произнесшій приговоръ самъ противъ себя“¹⁾. Если необходимость личнаго присутствія обвиняемаго при разбирательствѣ дѣла является въ данномъ канонѣ лишь простымъ подтвержденіемъ требованія, строго соблюдавшагося уже въ первые три вѣка и ясно выраженнаго 74 Апост. правиломъ, то назначеніе сроковъ для явки представляетъ нововведеніе, возникшее, намъ думается, не безъ вліянія римскаго права. Личное присутствіе обвиняемаго при судопроизводствѣ было всегдашнимъ требованіемъ римскаго уголовно-процессуальнаго права. Въ случаѣ своей неявки обвиняемый долженъ былъ привести уважительныя причины, причемъ только самъ судъ могъ рѣшить—достаточно ли уважительны приведенныя подсудимымъ причины или нѣтъ. Особенно уважительными причинами считались болѣзнь, временное отсутствіе

¹⁾ Ср. Каро. 90 пр.

обвиняемаго по дѣламъ государственнымъ (*absentia rei publicae*), отправленіе магистратуры и друг. Должнѣть суду о такихъ или иныхъ причинахъ неявки обвиняемаго могъ не только специально-уполномоченный послѣдняго, но и каждый посторонній. Если судъ находилъ причины уважительными, то допускалась временная отсрочка процесса. Если же обвиняемый не представлялъ никакихъ причинъ своей неявки или представленные имъ судъ не признавалъ уважительными, то въ этомъ случаѣ имѣло мѣсто формальное контумациальное производство. Прежде всего на его имущество налагалось запрещеніе, при этомъ особенно заботились о томъ, чтобы ему ничего не выдавалось изъ имущества съ цѣлю продлить отсутствіе; въ то же время противъ него издавались соотвѣствующимъ судомъ вызовы въ формѣ эдиктовъ или въ формѣ *litterae ad magistratus, ubi consistunt*, побуждающія магистратовъ зорко слѣдить за обвиняемымъ и въ случаѣ поимки арестовать его и препроводить разыскивающему его суду. Если со времени объявленія такихъ вызововъ проходилъ цѣлый годъ и обвиняемый не являлся въ судъ и не представлялъ никакихъ уважительныхъ причинъ своей неявки, то дальнѣйшій ходъ дѣла зависѣлъ отъ того, касалось ли обвиненіе тяжкаго уголовного преступленія или только болѣе или менѣе легкаго проступка. Въ послѣднемъ случаѣ законное наказаніе налагалось сейчасъ же; въ первомъ же случаѣ окончательная *damnatio* не производилась, а все имущество, на которое ранѣе наложено было запрещеніе, формально конфисковалось и эта конфискація сохраняла юридическую силу даже и тогда, если отсутствующій являлся и начинался процессъ, который могъ закончиться, смотря по тому—была ли доказана виновность или невиновность подсудимаго,—присужденіемъ къ законному наказанію или полнымъ оправданіемъ ¹⁾. Въ Юстиніановомъ законодательствѣ двухъ-годичный срокъ назначается какъ максимумъ для продолжительности уголовного процесса ²⁾.

Изложенными возрѣніями римскаго права и руководствовалась церковь въ своей правообразующей дѣятельности по данному вопросу.

¹⁾ Geib. S. 596—599; Schuln. S. 606; Gottschalk. S. 192.

²⁾ Geib. S. 541.

Правда, въ разсматриваемомъ пунктѣ между римскимъ и церковнымъ правомъ есть нѣкоторое—на первый взглядъ довольно существенное различіе: въ то время какъ римское право не произносило надъ отсутствующимъ въ теченіи года окончательной *damnatio*, церковное право подвергало такового рѣшительному осужденію. „Опредѣлено и сіе, читаемъ въ 90 пр. Каре. собора, когда на состоящихъ въ клирѣ бываетъ доносъ, и объявляются нѣкоторыя обвиненія: тогда, частію для отклоненія нареканія на церковь, частію ради достоинства клира, по каковымъ причинамъ и оказывается имъ снисхожденіе, частію для избѣжанія гордаго злорадованія еретиковъ и язычниковъ, аще желаютъ, какъ и должно, защищати свое дѣло и поспешися о доказательствахъ своея невинности, да учинятъ сіе въ теченіи года, въ который должны быти внѣ общенія. *Аще же въ теченіи года вознерадятъ очистити свое дѣло: то постъ сего никакій гласъ отъ нихъ да не примется*“. Но, съ одной стороны, конфискація имущества была тяжелымъ наказаніемъ, а она оставалась въ силѣ даже и въ томъ случаѣ, если бы обвиняемый, потребовавшій разбирательства своего дѣла уже по истеченіи годичнаго срока, оказался по суду оправданнымъ и стало быть за свое упорство (*contumacia*) и по римскому праву онъ не оставался безнаказаннымъ. Съ другой стороны—что особенно важно, двухъ-годичный срокъ продолжительности уголовного процесса введенъ былъ Юстиніаномъ, въ до-Юстиніановскій же періодъ такимъ срокомъ считался одинъ годъ ¹⁾; и церковныя правила, опредѣляющія сроки для явки подсудимаго въ судъ, относятся по времени своего происхожденія тоже къ до-Юстиніановскому періоду ²⁾. Такимъ образомъ, церковь назначила ту же продолжительность для уголовного процесса, какая ко времени изданія указанныхъ правилъ существовала въ римскомъ правѣ и если, вслѣдъ за нимъ, она не только не увеличила этой продолжительности до двухъ лѣтъ, а узаконила еще ббольшую строгость въ отношеніяхъ къ обвиняемымъ клирикамъ—„нера-

¹⁾ Geib. S. 541.

²⁾ 28 карагенское правило принадлежитъ собору Гиппонскому 397 года, а правило 90—собору Каре агенскому 401 г. 13 сент.—Остроумовъ. Введеніе въ церк. право 194 стр. 3 прим.

дящимъ“ о своей невинности ¹⁾, то имѣла на это слишкомъ серьезные мотивы, указанные въ вышеприведенномъ правилѣ.

Не смотря на указанное различіе, точное регламентированіе сроковъ для явки обвиняемаго въ судъ, какое мы находимъ во вселенскомъ законодательствѣ, по своей идеѣ, по самому принципу, несомнѣно, римскаго происхожденія

2) Вселенское законодательство предоставляло обвиняемому право—просить нужнаго времени для приготовленія къ оправданію. Въ каноническомъ посланіи Кирилла, архіеп. Александрійскаго къ Домну Антиохійскому читаемъ: „онъ (еп. Петръ, лишенный Домномъ епископіи) глаголетъ, яко можетъ оправдати себя: но ему не дано времени на оправданіе, и не предложено разсмотрѣти дѣло по правиламъ. Аще сіе было бы учинено: то самое дѣлопроизводство или обличило бы въ немъ преступника доказаннаго и признаннаго и потому не могущаго рещи, яко обиженъ, или представило бы его рѣшительно невиннымъ и возвратило бы ему начальство надъ церковію, которая была ему поручена. Поелику же ничего такого не сдѣлано: то онъ и вошѣтъ противъ сего и глаголетъ, яко потерпѣлъ несносную обиду и яко несправедно изверженъ; присовокупляетъ же, яко и все, что онъ имѣлъ собственнаго, отъято у него. И такъ, твое преподобіе, приѣмая въ разсужденіе, чего требуютъ божественныя правила и что прилично церкви и поставленнымъ въ ней для священнаго служенія, сверхъ же сего уваживъ и наше писаніе, да отретъ слезы старца“ ²⁾. Ничего подобнаго не было извѣстно церковному процессу первыхъ трехъ вѣковъ. Между тѣмъ по римскому праву не только во времена *quaestiones perpetuae*, но и во весь императорскій періодъ сторонамъ давалось время для приготовленія къ предстоящему разбирательству дѣла, причемъ, такъ какъ въ императорскій періодъ, личное присутствіе обвиняемаго при предварительномъ производствѣ (*nomi- nis delatio*) уже не признавалась необходимымъ, обвинитель обязывался сообщить ему до открытія главнаго производства, по крайней мѣрѣ, важнѣйшіе пункты своего обвиненія ³⁾.

¹⁾ Это ясно изъ сравненія 90-го Каре правила—болѣе поздняго по времени происхожденія съ 28 пр.

²⁾ Книга правилъ. III т. 363—364 стр. I прав

³⁾ Geib. S. 560 и 549—552; Загурскій 319 стр

Не ближе ли къ истинѣ сказать, что въ этомъ пунктѣ церковь послѣдовала римскому праву, находя опредѣленія его согласными съ духомъ гуманности и пригодными для своихъ цѣлей, нежели предполагать, какъ дѣлаютъ нѣкоторые канонисты, что „болѣе полныя данныя о церковномъ процессѣ первыхъ трехъ вѣковъ, *можетъ быть*, раскрыли бы предъ нами и то, что узаконили относительно внѣшнихъ приемовъ соборнаго судопроизводства правила IV вѣка, какъ общеизвѣстный обычай и порядокъ, выработавшійся ранѣе“¹⁾.

3) Затѣмъ, въ цѣляхъ огражденія интересовъ обвиняемаго, предоставленія наибольшей возможности къ доказательству своей невинности, вселенское законодательство надѣлило его правомъ имѣть при себѣ спеціальнаго защитника—адвоката или, выражаясь языкомъ церковныхъ правилъ, эдиква, дефензора и ему поручить защиту своего дѣла въ церковномъ судѣ (Каре. 86. 109; IV 2. 23). И объ этомъ правѣ подсудимаго ничего не говорится въ каноническихъ и историческихъ памятникахъ, изъ которыхъ почерпаются свѣдѣнія о церковномъ процессѣ первыхъ трехъ вѣковъ. Что удивительнаго въ томъ, что церковь, знакомясь съ римскомъ правомъ, пожелала имѣть для удовлетворенія своихъ собственныхъ потребностей, такое же учрежденіе, какое давно уже существовало въ государствѣ?!

По древнему римскому праву обвиняемый лично долженъ былъ вести свою защиту. Но съ теченіемъ времени изъ этого правила стали допускаться исключенія. Во времена *quaestiones perpetuae* обвиняемому, въ большинствѣ случаевъ, являлся на помощь ораторъ, который приводилъ въ болѣе или менѣе искусной формѣ все, что можно было сказать въ защиту обвиняемаго. Такого рода ораторы назывались *patroni*²⁾. Въ императорскій періодъ въ положеніи этихъ лицъ, получившихъ новое наименованіе—*advocati*, произошли довольно существенныя перемѣны. Въ то время какъ ранѣе, говоритъ Гейбъ, выступать въ качествѣ судебного защитника почиталось дѣломъ прекраснымъ и благороднымъ, заниматься которымъ признавали за честь и нравственную обязанность даже самые

¹⁾ Заозерскій. Церковный судъ... 301 стр.

²⁾ Geib. S. 320—322; Загурскій. 275—290 стр

видные и почитаемые граждане, теперь—уже во времена Плинія Младшаго это считалось недостойнымъ даже менѣе значительныхъ магистратовъ, хотя и продолжалъ сохранять юридическую силу прежній принципъ, по которому каждый изъ народа имѣлъ право взять на себя защиту обвиняемаго. Однако и этотъ принципъ былъ оставленъ во вторую половину императорскаго (послѣ—квеспіоннаго) періода. При каждомъ судѣ теперь было образовано извѣстное число адвокатовъ, которые выступали исключительно въ качествѣ защитниковъ въ гражданскихъ и уголовныхъ дѣлахъ. Эти адвокаты составляли особую коллегію съ корпоративными правами и многими личными привилегіями и были подчинены особой дисциплинарной власти того магистрата, при судѣ котораго они находились и который могъ подвергать ихъ не только какому либо временному наказанію, но и совершенному отрѣшенію отъ должности.

Такъ какъ теперь судьи при рѣшеніи вопроса о виновности или невинности обвиняемаго стали руководиться не чувствомъ, а юридическими основаніями, то и защитники, естественно, могли больше разсчитывать на строго юридическое освѣщеніе вопроса, чѣмъ на свои риторическія украшенія, что побуждало ихъ къ серьезнымъ занятіямъ юриспруденцій. Вмѣстѣ съ этимъ совершенно исчезъ въ обществѣ прежній взглядъ на адвокатуру, какъ на профессію недостойную—средство къ наживѣ; репутація и авторитетъ адвокатовъ, какъ юристовъ, стояли теперь очень высоко. Со второй половины IV столѣтія адвокаты, какъ особый институтъ, существовали во всѣхъ муниципальныхъ городахъ подъ именемъ *ἑκδιχοι τῶν πόλεων* ¹⁾.

Подобный институтъ судебныхъ защитниковъ пожелала имѣть и церковь для своихъ цѣлей. Установленіе его путемъ положительнаго законодательства относится къ самому началу V вѣка ²⁾. Ближайшимъ къ тому поводомъ послужило чрезмѣрное обремененіе епископовъ жалобами бѣдныхъ на несправедливыя притѣсненія со стороны богатыхъ. „Заблагоразсудили всѣ, читаемъ въ 86 Каре. правилѣ, по причинѣ при-

¹⁾ Geib. S. 602—607.

²⁾ Это видно изъ 86 Каре. правила, принадлежащаго собору 401 г 13 сент, въ немъ въ первый разъ упоминаются церковные защитники.

тѣсненія убогихъ, которые непрестанно стужаютъ церкви жалобами, просити отъ царей, да избираются для нихъ, подѣ смотрѣніемъ епископовъ, защитники отъ насилія богатыхъ“. Съ теченіемъ времени кругъ вѣдомства этихъ лицъ постепенно расширяется: имъ предоставляется право выступать на защиту церковныхъ дѣлъ во всѣхъ потребныхъ случаяхъ и дозволяется входить съ этою дѣлюю во всѣ свѣтскія судилища. Третьимъ канономъ Кареагенскаго собора 407 года ¹⁾ было постановлено „просити православныхъ царей, да будетъ позволено учредить ученыхъ эдиковъ, которые имѣли бы своею обязанностію дѣйствование въ защищеніи дѣлъ и которые бы, яко священники епархій, пріавшіе на себя ходатайство по дѣламъ церквей, свободно могли, когда нужда потребуетъ, входить въ присутствіе судилищъ для опроверженія возраженій и для предоставленія того, что нужно“. Въ 409 году императоры Θεодосій II и Гонорій, утверждая своими декретами учрежденіе церковныхъ эдиковъ, опредѣлили, чтобы избраніе ихъ совершалось по приговору епископа, духовенства и знатнѣйшихъ гражданъ города. Въ 555 году 15-ою новеллою имп. Юстиніана, подтверждающею указанный порядокъ избранія церковныхъ адвокатовъ, послѣдніе были облечены правами настоящихъ магистратовъ и введены повсюду на Востокъ при епископскихъ судахъ, какъ постоянныя должностныя лица. Въ послѣдующее время, какъ видно изъ толкованія Вальсамона на 86 Каре. правило, эдикы были поставляемы одними епископами, причемъ особенными преимуществами стали пользоваться протѣкдикъ Константинопольскаго патріарха ²⁾.

Приведенная историческая справка свидѣтельствуетъ, что мало по-малу, по образцу римской адвокатуры, создалась адвокатура церковная, какъ постоянный институтъ.

4) Далѣе, во вселенскомъ законодательствѣ мы встрѣчаемся съ правомъ обвиняемаго отводить подозрѣваемыхъ имъ въ пристрастіи судей. Въ упомянутомъ выше каноническомъ посланіи Кирилла Александрійскаго къ Домну Атіохійскому говорится: „аще восхоцеть онъ (подсудимый—еп. Петръ) судитися съ тѣми, кои возлагали на него преступленія: то да

¹⁾ Въ книгѣ правилъ см. канонъ 109.

²⁾ Книга правилъ. II т. 1512—1513 стр. Прав. Обзор. 1870. II. 758 стр.

судится по принятому обычаю предъ твоимъ благочестіемъ, въ соприсутствіи то есть подчиненныхъ тебѣ благочестивѣйшихъ епископовъ, кромѣ тѣхъ, которыхъ не приметъ, какъ имъ подозрѣваемыхъ. Мы не полагаемъ, чтобы кто либо изъ благочестивѣйшихъ епископовъ имѣлъ враждебныя мысли противу брата: но дабы сей предлогъ не послужилъ къ ослабленію силы имѣющаго быти суда, аки бы сей неправедно произведенъ былъ, то ни мало не будетъ оскорбительно, аще нѣкоторые по сомнѣнію въ ихъ безпристрастіи, не будутъ въ судебномъ собраніи“¹⁾. И съ этимъ правомъ подсудимаго мы не встрѣчались при изученіи церковнаго процесса до—Никейскаго періода. Между тѣмъ въ римскомъ процессѣ право отвода судей (jus recusationis) практиковалось въ самыхъ широкихъ размѣрахъ не только во времена quaestiones perpetuae, но и въ позднѣйшій императорскій періодъ²⁾. И такъ какъ это право вполне гармонировало съ тѣмъ духомъ кротости, какимъ всегда характеризовалось отношеніе церкви къ подсудимому—согрѣшившему члену ея, съ идеею пастырскаго о немъ попеченія, то совершенно естественнымъ нужно признать то, что оно нашло себѣ мѣсто въ церковномъ законодательствѣ вселенскаго періода.

Послѣ всего изложеннаго можно ли признать справедливымъ рѣшительное заявленіе г. Заозерскаго, будто опредѣленія вселенскаго законодательства касательно обвинителя т. е. его качества, правъ и обязанностей „несомнѣнно были примѣняемы и на церковномъ судѣ III вѣка“³⁾; а тѣмъ болѣе опредѣленія касательно правъ и обязанностей обвиняемаго⁴⁾.

¹⁾ Книга правилъ. III 564—565 стр. I кан.

²⁾ Geib. S. 306—307 и слѣд.; Gottschalk. S. 185; Загурскій 346—355 стр.

³⁾ Заозерскій. «Церковный судъ». 301 стр.

⁴⁾ «То уже несомнѣнно, пишетъ г. Заозерскій, что всѣ постановленія относительно обвинителя, количества и качества свидѣтелей, личного присутствія обѣихъ сторонъ на судѣ при изслѣдованніи дѣла, какія мы встрѣчаемъ въ законодательствѣ церкви и ея судебной практикѣ IV и V вѣковъ, были примѣняемы и на церковномъ судѣ III вѣка».—Ibidem. Относительно обвиняемаго—ни слова! Ничего не говорится о немъ и въ слѣдующихъ строкахъ, гдѣ исчисляются особенности церковнаго процесса, заимствованныя изъ римскаго права

Сопоставленіе опредѣленій вселенскаго законодательства съ требованіями римскаго уголовно-процессуальнаго права приводитъ насъ къ убѣжденію, которое съ удобствомъ можно было бы выразить тѣмъ же умозаключеніемъ г. Заозерскаго (приведеннымъ въ примѣчаніи), только, такъ сказать, перевернутымъ вверхъ ногами: все, что въ качествѣ общеизвѣстнаго обычая, примѣнялось въ процессѣ первыхъ трехъ вѣковъ касательно обвинителя и обвиняемаго, было усвоено, мотивировано и точно регламентировано вселенскимъ законодательствомъ. Но вмѣстѣ съ этимъ за несомнѣнное нужно признать и то, что многое относительно сторонъ, заинтересованныхъ въ судѣ, вошло въ это законодательство изъ римскаго права, какъ не противорѣчащее основной идеѣ церковнаго процесса.

Средства доказательства. Обвинитель, какъ мы уже видѣли, долженъ былъ доказать свое обвиненіе: одной молвы или одного подозрѣнія недостаточно было для постановленія судебного приговора. Въ 6 правилѣ Теофила Антиохійскаго читаемъ: „о Іаковѣ надлежитъ быти изслѣдованію. Аще онъ, будучи чтецомъ, явился виновнымъ въ преступленіи любодѣянія и отъ пресвитеровъ изверженъ, а потомъ пріялъ рукоположеніе: то да извержется отъ своя степені, впрочемъ по тщательномъ изслѣдованіи, а не по единому подозрѣнію, происшедшему отъ наущничества и злословія. Аще же не обрящется повиннымъ, да пребудетъ въ клирѣ. Ибо не должно внимати суетнымъ нареканіямъ“.

Спрашивается, какія же средства доказательства узаконяетъ вселенское законодательство?

Въ одномъ изъ полемическихъ сочиненій св. Василія Великаго говорится: „аще мы, какъ бы на судѣ, *при недостаткѣ письменныхъ доказательствъ, представили въ пользу нашего дѣла множество свидѣтелей*, то не получимъ ли отъ васъ оправдывающаго приговора? Я такъ думаю Ибо при двою или тріехъ свидѣтеляхъ станетъ всякъ глаголь. *Аще укажемъ вамъ и на доловременность, ясно свидѣтельствующую въ нашу пользу:* то не явимся ли предъ вами право глаголющими, яко преніе не можетъ успѣшно быти противу насъ? Ибо древніе догматы нѣкоторымъ образомъ внушаютъ благоговѣніе, представляя въ своей древности, какъ бы въ

нѣкоей сѣдинѣ, досточтимый видѣ“¹⁾). Умозаключая на основаніи приведенныхъ словъ св. Василія Великаго обыкновеннымъ логическимъ путемъ, мы должны сказать, что церковная власть при разбирательствѣ дѣла иногда могла найти такіа средства доказательства виновности или невинности подсудимаго, которыя давали ей полное право произносить рѣшительный приговоръ осужденія или оправданія. Но выводить отсюда, будто церковному суду время св. Василія извѣстна была опредѣленная „система юридическихъ доказательствъ“ представлявшая собою рядъ отдѣльныхъ частей“ или „выражаясь ученымъ языкомъ“ извѣстна была „своя теорія доказательствъ“ значитъ допускать крупный логическій скачекъ²⁾). Даже столь развитое и совершенное право, какъ римское, не успѣло еще создать для себя опредѣленной формальной теоріи доказательствъ³⁾). Правда, въ періодъ послѣквещіонный въ римскомъ процессуальномъ правѣ замѣчается стремленіе выработать нѣкоторыя общія правила доказательства, такъ чтобы рѣшающее значеніе въ вопросѣ о виновности или невинности подсудимаго имѣло не личное чувство судьи, а дѣйствительныя юридическія основанія. Однако и теперь, какъ и въ періодъ *quaestiones perpetuae*, предоставлялась еще слишкомъ широкая свобода личному усмотрѣнію судьи, а потому о какой либо опредѣленной формальной теоріи доказательствъ, юридически обязательной для каждаго судьи, не было и рѣчи. Гейбъ говоритъ: „вся теорія доказательствъ римлянъ, если мы сравнимъ ее съ системой нашего современнаго процесса, находилась, даже въ новѣйшемъ правѣ въ періодѣ младенчества и особенно относительно нѣкоторыхъ средствъ доказательства существовали здѣсь пробѣлы, которыхъ мы, съ точки зрѣнія современнаго права, почти не можемъ понять“⁴⁾). Правила касательно важнѣйшихъ видовъ доказательства, созданныя не столько путемъ законодательства, сколько ученою дѣятельностію юристовъ—классиковъ, содержали въ себѣ не категорическія предписанія, связывающія судью, а только руковод-

¹⁾ Книга правилъ. III т. Василія Великаго пр. 92.

²⁾ Заозерскій Церковный судъ стр. 262. Впрочемъ, и самъ г. Заозерскій не особенно настойчиво проводитъ свой взглядъ. См. 273 стр.

³⁾ Geib, S 609—612; Gottschalk S 188

⁴⁾ Geib. s 611.

ственные начала для его личнаго усмотрѣнія: въ существѣ дѣла судья по прежнему произносилъ приговоръ *ex animi sui sententia*.

Тѣмъ болѣе, конечно, не можетъ быть рѣчи о какой либо опредѣленной системѣ или теоріи доказательствъ въ церковномъ процессѣ періода вселенскихъ соборовъ. Въ этомъ отношеніи мы совершенно присоединяемся къ мнѣнію профес. Соколова, утверждающаго, что правила вселенскаго канона „не связываютъ церковнаго суда какою либо опредѣленною теоріею доказательствъ, предоставляя судѣ свободу принимать во вниманіе всѣ обстоятельства, открывающіяся въ дѣлѣ, на когорыхъ можетъ основываться внутреннее убѣжденіе въ истинѣ“¹⁾.

Не связывая судью никакою формальною теоріею, вселенское законодательство, какъ мы замѣтили выше, указываетъ нѣкоторыя средства доказательства, какъ вполне достаточныя для произнесенія приговора надъ подсудимымъ.

1) Главнѣйшую доказательную силу должно имѣть для судьи, конечно, собственное судебное признаніе обвиняемаго, какъ объ этомъ ясно говорится уже въ 74 Апост. правилѣ; признаніе же внѣ—судебное, тайное нуждается въ разслѣдованіи и подтвержденіи. 147 Карфагенскій канонъ предписываетъ; „аще епископъ глаголетъ, яко нѣкто ему одному исповѣдалъ свое преступленіе, а тотъ не признается: то епископъ да не обращаетъ себѣ въ обиду того, что не полагаются въ семь на него одинаго. Аще же речеть, яко по возмущеніи совѣсти своя не хочетъ имѣти общенія съ непризнающимся: то доколѣ отлученнаго по сему случаю не приѣмлетъ въ общеніе свой епископъ, дотолѣ сего епископа да не приѣмлютъ въ общеніе прочіе епископы; да тѣмъ паче блюдется епископъ, да не глаголетъ о комъ либо, чего передъ другими не можетъ утвердить доказательствами“.

2) Не менѣе важное значеніе въ качествѣ судебного доказательства придается вселенскимъ законодательствомъ показаніямъ достовѣрныхъ свидѣтелей, которыхъ должно быть, согласно прямой заповѣди Господа (Мѣ. XVIII. 15—18) и 75 Апост. правилу, не менѣе двухъ или трехъ (I всел. соб. 2

¹⁾ Прав. Обзор. 1870 г. II 767 стр.

пр.). О свидѣтеляхъ правила вселенскаго канона опредѣляютъ тоже самое, что и касательно обвинителей: „свидѣтелей же въ свидѣтельствѣ не пріимати тѣхъ, отъ которыхъ положено не пріимати доносовъ“ (Каре. пр. 146), т. е. кто не допускается къ обвиненію, поясняетъ Вальсамонъ, не долженъ быть допускаемъ и къ свидѣтельству ¹⁾. Излишне, стало быть, и распространяться о томъ, что правила о свидѣтеляхъ были соображены съ гражданскими законами того времени, чего не отрицаютъ даже и тѣ канонисты, которые усиленно стараются ступшевать черты сходства между римскимъ процессомъ и каноническимъ ²⁾ Сдѣлавъ общее опредѣленіе лицъ, неспособныхъ къ дачѣ свидѣтельскихъ показаній, вселенское законодательство нашло нужнымъ въ дополненіе къ этому присоединить сюда еще слѣдующихъ, именно:

а) тѣхъ, которыхъ самъ доноситель представить изъ собственнаго дома (Каре. 146);

б) имѣющихъ менѣе четырнадцати лѣтъ возраста (ibid)

и с) тѣхъ, кои сіе самое дѣло прежде разсматривали, а равно и домашніе ихъ. (Каре. 70).

Всѣ поименованныя здѣсь лица лишены были права свидѣтельствовать на судѣ и по гражданскимъ законамъ ³⁾. Только въ одномъ пунктѣ замѣчается здѣсь нѣкоторое различіе между римскимъ и церковнымъ правомъ. По церковному праву возрастъ лица, способнаго выступать въ качествѣ свидѣтеля, опредѣляется въ 14 лѣтъ, между тѣмъ какъ по римскому праву—въ 20 лѣтъ ⁴⁾. Но это различіе, по нашему мнѣнію, очень легко объясняется тѣмъ, что церковное право, полагая совершеннолѣтіе въ 14 лѣтъ, имѣло въ виду наступленіе момента половой зрѣлости, римское же право, отодвигая совершеннолѣтіе до 20 и даже 25-лѣтняго возраста (puberes minores и majores), принимало во вниманіе, главнымъ образомъ, способность исполнѣ сознательно, разумно относиться къ раз-

¹⁾ Книга правилъ. II. 1654 стр.

²⁾ Заозерскій. Церковный судъ... Стр. 264—265.

³⁾ Geib. s. 625 и слѣд.

⁴⁾ Geib s. 629.

личнымъ явленіямъ юридической жизни (напр. заключеніе сдѣловъ¹⁾).

3) Далѣе, вселенское законодательство узаконяетъ, какъ средство судебного доказательства, разнаго рода письменные документы. „Да сохраняется право первенствующихъ епископовъ Нумидіи и Мавританіи, читаемъ въ 97 Канонѣ правилѣ, на основаніи Нумидійскаго письменохранилища и списка престоловъ. Потомъ угодно было всѣмъ епископамъ, подписавшимъ опредѣленія сего собора, чтобы списокъ престоловъ и первоначальное постановленіе Нумидійское находились и у перваго престола и въ митрополи Константинѣ“²⁾.

4) Наконецъ, вселенское законодательство указываетъ и еще на одно средство доказательства, именно—древніе обычаи, соблюдавшіеся въ тѣхъ или иныхъ помѣстныхъ церквахъ. 8-ое правило III всел. собора гласитъ: „дѣло, вопреки постановленіямъ церковнымъ и правиламъ святыхъ Апостоловъ, пововодимое и посягающее на свободу всѣхъ, возвѣстилъ боголюбивѣйшій епископъ Ригинъ и сущіе съ нимъ благоговѣивѣйшіе епископы Кипрскія области Зиновъ и Евагріи. Чего ради, понеже общественныя болѣзни требуютъ сильнѣйшаго врачевства, яко большій вредъ приносящія, и наипаче, аще и древ-

¹⁾ По поводу указаннаго различія Вальсамонъ замѣчаетъ: «сопоставляя настоящее правило, которое говоритъ, что имѣющие менѣе 14 лѣтъ не должны свидѣтельствовать, а только старшіе, съ 20 гл 1 тит 21-й книги Василия, говорящую буквально такъ «обвинитель не можетъ призывать къ свидѣтельству того, кто публично обвиняется, ни того, кому меньше 20 лѣтъ», кто-нибудь спроситъ: на что же мы должны обращать вниманіе? И мнѣ кажется, что скорѣе на законъ: ибо тотъ, кому менѣе 20 лѣтъ, хотя и болѣе 14, не долженъ быть допускаемъ къ свидѣтельству въ уголовномъ дѣлѣ, какъ не обладающій еще твердымъ мышленіемъ. Притомъ законъ и много позднѣе правила, потому что онъ былъ принятъ въ нерасмотрѣнный кодексъ Василия спустя много лѣтъ послѣ настоящаго собора» (т. е. Карвагенскаго 419 г, которому принадлежитъ комментируемое правило—146). Книга правилъ. II. стр. 1655.

²⁾ Подобнаго рода спискомъ клириковъ Маркелла воспользовался св. Афанасій Великій, чтобы опровергнуть возведенное на него обвиненіе въ нападеніи на пресвитера Исхиаса во время совершенія послѣднимъ литургіи. Fessler s. 39. Христ. Чтеніе. 1871 III 276. Вообще письменные документы, какъ мы увидимъ ниже, имѣли самое широкое примѣненіе въ церковно-судебной практикѣ.

нѣю *обыкновенія* не было, чтобы епископъ града Антиохіи совершалъ поставленія въ Кипрѣ, какъ письменно и словесно возвѣстили намъ благоговѣйнѣйшіе мужи, къ святому собору пришедшіе: то начальствующіе во святыхъ Кипрскихъ церквяхъ да имѣють свободу, безъ притязанія къ нимъ и безъ стѣсненія ихъ, по правиламъ святыхъ отецъ и *по древнему обыкновенію* сами собою совершати поставленіе благоговѣйнѣйшихъ епископовъ. Тоже да соблюдается и въ иныхъ областяхъ, и повсюду въ епархіяхъ: дабы никто изъ боголюбивѣйшихъ епископовъ не простиралъ власти на иную епархію, которая прежде и сначала не была подъ рукою его или его предшественниковъ.... Итакъ святому и вселенскому собору угодно, чтобы всякая епархія сохраняла въ чистотѣ и безъ стѣсненія сначала принадлежація ей права, *по обычаю издревле утвердившемуся*“¹⁾).

Всѣ указанныя во вселенскомъ канонѣ средства доказательства употреблялись церковною властію и въ процессѣ первыхъ трехъ вѣковъ, хотя не какъ требованіе положительнаго законодательства, а только какъ общеизвѣстный, установившійся обычай; слѣдовательно, утверждать вмѣстѣ съ проф. Соколовымъ, будто и въ ученіи о судебныхъ средствахъ доказательства римское право оставило глубокіе слѣды въ церковномъ законодательствѣ, значить—грѣшить противъ показаній исторіи²⁾. Если въ этомъ пунктѣ, дѣйствительно, и было вліяніе римскаго права, то во всякомъ случаѣ оно сказалось не на положительномъ законодательствѣ, а не церковно-судебной практикѣ,—о чемъ будетъ рѣчь впереди.

О подсудности. Принципъ подсудности, указанный еще св. Кипріаномъ въ одномъ изъ его писемъ,—по которому каждое преступленіе должно быть судимо тамъ, гдѣ оно совершено, гдѣ находятся обвинитель и свидѣтели,—сохранилъ свою полную силу и во вселенскомъ законодательствѣ. Въ немъ сдѣлано было на этотъ счетъ только слѣдующее важное дополненіе: „обвиняемому, или обвиняющему, *опасающемуся нѣкоего насилія отъ безпкойнаго множества въ томъ мѣстѣ, гдѣ находится обвиняемый, дозволяется избирати для себя*

¹⁾ Ср I вс. соб. пр. 6 и 7

²⁾ Прав. Обзор. 1871. II. 506 стр.

ближайшее мѣсто, гдѣ не было бы ему трудности представить свидѣтелей, гдѣ и оканчивается дѣло“ ¹⁾). Такимъ образомъ, каждая сторона, если опасается насилія со стороны многочисленной толпы безчиннаго народа, быть можетъ, приведеннаго къ противнику, или вообще встрѣчаетъ какое либо серьезное препятствіе къ свободному и безпристрастному обслѣдованію дѣла, пользуется правомъ избрать для суда другое мѣсто, но только лежащее по близости „такъ чтобы, мотивируетъ Зонара, ни противнику ея, ни судьямъ не было затруднительно отправиться на это мѣсто, чтобы удобно могли явиться тамъ и свидѣтели“ ²⁾

Было ли что-нибудь подобное въ римскомъ правѣ,—мы не знаемъ; знаемъ только, что подсудность опредѣлялась тамъ— а) мѣстомъ жительства и б) мѣстомъ совершенія преступленія, причемъ подсудность послѣдняго рода, имѣвшая и во времена *quaestiones perpetuae* преимущественное значеніе, въ императорской періодъ обратилась въ законъ ³⁾. Едва ли для государства, вооруженнаго насильственными мѣрами—даже крайними, каковы—пытка и смертная казнь, обстоятельства, указанные въ вышеприведенномъ правилѣ, могли имѣть настолько серьезное значеніе, чтобы изъ-за нихъ нужно было переносить разслѣдованіе дѣла съ одного мѣста на другое; между тѣмъ церковь, духовное царство, располагающее только нравственными мѣрами воздѣйствія на своихъ членовъ, не могла не считаться съ такими обстоятельствами. Отсюда можно заключить, что въ указанномъ правилѣ вселенское законодательство стоитъ на чисто церковной точкѣ зрѣнія.

Этимъ мы и закончимъ обзоръ правилъ вселенскаго канона по вопросу о церковномъ судопроизводствѣ, находя болѣе удобнымъ изложить воззрѣнія его на апелляцію и самый способъ движенія суднаго дѣла по разнымъ инстанціямъ въ соотвѣтствующей главѣ.

Общій выводъ изъ всего сказаннаго здѣсь таковъ: не подлежитъ сомнѣнію, что вселенское законодательство не осталось безъ значительнаго вліянія со стороны римскаго права.

Но это вліяніе отразилось еще глубже и сильнѣе на церковно-судебной практикѣ.

¹⁾ Каро. пр 39

²⁾ Книга правилъ. II. 1373 стр.

³⁾ Geib. s. 487 и слѣд.; Gottschalk. s. 185.

Глава четвертая.

Вліяніе римско-византійскаго права на церковно-судебную практику сказалось прежде всего въ томъ, что практиковавшійся въ первые три вѣка христіанства способъ судопроизводства—публичный и устный—подвергся значительнымъ измѣненіямъ въ томъ и другомъ отношеніи.

Принципъ публичности римскаго уголовного процесса, сохранившій свою силу въ *quaestiones perpetuae*¹⁾, въ періодъ послѣ-квесціонный потерпѣлъ значительныя ограниченія. Начало этимъ ограниченіямъ было положено тѣмъ, что судъ былъ перенесенъ съ открытаго фoрyма въ закрытыя аудиторіи (*auditoria et tabularia*). Но окончательная отмѣна прежняго порядка совершилась, конечно, не вдругъ: дѣло не обошлось безъ борьбы двухъ началъ—старого и новаго. Исторія этой борьбы, продолжавшейся еще долгое время и послѣ Константина Великаго, свидѣтельствуесть, что чѣмъ дальше, тѣмъ все болѣе и болѣе римско-византійское процессуальное право склонялось къ ограниченію принципа публичности судопроизводства.

Въ началѣ V вѣка новый принципъ окончательно вытѣсняетъ собою старыи: теперь входитъ въ силу правило, по которому судебное разбирательство дѣла должно было производиться исключительно въ секретаріумѣ, при чемъ непричастныя къ дѣлу лица были совершенно лишены права входить въ залъ судебныхъ засѣданій. Единственнымъ классомъ гражданъ, пользовавшимся привилегіей въ этомъ отношеніи, были такъ называемые *honorati*: только они имѣли теперь свободный

¹⁾ Geib. s. 253.

доступъ въ судъ и для нихъ были предназначены даже особыя почетныя мѣста непосредственно около магистрата ¹⁾).

Соотвѣтствующія этому измѣнія произошли и въ церковно-судебной практикѣ. Въ процессахъ V вѣка уже ясно и настойчиво выражается требованіе, чтобы лица, не имѣющія никакого отношенія къ дѣлу судебного разбирательства, были удаляемы изъ судебной палаты. Такъ, на IV всел. соборѣ (451 г.), при чтеніи актовъ Ефесскаго собора (449 г.), Египетскіе почтеннѣйшіе епископы и бывшіе съ ними воскликнули: „мы просимъ вонъ выгнать лишнихъ“ ²⁾. На томъ же соборѣ, по приказанію Анатолія, архіеп. Константинопольскаго, были удалены изъ залы судебныхъ засѣданій низложенные пресвитеры Геронтій и Калоподій ³⁾. Церковь иногда прибѣгала къ содѣйствию свѣтской власти, чтобы она своими мѣрами воспрепятствовала постороннимъ лицамъ, особенно „привыкшимъ возмущать и разстраивать Богу пріятное благочиніе“ проникнуть въ мѣсто соборныхъ засѣданій, гдѣ вмѣстѣ съ иными дѣлами церковными разбирались и дѣла судебныя ⁴⁾. Всѣ лица, имѣющія какую нибудь надобность явиться въ судъ, должны были находиться „внѣ палаты“, пока не получатъ разрѣшенія войти со стороны суда—чаще всего въ лицѣ его предсѣдателя. Въ актахъ IV вселенскаго собора читаемъ: „Домнъ епископъ сказалъ: гдѣ подавшіе прошеніе? Діаконъ Татіанъ сказалъ: они—внѣ палаты. Епископъ Домнъ сказалъ: пусть войдутъ“ ⁵⁾. При разбирательствѣ дѣла Ивы Едесскаго, нѣкоторые изъ епископовъ сказали: „за дверями находятся обвинители его; пусть велятъ имъ войти“ ⁶⁾.

¹⁾ Bethmann Hollweg, Der Civilprocess des gemeinen Rechts in geschichtlicher Entwickelung. В. III. s. 189; Schulin. s. 593; Geib. s. 508—511. 536—537.

²⁾ Дѣян. III. 165 стр.

³⁾ Азтій, архидіаконъ св. Константинопольской церкви, подошедши къ внуку Калоподію, сказалъ ему: «архіепископъ говоритъ тебѣ черезъ меня—архидіакона, что ты низложенъ и выйди». Дѣян. IV. 61 стр.; Сн. V. 38 стр.

⁴⁾ Дѣян. III. 113—114; I. 487—488.

⁵⁾ Дѣян. IV. 298.

⁶⁾ Дѣян. IV. 194; Ср. IV. 49, V. 26; VI. 211. 360. 426. 439. 449; VII 73. 124. 188 и др.

Съ другой стороны, начиная съ V вѣка, мы видимъ присутствующими въ судебныхъ засѣданіяхъ и занимающими почетныя мѣста рядомъ съ епископами славнѣйшихъ и знатнѣйшихъ сановниковъ и сенаторовъ (*honorati*) ¹⁾.

Еще бѣльшимъ ограниченіямъ, какъ въ римскомъ такъ вслѣдъ за нимъ и въ церковномъ процессѣ, подвергся второй принципъ—устности судопроизводства.

Уже во время *quaestiones perpetuae* существовало правило, въ силу котораго преторъ обязанъ былъ главнѣйшее содержаніе представленнаго обвиненія занести въ формальный протоколъ (*inscriptio*), подлинность котораго утверждалась собственноручною подписью обвинителя (*subscriptio*) ²⁾. Закономъ имп. Августа было предписано, чтобы обвинитель представлялъ написанную въ установленной формѣ и имъ подписанную обвинительную записку (*libellus*) ³⁾. Дальнѣйшая исторія римскаго уголовнаго процесса свидѣтельствуешь, что усиленія письменности въ судопроизводствѣ шло *crescendo*. Правда, никогда не теряло своей силы правило, чтобы обвинитель, обвиняемый и свидѣтели давали свои показанія предъ судомъ устно, но уже во времена юристовъ-классиковъ стали требовать составленія самыхъ подробныхъ протоколовъ судебного разбирательства специально призванными къ тому государственными чиновниками скорописцами (*notarii, exscriptores*). Эти скорописцы исполняли роль секретарей: во время самаго судебного засѣданія они записывали все, что говорилось на судѣ и по этимъ записямъ, въ теченіе не болѣе пятидневнаго срока, составляли самый обстоятельный протоколъ, содержащій въ себѣ весь ходъ судопроизводства. На нихъ же, а иногда на особомъ чиновникѣ (*instrumentarius*) лежало и храненіе протоколовъ. Съ развитіемъ правильнаго апелляціоннаго производства подобныя протоколы сдѣлались особенно необходимы:

¹⁾ Дѣян. III. 122—123. 494—495; IV. 5 124—125. 170—171; VI. 38, 50—51. 57—58. 145. 208—209. 217—218; VII. 70. 123 и др.

²⁾ Geib. s. 281; Wilter. s. 517. 527. Вотъ образецъ этого протокола, сохраненный юристомъ Павломъ—*Consul et dies: apud illum praetorem, vel proconsulem, Lucius Titius professus est se Maeviam lege Julia de adulteriis ream deferre, quod dicat eam cum Caio Seio, in civitate illa, domo illius, mense illo, consulibus illis adulterium commisisse.*

³⁾ Walter. s. 517.

они служили главнымъ основаніемъ для судебныхъ рѣшеній въ высшей инстанціи, въ силу чего каждый разъ, въ случаѣ апелляціонной жалобы, всѣ протоколы, составленные судомъ низшей инстанціи, немедленно должны были передаваться въ высшую инстанцію ¹⁾.

Оба указанная нововведенія—libellus и нотаріи—не замедлили появиться и въ церковно-судебной практикѣ періода вселенскихъ соборовъ.

Въ самомъ началѣ IV вѣка Донатисты подали императору Константину письменную жалобу (libellus) на Цециліана, еп. Карфагенскаго ²⁾. Тоже самое мы видимъ на соборѣ Тирскомъ 335 г., которому Александрійскіе клирики представили письменную жалобу на Евсевіанъ ³⁾. Такая же записка была подана противъ св. Златоуста двумя низложенными діаконами ⁴⁾. Въ V вѣкѣ libellus становится прочно установившеюся и часто повторяющеюся формальностію ⁵⁾.

Какъ въ римскомъ процессѣ, такъ и въ церковномъ, начиная съ IV вѣка, мы видимъ въ судебныхъ засѣданіяхъ обязательно присутствующихъ, въ качествѣ служебныхъ органовъ, специальныхъ скорописцевъ—нотаріевъ. Изучившихъ въ школахъ при епископскихъ каедрахъ своеобразный способъ письма условными знаками или фигурами,—иѣчто въ родѣ нашей стенографіи. Нотаріи въ большинствѣ случаевъ имѣютъ санъ діакона; сравнительно рѣже встрѣчаются между ними чтецы. Это—особенный институтъ, получившій важную роль въ дѣлахъ церковной юрисдикціи. На обязанности нотаріевъ лежала вся письменная часть судопроизводства и кромѣ того, исполненіе многихъ другихъ порученій, тѣсно связанныхъ съ отправленіемъ правосудія. Въ частности, служебныя обязанности нотаріевъ состояли въ слѣдующемъ:

а) Они наводили справки и собирали разнаго рода свѣдѣнія и документы, имѣющіе отношеніе къ дѣлу судебного

¹⁾ Geib. s. 511—515.

²⁾ Hefele. Concilien-Geschichte. B. I. s. 457.

³⁾ Hefele. B. I, s. 451

⁴⁾ Fessler. s. 59.

⁵⁾ Hefele B. II. 80. 82. 302. Fessler. s. 59 и др. Дѣянія вс. соб. I 466 744. II. 5 24. III. 143 197. 204. 356. 405. 436. 555. 571. 575 582; IV. 80. 205 и мн. др.

разбирательства ¹⁾).

b) Открывали засѣданія чтеніемъ сущности подлежащаго разбору дѣла или разнаго рода докладами ²⁾).

c) Записывали стенографическимъ способомъ все, что происходило на судѣ: мнѣнія епископовъ, заявленія и пренія сторонъ, заинтересованныхъ въ судѣ, свидѣтельскія показанія, даже всѣ отрывочныя фразы, восклицанія одобренія и порицанія, которыя слышались со стороны засѣдавшихъ судей. „Искони это велось, заявляетъ на Константинопольскомъ соборѣ 448 г. нотарій Аэгій, что мы записываемъ, когда говоритъ одинъ“ ³⁾).

d) Читали, по повелѣнію епископовъ или ихъ предсѣдателя, различныя хартіи, относившіяся къ дѣлу, какъ-то: грамоты императоровъ, символы вѣры, святоотеческія творенія, посланія и письма епископовъ, обвинительныя записки и т.

¹⁾ Когда отцы Ефесскаго собора старались изобличить еретическій образъ мыслей Несторія путемъ сопоставленія его ученія со свидѣтельствами прежнихъ св. отцовъ и утвердить правую вѣру, Петръ—первенствующій изъ нотаріевъ—сказалъ: «мы имѣемъ подъ руками кодексъ святѣйшихъ отцовъ и епископовъ и многихъ мучениковъ: мы выбрали изъ нихъ нѣкоторыя мѣста и, если угодно, прочитаемъ ихъ». Дѣян I 742 На V вселенскомъ соборѣ Дюдоръ, архидяконъ и первенствующій изъ почтеннѣйшихъ нотаріевъ, сказалъ. «у насъ подъ руками извлечения, относящіяся къ вопросу о томъ, что должно осуждать еретиковъ и послѣ смерти. V 160. Ср I 498. 507—508 555 560—561. 575. III. 169 421—422. V. 108 150 160. 317. VII. 91. 112. 201 и мн. др

²⁾ Засѣданія Ефесскаго собора открылись сообщеніемъ первенствующаго изъ нотаріевъ Петра о томъ, какое великое волненіе произведено по святымъ церквамъ ересью Несторія, какія мѣры были приняты св Кирилломъ Александрійскимъ и Целестиномъ Римскимъ, чтобы пріостановить нечестивый потокъ и какъ отнестся къ этимъ мѣрамъ самъ Несторій. «Долгомъ почитаемъ объявить, заключаетъ нотарій свою рѣчь, что хартіи объ этомъ мы имѣемъ въ рукахъ для представленія вашей святости». I 497—498 Засѣданіе VII-е Константинопольскаго собора 448 г., подъ предсѣдательствомъ архіепа. Флавіана, открывається докладомъ нотарія Астерія: «назначенный (для суда) день насталь и боголюбивнѣйшій епископъ Евсевій (обвинитель Евтихіа) стоитъ у дверей и проситъ позволенія войти» III. 277. Ср. I. 740. V. 26. 46. 56. 59. 108. 357. VI. 211. 359. 439 и др

³⁾ Дѣян... III. 341. 178—179; VI 431 и мн. др

п. ¹⁾; не рѣдко и сами дѣлали предложенія о прочтеніи того или иного документа, находившагося подъ руками ²⁾.

е) Посылались вмѣстѣ съ другими лицами для вызова обвиняемаго въ судъ, при чемъ на нотаріевъ въ этомъ случаѣ возлагалась обязанность доставить суду отвѣтъ обвиняемаго съ буквальною точностію; этотъ отвѣтъ иногда служилъ однимъ изъ важныхъ средствъ доказательства виновности подсудимаго. Константинъ, еп. Бострскій, одинъ изъ пословъ къ обвиняемому Діоскору, говорилъ на соборѣ Халкидонскомъ: „просимъ чтеца и нотарія Илiria, который былъ съ нами и записывалъ, сказать, что говорили мы и какой отвѣтъ намъ далъ Діоскоръ... Пусть, подтвердилъ епископъ Пасхазинъ, нотарій прочтетъ то, что отвѣчалъ еп. Діоскоръ, дабы этотъ блаженнѣйшій соборъ, при общемъ совѣщаніи, могъ въ точности знать, что должно сдѣлать ³⁾).

ф) Нотаріи же докладывали суду о возвращеніи лицъ, отправлявшихся для приглашенія подсудимаго и предлагали имъ дать подробный отчетъ объ исполненіи этого порученія. На соборѣ Ефесскомъ Петръ, пресвитеръ Александрійскій и первенствующій изъ нотаріевъ, сказалъ: „такъ какъ посланныя св. соборомъ (къ Несторію) благоговѣннѣйшіе и боголюбивнѣйшіе епископы прибыли, то мы желаемъ, чтобы они объявили, какой они получили отвѣтъ ⁴⁾).

г) Извѣщали о прибытіи лицъ, подлежащихъ допросу въ качествѣ свидѣтелей или явившихся въ судъ съ разными просьбами и предложеніями. На четвертомъ засѣданіи Константинопольскаго собора 448 г. діаконъ и нотарій Асклепидъ сказалъ: „какія то монахи отъ пресвитера и архимандрита Евтихія и почтеннѣйшій пресвитеръ и архимандритъ Авраамій стоятъ внѣ и просятъ позволенія войти“ ⁵⁾. На соборѣ Халкидонскомъ Аэтіѣ, архидіаконъ и первый нотарій, сказалъ: „недавно нѣкоторые, называющіе себя елириками, пришедши

¹⁾ Дѣян... См. напр.: I. 498. 555. 561. 587. 670. III 176. 184. 203. 296. 405. IV. 202. V. 38. 60 151 VI. 48 296 348. VII. 91. 93 и мн. др.

²⁾ Ibid. I. 555. 560—561. 742. III, 561 и др.

³⁾ Ibid. III 560. Сн. 565—566. 595. 1 707. и др.

⁴⁾ Ibid I. 502. Сн. 505. III. 249 257. 265. 283. 559. 565 и др.

⁵⁾ Дѣянiя... III. 262.

вмѣстѣ съ другими мірянами изъ Александріи, подали записки противъ благочестивѣйшаго Діоскора. Они находятся предъ святымъ вашимъ соборомъ, кричатъ и просятъ дозволенія войти сюда, заклиная васъ святою и единосущною Троицею, и спасеніемъ и побѣдою христілюбивыхъ императоровъ нашихъ ¹⁾.

h) По окончаніи судебныхъ засѣданій, на основаніи слѣданныхъ во время самыхъ засѣданій стенографическихъ записей, нотаріи составляли подробные протоколы, акты или, какъ ихъ обыкновенно называютъ, „памятники вѣры“, куда вносили цѣликомъ всѣ письменные документы, прочитанные на судѣ, какъ то: обвинительныя записки, пригласительныя на судъ грамоты и пр., такъ что ничто изъ сказаннаго и прочитаннаго при разбирательствѣ дѣла не было оставлено не записаннымъ въ эти „памятники“. На Халкидонскомъ соборѣ восточные епископы воскликнули: „намъ не было читано это посланіе (Льва, архіеп. Римскаго); *если бы оно было читано, то, конечно, было бы внесено въ памятники*“ ²⁾.

i) Наконецъ, на обязанности нотаріевъ лежало храненіе судебныхъ протоколовъ и иныхъ документовъ, подъ строгою отвѣтственностію за ихъ поврежденіе или утрату. Въ посланіи папы Вигилія читаемъ: „сынъ нашъ Сургенцій, первенствующій изъ нотаріевъ, просилъ самый листъ нашего рѣшенія (приговоръ надъ Ѳеодоромъ Мопсуетскимъ), *чтобы, по обычаю, хранить его у себя сообразно съ своею должностію*“ ³⁾. Въ актахъ собора Константинопольскаго 448 г. говорится: „Астерій (одинъ изъ нотаріевъ) обвинялъ почтеннѣйшаго Авраамія и нотаріевъ, будто они измѣнили нѣкоторыя главы въ документахъ и что онъ самъ, опасаясь такой злоумышленности, считаетъ нужнымъ доказать, что они сдѣлали это безъ его вѣдома“ ⁴⁾. Находящіяся на храненіи протоколы и документы

¹⁾ Ibid. III. 569. Сн. I. 556. III. 252. 273, 275 277. V. 49. VI. 211. 359. 439. 449 и др.

²⁾ Ibid. III. 171. Сн. I. 560. 575. 587. 670. 692. III. 211. 308. 563 и др. Нотаріи не считали нужнымъ вносить въ судебные акты только того, что носило характеръ простой частной бесѣды. Дѣян.. III. 348. 349.

³⁾ Дѣян. V 332. Сн. 310. III. 307. 309. 310, 354. 411 и др.

⁴⁾ Ibid. III. 359. 348.

нотаріи обязаны были немедленно доставлять по требованію суда; равнымъ образомъ каждый, желающій подать аппелляцію, имѣлъ право взять у нотаріевъ копию судебныхъ протоколовъ ¹⁾).

Если на судѣ присутствовало нѣсколько нотаріевъ, то, обыкновенно, обязанности главнаго секретаря исполнялъ первый изъ нихъ, носившій санъ пресвитера или архидіакона: его чаще всего мы и видимъ дѣйствующимъ въ судебныхъ засѣданіяхъ ²⁾).

Постоянными атрибутами и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ бы символическимъ изображеніемъ главнѣйшихъ обязанностей нотаріевъ служили находящіяся при нихъ „записныя дощечки и сумки съ писчими тростями“ ³⁾

Къ сказанному о способѣ судопроизводства въ періодъ вселенскихъ соборовъ, намъ слѣдуетъ прибавить нѣсколько словъ о самой внѣшней обстановкѣ судебныхъ засѣданій.

Мѣстомъ судебныхъ засѣданій служили—судебная палата епископіи ⁴⁾ или храмъ ⁵⁾ (предъ рѣшеткою св. алтаря ⁶⁾ или предъ священнымъ амвономъ ⁷⁾, въ святой крещальнѣ ⁸⁾ и въ молельнѣ ⁹⁾. Здѣсь засѣдали судьи-епископы или уполномоченныя епископами лица, каковыми могли быть: хореепископы ¹⁰⁾, пресвитеры ¹¹⁾, архидіаконы ¹²⁾, діаконы ¹³⁾, и даже

¹⁾ Ibid III. 309. 310,

²⁾ Иногда нотаріевъ замѣняли «благовѣрные секретари императорской канцелярии или благовѣрные записчики». Дѣян. III. 143. 146. 152. 155. 180. 209; IV. 8. 10. 14; III. 299. 305. 310, 316. 323. 330 и мн. др.

³⁾ Ibid. III 179.

⁴⁾ Ibid. III 161 204 209. 249 264 277. 333. IV. 297 V. 18. 45 и др.

⁵⁾ Ibid I 311. 491. 611. II. 5. III. 122. 164. 494. IV. 74, 93. 170. 246.

и др.

⁶⁾ Ibid. III 509. IV 6. 79. 96. 185 и др.

⁷⁾ Ibid. VII 70. 123. 187. 381 426 и др.

⁸⁾ Ibid. III. 299.

⁹⁾ Дѣянія. IV. 98. 100 102 и др

¹⁰⁾ Дѣянія. III 129. 138. 500. 502 507. IV. 115. 122. и др,

¹¹⁾ Ibid. III 125. 131. 132 136. 139 163. IV. 96. 116. 117. 120. 121. и

мн. др.

¹²⁾ Ibid III 125 129 497. 500; IV. 115 и др.

¹³⁾ Ibid. III 131. 138. 501. 507. IV. 117. 123 и др.

чтецы ¹⁾). Кромѣ епископовъ, ихъ уполномоченныхъ и нота-
ріевъ, присутствовали въ судебныхъ засѣданіяхъ (преимуще-
ственно при разбирательствѣ преступленій противъ вѣры) ²⁾
спеціально назначаемые императоромъ чиновники и (съ поло-
вины V вѣка) сенаторы и высшіе государственные санов-
ники ³⁾; но всѣ они пользовались только правомъ совѣщатель-
наго голоса ⁴⁾: въ большинствѣ случаевъ это были лишь
почетные свидѣтели совершаемаго церковію суда. Такъ какъ
судъ происходилъ при закрытыхъ дверяхъ, то изъ лицъ не-
причастныхъ къ дѣлу допускались въ судебную палату развѣ
только тѣ, которые въ какомъ либо отношеніи близко стояли
или къ судьямъ (напр. ихъ клирики) или къ подсудимому
(напр. во время суда надъ Евтихіемъ присутствовали подчи-
ненные ему монахи). Судьи и высшіе государственные чинов-
ники располагались въ опредѣленномъ порядкѣ—по чину ⁵⁾.
По срединѣ судебной палаты полагалось на уготованномъ
мѣстѣ „святое и неповрежденное“ Евангеліе, „ясно зывающее
всѣмъ священнымъ мужамъ—*праведный судъ судите*“ ⁶⁾.

¹⁾ Ibid I 231.

²⁾ Въ грамотѣ императора Феодосія, уполномочивающей патрици
Флоренція присутствовать при судопроизводствѣ надъ Евтихіемъ на Кон-
стантинопольскомъ соборѣ 448 г. говорится: «знатнѣйшаго патриція Фло-
ренція мы знаемъ за вѣрнаго и неспытаннаго въ православіи и желаемъ,
чтобы онъ присутствовалъ въ засѣданіи собора, *такъ какъ рече идетъ о вѣ-
рѣ*». Дѣян. III 278

³⁾ Дѣян. III. 122—123. 494—495. IV. 5. 124—125. VI. 38 50—51. VII.
70. 123. 187 и мн. др.

⁴⁾ Значеніе, какое имѣли на судѣ разные государственные чиновники,
съ особенною ясностію обнаруживается въ актахъ Вфесскаго собора 449 г.:
изъ рѣчи императорскаго комиссара Елпидія и отвѣта на нее архіеп. Диос-
кора (Дѣян. III. 198—199) видно, что императорскій комиссаръ относился
къ судьямъ-епископамъ такъ же точно, какъ въ римскомъ процессѣ свидѣ-
щій въ правѣ ассессоръ—къ судѣ, которому онъ подавалъ совѣтъ (Geib. s
446—447); но при этомъ на императорскихъ комиссаровъ возлагалось еще
спеціальное порученіе—слѣдить за внѣшнимъ порядкомъ во время судеб-
ныхъ засѣданій. Подробнѣе—см. нашу книгу: «Каноническіе труды Іоанна,
еп. Смоленскаго». Казань. 1895. стр. 274—275.

⁵⁾ Дѣян. VI. 389. 420. 439. 458. 464 и др.

⁶⁾ Ibid. VII. 77—78. 668. Сн. I. 619. III. 141. 276. IV 6. V. 194. VI.
52 59. 147. 220. VII 71. 124. и мн др.

Обвинитель, обвиняемый, свидѣтели и прочія лица, входившія въ судебную палату съ разрѣшенія предсѣдателя суда, становились на средину какъ разъ противъ Евангелія и здѣсь давали свои объясненія и показанія ¹⁾. Такая обстановка, конечно, не могла не дѣйствовать на допрашиваемыхъ лицъ. Вотъ что говоритъ діаконъ Андрей, свидѣтель по дѣлу Евтихія: „такъ какъ Богъ возсѣдитъ съ вами, и страхъ и трепеть объемлетъ душу мою: то не могу отступить отъ истины“ ²⁾. Самымъ ходомъ судебныхъ засѣданій, обыкновенно, руководилъ предсѣдатель суда, старавшійся предупредить уклоненія преній въ сторону ³⁾.

Для нагляднаго ознакомленія съ внѣшней обстановкой судебныхъ засѣданій, позволимъ себѣ ввести читателя въ церковь св. мученицы Евфиміи, гдѣ происходилъ IV вселенскій соборъ, произнесшій судъ надъ Евтихіемъ и Діоскоромъ. Здѣсь представится намъ слѣдующая картина, изображенная въ актахъ вселенскихъ соборовъ.

„И возсѣли славнѣйшіе и знатнѣйшіе сановники и знаменитѣйшій сенатъ въ срединѣ предъ оградю святѣйшаго алтаря. По лѣвую сторону ихъ возсѣли святѣйшіе мѣстоблюстители боголюбезнѣйшаго архіеп. древняго Рима Льва и—Анатолій благочестивѣйшій архіеп. царствующаго Константинополя; Максимъ—почтеннѣйшій архіеп. Антіохійскій; Фалассій, почтеннѣйшій еп. Кесарійскій; Стефанъ, еп. Ефесскій и прочіе почтеннѣйшіе епископы областей восточныхъ, и понтійскихъ, и асійскихъ, и фракійскихъ, кромѣ палестинскихъ. По правую сторону ихъ возсѣли: Діоскоръ, архіеп. Александрійскій, Ювеналій, еп. Иерусалимскій, Квинтиль, еп. Ираклійскій, въ первой Македоніи, мѣстоблюститель Анастасія, еп. Фессалонійскаго; Петръ, еп. Коринескій и прочіе епископы области Египетской и Иллирика, а также и Палестинскіе почтеннѣйшіе епископы.

По срединѣ положено было святѣйшее и чистѣйшее Евангеліе... И когда Діоскоръ, еп. Александрійскій, по приказанію

¹⁾ Ibid. III. 252. 256. 279. 330. IV. 179. V. 162. 212. VI. 172. 174. 213. VII. 79. 152 и мн. др.

²⁾ Ibid. III. 324

³⁾ Дѣянія. VII. 109.

славнѣйшихъ сановниковъ и знаменитѣйшаго сената (въ отвѣтъ на предложеніе папскихъ легатовъ) сѣлъ на срединѣ (какъ обвиняемый), а почтеннѣйшіе римскіе епископы сѣли на своихъ мѣстахъ и молчали, Евсевій, почтеннѣйшій еп. Дорилейскій, вышедши на средину, сказалъ: „во спасеніе ваше, властители вселенной, повелите прочитать мое прошеніе, какъ это угодно благочестивѣйшему императору. Я оскорбленъ Діоскоромъ, оскорблена вѣра; онъ умертвилъ епископа Флавіана и несправедливо осудилъ его вмѣстѣ со мною; повелите прочитать мое прошеніе“. Славнѣйшіе сановники и знаменитѣйшій сенатъ сказали: „пусть будетъ прочитано прошеніе“.

И когда, по приказаніи всѣхъ, почтеннѣйшій еп. Евсевій сѣлъ на срединѣ, Вероникянъ, благовѣрный секретарь императорской консисторіи, взявши отъ него прошеніе, сталъ читать ¹⁾. Чтеніемъ обвинительной записки (*libellus*) Евсевія началось формальное судопроизводство.

Для знакомства съ самой судебной процедурой мы считаемъ необходимымъ предварительно изложить хотя одинъ процессъ въ первой инстанціи, отлившійся въ болѣе или менѣе типичную форму. Остановимъ свое вниманіе на процессѣ противъ архим. Евтихія, разбиравшемся сначала на Константинопольскомъ соборѣ 448 г., такъ какъ этотъ процессъ, прошедшій три инстанціи, наиболѣе богатъ матеріаломъ для юридическихъ выводовъ и обобщеній—какъ съ положительной (первая и третья инстанція), такъ и съ отрицательной стороны (вторая инстанція). Кромѣ того, этотъ процессъ подкупаетъ въ свою пользу еще и тѣмъ, что на основаніи его читатель можетъ познакомиться съ порядкомъ судопроизводства какъ въ присутствіи подсудимаго (первая инстанція), такъ и въ отсутствіи его (третья инстанція).

Архимандритъ Евтихій былъ повиненъ въ преступленіи противъ вѣры: онъ распространялъ ложное ученіе о Лицѣ Иисуса Христа, утверждая, что въ Немъ только одно естество (монофизитство). Давній другъ его Евсевій, еп. Дорилейскій, многократно увѣщевалъ Евтихія оставить свое заблужденіе, но такъ какъ всѣ увѣщанія оказались безплодными, то Евсевій рѣшился возбудить противъ него формальное судебное

¹⁾ Ibidem. III. 140—143

преслѣдованіе. Въ послѣднее засѣданіе Константинопольскаго собора 448 г, состоявшагося изъ 32 епископовъ, подъ предсѣдательствомъ Флавіана, архіеп. Константинопольскаго, когда уже было рассмотрѣно дѣло Флоренція, еп Сардійскаго (въ области Лидійской), послужившее поводомъ къ созванію собора, Евсевій Дорилейскій, присутствовавшій на этомъ соборѣ, вышелъ на средину и подалъ св собору обвинительную записку (libellus) на Евтихія, умоляя прочесть ее и помѣстить въ памятники дѣяній. По приказанію предсѣдателя, пресвитеръ и нотарій—Астерій взялъ записку и сталъ читать. Вотъ ея содержаніе: „Я просилъ Евтихія, пресвитера и архимандрита, дабы онъ не предавался такому пораженію чувствъ. оупьяненію мышленія и изступленію ума, чтобы забыть страхъ Божій и дерзнуть произносить языкомъ хуленія противъ Спасителя всѣхъ насъ Христа и называть еретиками тѣхъ отцевъ, которые считаются въ числѣ святыхъ и насъ—послѣдователей ихъ вѣры. Но онъ, имѣя невоздержныя уста и необузданный языкъ, не перестаетъ отрицать благочестивыя догматы православія, отнетаться отъ св. отцевъ и мепя, который никогда не былъ подозрѣваемъ еретикомъ, а напротивъ всегда сражался съ еретиками, защищалъ, сколько позволяли мои силы, православную вѣру, пребывалъ въ вѣрѣ 318 святыхъ отцевъ, собиравшихся въ Никеѣ и пребывалъ вѣрнымъ всему, что сдѣлано святымъ и великимъ соборомъ въ митрополиі Ефесской (III-й вселенскій) и что мудрствовалъ и изложилъ блаж. Кириллъ, бывшій еп. великаго града Александріи, и Аенасій Великій, и Григорій, и Григорій, и Григорій, и Атикъ, и Прокль—святые епископы. Умоляю и прошу вашу святость, не оставьте безъ вниманія моей просьбы; но прикажите Евтихію, пресвитеру и архимандриту, явиться на святыи вашъ соборъ и защищаться въ томъ, въ чемъ я обвиняю его. Ибо я готовъ обличить его, что онъ притворно носитъ имя православнаго, и совершенно чуждъ православной вѣры... дабы, когда онъ будетъ обличенъ мною, исправились тѣ, которые были совращены имъ, а православная вѣра, объемлющая всѣ концы вселенной, и нынѣ явилась побѣждающею. Достигнувъ этого, я буду всегда исповѣдывать благодарность вашей святости—Евсевій еп. святой Божіей церкви Дорилейской, подавшій эту записку, подписалъ своею рукою“.

По прочтеніи обвинительной записки, архіеп. Флавіанъ сказалъ: прочитанное удивляетъ насъ, потому что взводитъ такую укоризну на почтеннѣйшаго пресвитера и архимандрита Евтихія. Однако пусть удостоитъ твое благочестіе сходить къ нему и побесѣдовать съ нимъ о правой вѣрѣ; и если въ самомъ дѣлѣ онъ будетъ найденъ мудрствующимъ неправильно, тогда будетъ вызванъ святымъ соборомъ и станетъ защищаться.

Евсевій: я прежде былъ ему другомъ, и не одинъ разъ, не дважды, но часто приходилъ къ нему по этому дѣлу, которымъ онъ зараженъ; я бесѣдовалъ уже съ нимъ, и нашелъ его неправильно мудрствующимъ; я увѣщевалъ его и училъ, но онъ оставался непреклоннымъ, говоря то, что чуждо правой нашей вѣры. Это я могу доказать многими свидѣтелями, которые присутствовали и слышали. И такъ, заклинаю васъ опять Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ, пошлите къ нему, чтобы онъ явился для объясненія и когда будетъ обличенъ мною, чтобы онъ оставилъ свое превратное ученіе; такъ какъ многіе заражены имъ.

Флавіанъ: пусть уступитъ намъ твое благочестіе и опять потрудится сходить въ монастырь, побесѣдуетъ съ нимъ, о чемъ слѣдуетъ и что относится къ примиренію, дабы не случилось опять какого-либо волненія и смятенія въ святыхъ церквяхъ Христовыхъ.

Евсевій: это невозможно, чтобы я, послѣ того какъ часто ходилъ и не могъ убѣдить его, опять отправился къ нему, услышалъ хульные слова; но пусть удостоитъ ваша святость послать къ нему, чтобы онъ явился: ибо я не согласенъ, чтобы это дѣло осталось не изслѣдованнымъ.

Святый соборъ сказалъ: надлежало бы твоему благочестію успокоиться убѣжденіями нашего архіепископа, но такъ какъ мы видимъ тебя непреклоннымъ, то пусть будетъ такъ, какъ ты требуешь. И такъ, пусть поданная тобою записка внесена будетъ въ памятники, для точнаго изслѣдованія дѣла. А Іоаннъ, почтеннѣйшій пресвитеръ и экдикъ (defensor) вмѣстѣ съ діакономъ Андреемъ, отправившись къ Евтихію, поданную противъ него записку (libellus) прочтутъ ему и попросятъ его явиться на сей святый соборъ и защищаться, потому что онъ обвиняется не въ маловажной винѣ ¹⁾.

¹⁾ Дьянія. III. 203—208.

Черезъ нѣсколько дней послѣдовало второе засѣданіе Константинопольскаго собора, на которомъ Евсеій Дорилейскій обратилъ вниманіе собора на порядокъ суда надъ Несторіемъ на третьемъ вселенскомъ соборѣ и предложилъ прочитать два посланія св. Кирилла, имѣющія важное значеніе для рѣшенія спорнаго догматическаго вопроса о двухъ естествахъ въ Иисусѣ Христѣ. Оба посланія вмѣстѣ съ отрывками изъ дѣяній Ефесскаго собора были прочитаны и всѣми присутствующими епископами признаны за образецъ истиннаго церковнаго вѣрованія по вопросу, возбужденному Евтихіемъ. Въ этихъ посланіяхъ св. Кирилла отцы собора нашли норму для сужденія о новомъ ученіи, распространяемомъ Евтихіемъ²⁾.

Третье засѣданіе открывается словами Евсеія: четвертый день истекъ сегодня, какъ я воззвалъ къ вашей святости, требуя пригласить на святой соборъ Евтихію, обвиняемаго мною въ искаженіи православныхъ догматовъ. Прошу, чтобы посланные къ нему сказали, какой они получили отъ него отвѣтъ.

Узнавъ отъ нотаріевъ, что послами были отправлены пресвитеръ Іоаннъ и діакопъ Андрей и что они оба находятся на лицо, архіеп. Флавіанъ сказалъ: пусть предстанутъ они предъ святымъ соборомъ, и пусть скажетъ сперва почтеннѣйшій пресвитеръ и эдикъ Іоаннъ, ходилъ ли онъ вызывать пресвитера и архимандрита Евтихію, видѣлъ ли его и что отъ него слышалъ?

Вызванный къ отвѣту, пресвитеръ Іоаннъ разсказалъ, что онъ ходилъ въ монастырь вмѣстѣ съ діакономъ Андреемъ, прочиталъ Евтихію обвинительную записку, вручилъ ему копию съ нея, назвалъ имя обвинителя и предъявилъ вызовъ къ отвѣту предъ епископами. Евтихій совершенно отказался придти на соборъ для оправданія, ссылаясь на то, что—1) у него издавна положено за правило никогда и вникуда не отлучаться отъ своего братства, а жить въ монастырѣ, нѣкоторымъ образомъ какъ въ гробѣ и 2) будто бы Евсеій—давній врагъ его и взвелъ на него это обвиненіе по ненависти и неприязни. Къ этому Евтихій прибавилъ, что онъ готовъ согласиться съ изложеніемъ св. отцевъ, составлявшихъ соборъ въ Никее и Ефесѣ, и подписать ихъ толкованія; но если встрѣтится у

²⁾ Ibid. III. 209—249.

нихъ въ нѣкоторыхъ словахъ что-нибудь ложное или погрѣшительное, этого онъ и не отвергаетъ, и не принимаетъ, а испытываетъ одно только Писаніе, какъ твердѣйшее отеческихъ изложеній. Послѣ воплощеніи Бога Слова онъ покланяется одному естеству—естеству Бога воплотившагося и вочеловѣчившагося... Что Господь нашъ Іисусъ Христосъ состоитъ изъ двухъ естествъ, соединившихся вѣпостасно, этого онъ не встрѣчалъ въ изложеніяхъ св.отцевъ, и если случится ему у кого либо вычитать что-нибудь подобное, онъ не приметъ этого, потому что Божественное Писаніе превосходитъ ученія отцевъ. Въ заключеніе Евтихій исповѣдалъ, что родившійся отъ Дѣвы Маріи есть совершенный Богъ и совершенный чловѣкъ, не имѣющей плоти, единосущной намъ.

Ф л а в і а н ъ: это слышалъ ты одинъ или и отправленный съ тобою діаконъ Андрей? Получивъ утвердительный отвѣтъ, Флавіанъ предложилъ діакону Андрею сообщить то, что онъ слышалъ. Послѣ того, какъ второй посоль подтвердилъ показанія своего предшественника—Іоанна, послѣдній заявилъ, что во время бесѣды съ Евтихіемъ присутствовалъ еще діаконъ Аѳанасій, обыкновенно сопровождающій Василия, еп. Селевкійскаго. По приказанію Флавіана, былъ приведенъ этотъ діаконъ, поставленъ на средину судебной палаты и подвергнутъ допросу, который вполне подтверждалъ донесенія посланныхъ къ Евтихію.

По окончаніи допроса, обвинитель обращается къ собору съ просьбою отправить къ Евтихію второе посольство, хотя и теперь уже, изъ показаній трехъ свидѣтелей, достаточно выяснился нечестивый образъ мыслей его.

Ф л а в і а н ъ, находя причины неявки на соборъ, выставленныя Евтихіемъ, неосновательными, а просьбу Евсевія согласно съ канонами, отвѣтилъ: о, если бы онъ, придя сюда и сознавъ свое заблужденіе раскаялся!.. Посему посланные теперь почтеннѣйшіе пресвитеры Мама и Теофилъ, отдавъ ему нашу вызывную грамоту, пусть убѣждаютъ его придти на святыи соборъ, соблазняемый не только обвинительною противъ него запискою, но и донесеніями Іоанна, Андрея и Аѳанасія.

Если онъ придетъ сюда и отвергнетъ прежнее свое нечестіе, то получить прощеніе, какое обыкновенно мы даемъ раскаявающимся.

Евсевій: пусть ваша святость напередъ прикажетъ прочитатъ высказанную отъ святаго собора вызовную грамоту, чтобы она внесена была въ памятные записки.

Послѣдовало чтеніе самой грамоты, гласящей слѣдующее: „Нынѣ мы вызываемъ тебя этимъ вторымъ вызовомъ, чрезъ почтеннѣйшихъ пресвитеровъ Маму и Теофила, придти безъ замедленія на святой соборъ для оправданія; ибо ты обвиненъ боголюбивѣйшимъ еп. Евсеіемъ въ томъ, что ты мудрствуешь противно вѣрѣ и кое съ кѣмъ говорилъ объ этомъ. И такъ, безъ всякаго отлагательства явился на соборъ, дабы ты, какъ избѣгающій личнаго обвиненія, не подвергнулся наказаніямъ божественныхъ правилъ. Неразумно въ оправданіе себя говорить, что ты рѣшился не выходить изъ монастыря, когда тебя обвиняютъ въ такихъ вещахъ“.

Въ то время, какъ святой соборъ ожидалъ возвращенія отправленныхъ къ Евтихію пресвитеровъ, Евсевій, ставъ на средину, заявилъ, что онъ слышалъ, будто бы Евтихій разсылаетъ по окрестнымъ монастырямъ какую-то статью о вѣрѣ и ею возбуждаетъ монаховъ къ волненію. Въ подтвержденіе этого новаго обвиненія Евсевій указалъ на пресвитера Авраамія. Выставленный обвинителемъ свидѣтель былъ приведенъ въ судебную палату и допрошенъ. Сообразно съ его показаніями, соборъ отправилъ нѣсколькихъ лицъ въ разные монастыри собрать точныя свѣдѣнія касательно Евтихіевой статьи о вѣрѣ.

Когда окончены были эти распоряженія, нотарій Аецій доложилъ собору о возвращеніи втораго посольства къ Евтихію. Спрошенные о результатахъ (каждый—по очереди) послы сообщили слѣдующее: прийдя къ монастырю, гдѣ жилъ Евтихій, они встрѣтили тамъ около воротъ множество монаховъ, которые сказали, что архимандритъ боленъ и принять пословъ не можетъ и что поэтому, если угодно, они могутъ передать ему, что нужно имъ или зачѣмъ они присланы. Когда послы на это не согласились, монахи вошли къ Евтихію и скоро снова возвратились оттуда съ какимъ то монахомъ Елевсиномъ, который подтвердилъ первоначальное заявленіе монаховъ о болѣзни архимандрита и прибавилъ, что послѣдній поручилъ ему выслушать пословъ. И только послѣ того, какъ послы рѣшительно заявили, что они обязаны, по порученію святаго собора, лично вручить архимандриту пригласительную

грамоту,—Евтихій принялъ ихъ. По прочтеніи грамоты, онъ сказалъ: „я положилъ за правило не выходить изъ монастыря, кромѣ смертной нужды. Святый соборъ и боголюбезнѣйшій архіепископъ видятъ, что я и старъ, и хилъ... Если они хотятъ что-нибудь сдѣлать, пусть дѣлаютъ, что имъ угодно. Я прошу только одного—никого не беспокоить здѣсь въ другой разъ... И такъ, пусть они не думаютъ вызывать меня въ третій разъ, потому что это для меня тоже, какъ бы и вызывали они“. При этомъ онъ давалъ посламъ какую-то бумагу для передачи собору, но они отказались принять ее.

Послѣ такого сообщенія Евсевій сказалъ: у виновнаго всегда есть извиненіе и предлогъ. чтобы только промедлить... Я прошу употребить теперь противъ обвиненнаго силу святыхъ канонѳвъ; прикажите ему явиться сюда, даже противъ его воли.

Святый соборъ сказалъ: нужно и въ третій разъ убѣждать архимандрита Евтихія, чтобы онъ пришелъ на этотъ св. соборъ.

Флавіанъ почтеннѣйшіе пресвитеры, хранитель священныхъ сосудовъ Мемнонъ и Елифаній и діакопъ Германъ, идите къ архимандриту Евтихію и вручите ему третью вызывную грамоту, чтобы онъ пришелъ и оправдался въ дѣлѣ, въ которомъ его обвиняютъ. Отправленная грамота была такова же по формѣ и содержанію, какъ и предъидущая, но въ ней соборъ уже предостерегаетъ подсудимаго, что упорный, не явившійся послѣ троекратаго приглашенія, подлежитъ по церковнымъ канонамъ строгому наказанію, и назначаетъ окончательнымъ срокомъ для явки въ судъ—утро слѣдующаго дня (17 ноября) ¹⁾.

Четвертое засѣданіе (16 ноября) открылось докладомъ нотарія Асклесиада о прибытіи на соборъ какихъ то монаховъ отъ Евтихія и архимандрита Авраамія, которые просятъ дозволенія войти,—что и было позволено имъ.

Когда они вошли, Флавіанъ спросилъ: зачѣмъ пришли?

Авраамій: мы посланы отъ архимандрита Евтихія.

Флавіанъ: что особеннаго?

¹⁾ Дѣлнія. III 249—261.

А в р а а м і й: архимандрить боленъ; твоими молитвами онъ цѣлюю ночь не могъ уснуть, стеная: не спалъ и я, когда стеналъ онъ; потому что онъ призвалъ меня еще вчера вечеромъ и поручилъ сказать нѣчто господину архіепископу.

Ф л а в і а н ъ: мы подождемъ, не будемъ настаивать. Отъ Бога зависить даровать здравіе, а наше дѣло ожидать его выздоровленія. Мы желаемъ не отсѣченія, а приращенія. Мы дѣти челоувѣколюбія, а не жестокости.

А в р а а м і й: клянусь стопами ногъ твоихъ, онъ объявель мнѣ и вѣчто другое; если меня спросишь объ этомъ, я скажу.

Ф л а в і а н ъ: какъ можно, спрашиваю тебя, когда обвиненъ одинъ, говорить за него другому? Еще болѣе мы подождемъ, не будемъ настаивать. Пусть онъ придетъ сюда, онъ придетъ къ отцамъ и братьямъ, которые его знаютъ и доселѣ еще пребываютъ въ любви съ нимъ. Многіе слышали объ этомъ и соблазняются; обвинитель его настаиваетъ, и онъ долженъ оправдываться.... Раскаваніе не приноситъ стыда; по постыдно упорствовать въ грѣхѣ... Пусть онъ придетъ сюда, и когда онъ исповѣдуетъ свое прегрѣшеніе и анаѳематствуегъ его, мы простимъ его за прошедшее, а въ будущемъ онъ обезопасить насъ и святыи соборъ тѣмъ, что будетъ мудрствовать согласно съ изложеніями св. отцевъ нашихъ, и вопреки этому уже не будетъ ни учить кого либо, ни разглагольствовать съ кѣмъ либо. Таеъ должно сдѣлать, прошу тебя. Прежде нежели ты его узналъ, я уже зналъ его; и прежде нежели онъ тебя узналъ, онъ уже зналъ меня.

А в р а а м і й: это таеъ. клянусь стопами ногъ твоихъ.

Послѣ того, какъ всѣ встали, Ф л а в і а н ъ прибавилъ: вы знаете ревность обвинителя? Самый огонь кажется ему холодомъ по причинѣ ревности о благочестіи. Это вѣдаетъ Богъ. Я убѣждалъ и просилъ, говоря: прошу тебя, подожди. Когда же онъ сталъ настаивать: что я долженъ былъ дѣлать? Неужели я желаю расточить васъ? Да не будетъ этого. Не болѣе ли я желаю собрать васъ? Расточать свойственно врагамъ, а отцамъ свойственно собирать ¹⁾.

¹⁾ Ibid. III 261—264.

Пятое засѣданіе (17-го ноября) открывается докладомъ нотарія Аеція о прибытіи пословъ, отправлявшихся къ Евтихію съ третьимъ вызовомъ. По распоряженію Флавіана, они были приглашены въ судебную палату и первый изъ нихъ пресвитеръ Мемнонъ сообщилъ слѣдующее: прочитавъ приглашительную грамоту, Евтихій объявилъ, что еще вчера онъ послалъ архимандрита Авраамія къ архіепископу и святому собору съ тѣмъ, чтобы онъ отъ моего лица согласился со всѣмъ, что сказано какъ св. отцами, бывшими въ Никеѣ и въ Ефесѣ, такъ и блаженнымъ Кирилломъ.

Евсевій прерываетъ здѣсь сообщеніе Мемнона. Зная, что обвинителю, въ случаѣ недоказанности обвиненія, угрожаетъ наказаніе тальнономъ, Евсевій, испуганный указаннымъ въ сообщеніи посла оборотомъ дѣла, восклицаетъ: онъ намъ-ренъ теперь согласиться! И обвинялъ его не забудущее, а за прошедшее. Теперь, если нѣкоторые поднесли ему какое-нибудь изложеніе, говоря: по необходимости согласишься и подпиши, то неужели поэтому я побѣжденъ?

Флавіанъ: никто не позволитъ ни тебѣ отступаться отъ обвиненія, ни ему не оправдываться въ прошедшемъ.

Евсевій: прошу не осуждать меня за это слово. Ибо я имѣю достовѣрнѣйшихъ свидѣтелей, при которыхъ онъ училъ и проповѣдывалъ превратно и пробовалъ спорить; не однажды, не дважды, а очень часто я убѣждалъ его мудрствовать правильно, и онъ все-таки не пересталъ. Скажи заключеннымъ въ тюрьмѣ: отнынѣ не разбойничайте—и всѣ они общаются.

Флавіанъ: никакого осужденія не можетъ быть твоей святости за сдѣланное тобою обвиненіе, хотя бы онъ тысячу разъ общался подписать изложеніе святыхъ отцевъ. Ибо, какъ мы уже нѣсколько разъ говорили, онъ долженъ быть напередъ уличенъ въ томъ, въ чемъ обвиненъ и потомъ оправдываться.

Послѣ этихъ объясненій между обвинителемъ и председателемъ суда, посланный Мемнонъ сталъ продолжать свое сообщеніе: „Евтихій говорилъ намъ“, прибавилъ Мемнонъ, „что такъ какъ самъ я боленъ, то послалъ архимандрита Авраамія умолилъ архіепископа и святой соборъ, чтобы они дали мнѣ отсрочку на эту недѣлю; а на слѣдующей недѣлѣ, если будетъ угодно Богу, я приду и буду оправдываться предъ господиномъ и святымъ соборомъ.“

Показаніе Мемнона было подтверждено и остальными двумя послами.

Непосредственно за этимъ, по предложенію Евсевія, слѣдовалъ допросъ посланныхъ въ разные монастыри комиссаровъ для изслѣдованія о статьѣ Евтихія. Изъ этого допроса обнаружилось съ несомнѣнностію, что Евтихій, дѣйствительно, посылалъ двумъ архимандритамъ—Мартину и Фавсту статью о вѣрѣ, содержащую будто бы сочиненія Кирилла Александрійскаго и дѣянія Ефесскаго собора, и просилъ подписаться подъ нею, но они рѣшительно отказались, не взирая на угрозы со стороны Евтихія: „если вы не согласитесь теперь со мною, то епископъ (Флавіанъ) увизитъ меня, а послѣ достанется и вамъ“. При этомъ Фавстъ просилъ показать ему эту статью въ цѣляхъ сличенія ея съ хранящимися у него списками дѣяній Ефесскаго собора, но послы Евтихія удалились, не исполнивъ его просьбы. Архимандриту Іову Евтихій не прислалъ статьи, но говорилъ, что на этихъ дняхъ пришлетъ къ нему статью архіепископъ, и просилъ не подписываться.

Оспываясь на всѣхъ этихъ показаніяхъ, Евсевій сталъ настаивать на осужденіи Евтихія сообразно съ канонами. „Ибо производящій возмущенія и мудрствующій противно вѣрѣ, говорилъ онъ, достоинъ ли быть въ числѣ священниковъ Божіихъ и архимандритовъ? Вмѣстѣ съ тѣмъ вы видите, что онъ изобличенъ и въ клятвопреступленіи; такъ какъ сказавъ, что у него опредѣлено не выходить и что монастырь есть гробъ для него, онъ обѣщаетъ придти, стараясь объ отсрочкѣ и употребляя другія хитрости, чтобы избѣжать обличенія и подвергнуться наказанію“.

Ф л а в і а н ъ: все изложенное противъ архимандрита Евтихія достаточно показываетъ намъ, что онъ мудрствуетъ противно правой вѣрѣ и старался возмутить церковь; такъ что и теперь его должно подвергнуть каноническій эпитиміи и лишить принадлежащаго ему священнаго сана и начальства надъ монастыремъ; но для болѣе полнаго изслѣдованія, мы даруемъ ему испрашиваемую имъ отсрочку; ибо такимъ образомъ, когда онъ придетъ, будетъ изобличенъ лично. Если же пресвитеръ и архимандритъ Евтихій, вопреки собственному обѣщанію, не явится во второй день слѣдующей недѣли, то есть 22 числа

настоящаго мѣсяца ноября, то окончателъно будетъ лишенъ и пресвитерскаго сана, и начальства надъ монастыремъ¹⁾.

Шестое засѣданіе (20 ноября) открывається просьбою Евсевія, чтобы во второй день слѣдующей недѣли, въ который обѣщался явиться Евтихій, были приглашены на соборъ необходимыя для поднятаго имъ дѣла лица—монахи изъ монастыря Евтихія: пресвитеръ Нарсесъ, архимандритъ Максимъ и два диакона—Константинъ и Елевсиній. Предсѣдатель сдѣлалъ нотаріямъ соотвѣтствующее распоряженіе. Евсевій продолжалъ, что ему сдѣлалось извѣстнымъ, будто бы посланные къ Евтихію со вторымъ вызовомъ пресвитеры Мама и Теофилъ не сообщили полностью всей бесѣды съ нимъ и потому желательно было бы снова допросить ихъ предъ святымъ Евангеліемъ. Вызванные вторично, они показали, что Евтихій вступилъ съ ними въ пренія о вѣрѣ, при чемъ рѣшительно отрицалъ два естества во Христѣ: „да не будетъ того, чтобы я (Евтихій) говорилъ, что Христосъ состоитъ изъ двухъ естествъ или разсуждалъ о естествѣ Бога моего.... Если буду осужденъ, монастырь будетъ мнѣ гробомъ. Если Богъ попуститъ мнѣ потерпѣть что-нибудь, я охотно пострадаю, но двухъ естествъ я не исповѣдую“.

Флавіанъ спросилъ пословъ, почему они, слыша такія слова о вѣрѣ, въ первый разъ умолчали о нихъ? Послы отвѣтили, что они были отправлены не для преній о вѣрѣ, а только вызвать Евтихія въ судъ. Поэтому, не будучи спрошены, считали излишнимъ говорить о томъ, на что не имѣли порученія²⁾.

Слѣдующее засѣданіе (22 ноября) было назначено для окончателънаго разслѣдованія дѣла. Когда положено было на срединѣ св. Евангеліе и архіеп Флавіанъ занялъ предсѣдательское мѣсто, пресвитеръ и нотарій Астерій сказалъ: назначенный день насталъ и боголюбезнѣйшій еп. Евсевій, какъ обвинитель, стоитъ у дверей и проситъ позволенія войти.

Флавіанъ: пусть войдетъ. Затѣмъ обращаясь къ діаконамъ Филадельфію и Кириллу, приказалъ имъ идти и поискать почтеннѣйшаго пресвитера и архимандрита Евти-

¹⁾ Ibid. 264—271.

²⁾ Ibid. 271—276.

хія—пришелъ ли онъ, согласно своему обѣщанію, и позвать на соборъ.

Спустя нѣсколько времени, посланные возвратились и сказали, что искали его по всей церкви, но не нашли ни его самого, ни кого либо изъ его близкихъ. Посланы были другіе два діакона, которые скоро возвратились и донесли собору, что самого Евтихія нигдѣ не нашли, а слышали, будто онъ намѣренъ придти съ великимъ множествомъ воиновъ, монаховъ и префекторскихъ служителей. И дѣйствительно, недолго собору пришлось находиться въ ожиданіи. Вскорѣ пресвитеръ Іоаннъ доложилъ о прибытіи Евтихія съ множествомъ воиновъ, монаховъ и служителей префекта преторій, которые соглашались отпустить Евтихія подъ тѣмъ условіемъ, если соборъ обѣщается оставить его личность неприкосновенною; явился также посланный императоромъ силенціарій Магнусъ и стоитъ у дверей судебной палаты.

Флавіанъ сказалъ: пусть войдутъ.

Императорскій чиновникъ: благоволите принять письмо императора, которое, если угодно, я прочитаю. Письмо было прочитано. Въ немъ императоръ выражалъ желаніе, чтобы на соборномъ засѣданіи присутствовалъ патрицій Флоренцій, извѣстный за челоуѣка вѣрнаго и испытаннаго въ православіи. Соборъ согласился съ желаніемъ императора и обратился съ вопросомъ къ обвиняемому: не встрѣтится ли на это препятствій съ его стороны?

Евтихій отвѣтилъ: дѣлайте, что угодно Богу и вашей святости; я поручаю себя вамъ.

Когда Флоренцій явился въ судебную палату, по приглашенію Флавіана, послѣдій сказалъ: пусть стануть на срединѣ обвинитель и обвиняемый и пусть будутъ прочитаны сначала акты по дѣлу между боголюбивѣйшимъ епископомъ Евсевіемъ, и почтеннѣйшимъ пресвитеромъ и архимандритомъ Евтихіемъ, дабы мы, руководясь предъидущимъ, могли дать начатому дѣлу рѣшеніе, согласное съ справедливостью и святыми канонами.

Нотарій Аецій приступилъ къ чтенію дѣяній. Когда прочитано было ученіе св. Кирилла о воплощеніи Іисуса Христа, Евсевій сказалъ: клянусь стопами валмии—онъ не исповѣдуетъ этого и никогда не былъ согласенъ съ этимъ; но вопреки этому и мудрствовалъ и говорилъ всякому къ нему приходящему и училъ.

Ф л о р е н ц і й: если угодно вашей святости, пусть спросят о Евтихіа, согласенъ ли онъ съ этимъ?

Е в с е в і й возразилъ на это, что предварительно слѣдуетъ прочитать все дѣяніе, уже достаточно изобличающее неправомысліе Евтихіа и что онъ опасается, какъ бы не подвергнуться осужденію, если Евтихій согласится теперь на принятіе ученія св. Кирилла о Сынѣ Божіемъ. Въ виду такихъ опасеній Евсевій заявляетъ собору, что онъ проситъ суда надъ Евтихіемъ за прежній образъ его мыслей, а не за настоящій. Когда Флавіанъ успокоилъ Евсевія на этотъ счетъ, заявивъ, что „бывшее уже дѣяніе никогда не потеряетъ своей силы“, тогда послѣдній обратился къ обвиняемому Евтихію съ вопросомъ: согласенъ ли онъ съ прочитаннымъ изложеніемъ блаженной памяти Кирилла и исповѣдуетъ ли соединеніе двухъ естествъ въ одномъ лицѣ и въ одной ипостаси или нѣтъ?

Ф л а в і а н ъ: слышалъ ты, пресвитеръ Евтихій, что сказалъ твой обвинитель? И такъ скажи, исповѣдуешь ли ты соединеніе двухъ естествъ?

Е в т и х і й: такъ, изъ двухъ естествъ.

Е в с е в і й: Исповѣдуешь ли ты, господинъ архимандритъ, два естества послѣ воплощенія и признаешь ли, что Христосъ единосущенъ намъ по плоти или нѣтъ?

Е в т и х і й: я пришелъ не разсуждать, а внушить вашей святости, какъ я мудрствую. А какъ я мудрствую, написано въ этой бумагѣ. Прикажите прочитать еѣ.

Ф л а в і а н ъ: читай самъ.

Е в т и х і й: не могу.

Ф л а в і а н ъ: почему? Ты ли изложилъ, или это изложеніе другаго? Если твоё, то читай самъ.

Е в т и х і й: мое изложеніе, а слововыраженіе равное тому, какое у святыхъ отцевъ.

Ф л а в і а н ъ: какихъ отцевъ? Говори самъ собою, что за нужда тебѣ въ бумагѣ?

Е в т и х і й: я вѣрую такъ—поклоняюсь Отцу съ Сыномъ и Сыну съ Отцемъ, и святому Духу съ Отцемъ и Сыномъ. Исповѣдую, что плотское пришествіе Его совершилось изъ плоти святой Дѣвы и что Онъ совершенно вочеловѣчился ради нашего спасенія. Такъ я исповѣдую предъ Отцемъ, и Сыномъ, и св. Духомъ и вашею святостію.

Флавіанъ: исповѣдуешь ли ты, что одинъ и тотъ же Сынъ, Господь нашъ Иисусъ Христосъ, единосущенъ Отцу по божеству и единосущенъ Матери по человѣчеству?

Евтихій: поручивъ себя вашей святости, я сказалъ, какъ я мудрствую объ Отцѣ и Сынѣ и Святомъ Духѣ. Ни о чемъ другомъ еще меня не спрашивайте.

Флавіанъ: исповѣдуешь ли ты теперь, что Христосъ изъ двухъ естествъ?

Евтихій: исповѣдуя Бога моего, Господа неба и земли, я до сихъ поръ не позволялъ себѣ рассуждать о Его естествѣ; признаюсь, я до нынѣ не признавалъ прежде, что Онъ единосущенъ намъ.

Флавіанъ: ты не признаешь Его единосущнымъ Отцу по божеству и единосущнымъ намъ по человѣчеству?

Евтихій: до сего дня я не признавалъ тѣло Господа и Бога нашего единосущнымъ намъ, но святую Дѣву исповѣдую единосущною намъ и исповѣдую, что отъ Нея воплотился Богъ нашъ.

Флавіанъ: и такъ, единосущна ли намъ Дѣва, отъ которой воплотился Владыка Христосъ?

Евтихій: я уже сказалъ, что Дѣва единосущна намъ.

Евсевій: если Матерь единосущна, то и Онъ: ибо Онъ названъ сыномъ человѣческимъ. И такъ, если Матерь единосущна намъ, то и Онъ единосущенъ намъ по плоти.

Евтихій: я согласенъ со всѣмъ тѣмъ, что вы теперь говорите.

Флоренцій: Когда Матерь единосущна намъ, то безъ сомнѣнія и Сынъ единосущенъ намъ.

Евтихій: до сего дня я не признавалъ этого, ибо такъ какъ я исповѣдую самое тѣло Божіе,—вниенуль ли ты?—то я не признавалъ тѣло человѣка тѣломъ Бога, а человѣческимъ тѣломъ, и исповѣдую, что отъ Дѣвы воплотился Господь; если же должно признавать Его отъ Дѣвы и единосущнымъ намъ, то я и это признаю, господинъ; и кромѣ того, исповѣдую Его Единороднымъ Сыномъ Божіимъ, Господомъ неба и земли, владычествующимъ и царствующимъ вмѣстѣ съ Отцемъ, съ которымъ Онъ возсѣдитъ и прославляется. Вначалѣ я не говорилъ, а теперь говорю это, потому что ваша святость такъ сказала.

Флавіанъ: слѣдовательно, ты по необходимости, а не добровольно истинную вѣру исповѣдуешь?

Евтихій: теперь господинъ, я точно таковъ. До сего часа я боялся говорить; такъ какъ я знаю, что Господь есть Богъ нашъ, то и не позволялъ себѣ разсуждать о естествѣ Его, а такъ какъ ваша святость позволяетъ и учить этому, то говорю.

Флавіанъ: мы не вводимъ новостей, но такъ изложили отцы; и какъ изложена ими вѣра, такъ вѣруемъ и желаемъ, чтобы всѣ пребывали въ этомъ и не было никакой новизны.

Флоренцій: признаешь ли ты Господа нашего, родившагося отъ Дѣвы, единосущнымъ и изъ двухъ естествъ послѣ воплощенія, или нѣтъ?

Евтихій: исповѣдую, что Господь нашъ состоялъ изъ двухъ естествъ прежде соединенія, а послѣ соединенія исповѣдую одно естество.

Святый соборъ сказалъ: тебѣ должно ясно исповѣдать и анаематствовать все, противное читаннымъ теперь догматамъ.

Евтихій: я сказалъ вашей святости, что прежде сего я не признавалъ, а теперь, такъ какъ ваша святость учить этому, признаю и слѣдую отцамъ. И въ Писаніи ничего яснаго не нашель я объ этомъ, и не всѣ отцы говорили это. Если я стану анаематствовать, то—увы мнѣ!—я буду анаематствовать отцевъ моихъ.

Святый соборъ, вставши воскликнулъ: „анаема ему“!

Флавіанъ: пусть скажетъ святыи соборъ, чего достоинъ присутствующій и не исповѣдующій ясно правую вѣру и не желающій согласиться съ разсужденіемъ сего святаго собора, а упорствующій въ своемъ извращенномъ и худомъ мнѣніи?

Селевкъ, еп. Амасійскій, сказалъ: онъ достоинъ изложенія; впрочемъ, все зависитъ отъ человеколюбія вашей святости.

Флавіанъ: если бы онъ, исповѣдавши собственный грѣхъ, убѣдился анаематствовать свое ученіе и согласиться съ нами, слѣдующими изложеніямъ св. отцевъ, тогда по справедливости онъ удостоился бы милости. Но такъ какъ онъ упорствуетъ въ своемъ заблужденіи, то подвергается каноническимъ эпитиміямъ.

Евтихій: я признаю это, потому что вы теперь приказали; однакожь не анаеѣматствую, ибо что я признаю, то признаю по истинѣ.

Флоренцій: скажи, признаешь ли ты два естества и едносущіе вамъ?

Евтихій: я читалъ писанія блаженнаго Кирилла, святыхъ отцевъ и святаго Аѣанасія: они признавали два естества прежде соединенія, а послѣ соединенія и воплощенія они признавали уже не два естества, а одно.

Флоренцій: скажи, исповѣдуешь ли ты два естества послѣ соединенія.

Евтихій: прикажите прочесть писанія святаго Аѣанасія, и вы узнаете, что ничего подобнаго онъ не говорилъ.

Василій, еп. Селевкіи Исаврійской, сказалъ: если ты не признаешь двухъ естествъ послѣ соединенія, то признаешь смѣшеніе и сліяніе?

Флоренцій: не признающій изъ двухъ естествъ и два естества вѣруеть неправо.

Весь святой соборъ, вставши воскликнулъ: по принужденію нѣтъ вѣры! Многая лѣта императорамъ! Вѣра наша всегда побѣждаетъ! Онъ не согласенъ; зачѣмъ убѣждать его?

Флавіанъ: изъ всего—и изъ бывшихъ уже дѣяній и изъ теперешняго его собственнаго сознанія открывається, что Евтихій, бывший пресвитерь и архимандритъ, страждеть заблужденіемъ Валентина и Аполлинарія и неизмѣнно слѣдуетъ ихъ злохуленіямъ. Не устыдившись нашего убѣжденія и внушенія, онъ не захотѣлъ согласиться съ истинными догматами. Посему, въздыхая и оплакивая совершенную его погибель, мы о Господѣ нашемъ Исусѣ Христѣ, имъ злословимомъ, опредѣлили отчуждить его отъ всякой священнической службы, общенія съ нами и начальства надъ монастыремъ. Пусть тѣ, которые послѣ этого будутъ разговаривать или сходиться съ нимъ, знаютъ, что и сами они будутъ повинны епитиміи отлученія, какъ не уклонявшіеся отъ бесѣды съ нимъ.

Этотъ приговоръ былъ одобренъ соборомъ, запечатлѣнъ собственноручною подписью архіепископа Флавіана, 31 епископа и 23 архимандритовъ, обнародованъ въ церквахъ Кон-

стантинопольской епархіи и разосланъ къ остальнымъ епископамъ ¹⁾.

Прежде всего, какое начало—обвинительное или слѣдственное положено было въ основу церковнаго процесса вселенскаго періода? Надлежащій отвѣтъ на этотъ вопросъ можно дать только при свѣтѣ истории римскаго уголовнаго процесса.

Въ періодъ послѣ—цвѣсціонный (съ имп. Септимія Севера 192—211) въ римскомъ уголовномъ процессѣ настолько усиливается элементъ слѣдственный, что этотъ послѣдній постепенно вытѣсняетъ собою начало обвинительное и тѣмъ самымъ лишаетъ процессъ *accusatio* прежней жизненной силы, прежняго практическаго значенія. Однако нельзя представлять себѣ дѣло такъ, замѣчаетъ Гейбъ, что будто бы на ряду съ существовавшимъ доселѣ аккюзаціонномъ производствомъ, которое съ внѣшней стороны продолжало сохранять свою первоначальную форму, возникло новое, совершенно обособленное и самостоятельное инквизиціонное производство и что, такимъ образомъ, существовали рядомъ два различныхъ вида процесса. Въ дѣйствительности же было такъ, что производство стало отличаться инквизиціоннымъ характеромъ—все равно, была ли для виду соблюдена форма аккюзаціи или нѣтъ; только въ однихъ случаяхъ этотъ характеръ выступалъ съ большею ясностію, чѣмъ въ другихъ: во всякомъ случаѣ онъ никогда не исчезалъ совершенно и не проявлялся въ чистомъ видѣ ²⁾.

Въ исторіи постепеннаго развитія слѣдственнаго начала Гейбъ различаетъ три стади:

1) Низшую стадію составляетъ та форма процесса, гдѣ выступаетъ дѣйствительный обвинитель, но самое производство, хотя по внѣшней сторонѣ сохраняетъ всѣ характерныя особенности аккюзаціи, но по своему существу уже нѣсколько измѣняется сравнительно съ прежнимъ временемъ и приобретаетъ инквизиціонный отпечатокъ. Очень рано возникло и пустило глубокіе корни въ государственной жизни воззрѣніе, по которому преслѣдованіе и наказаніе преступниковъ должно лежать на обязанности самого государства, а не частныхъ

¹⁾ Дѣянія III. 276—296.

²⁾ Geib. S. 522—523.

лицъ. Этимъ возрѣніемъ прежде всего объясняется то громадное значеніе, какое имѣлъ институтъ доносчиковъ, фискаловъ (*indices et quadruplatores*), а равно и тотъ фактъ, что само правительство, въ цѣляхъ поощренія обвинителей, стало назначать имъ опредѣленное вознагражденіе ¹⁾. Это же возрѣніе привело къ тому, что допросъ подсудимаго и свидѣтелей сталъ производиться преимущественно самимъ судомъ, а не частными лицами; оно же содѣйствовало усилению пытки, какъ средства къ открытію истины и т. д. Въ общемъ ходъ судопроизводства оставался аккѳзаціоннымъ, но какъ много, по мнѣнію Гейба—уже къ началу III вѣка было въ немъ инквизиціоннаго элемента ²⁾.

2) Вторую стадію въ развитіи слѣдственнаго начала составляетъ та форма процесса, гдѣ требовалось не формальное обвиненіе, а простое донесеніе (*denuntiatio*) должностныхъ или, гораздо рѣже, частныхъ лицъ, отсюда и самое производство, основывающееся на такихъ донесеніяхъ, носило специальное названіе „*denuntiatio*“. Оно развилося слѣдующимъ образомъ.

Послѣ паденія республики вся сума власти сосредоточилась въ рукахъ императора, который, по своему усмотрѣнію, надѣлялъ властію различныхъ подчиненныхъ ему чиновниковъ. Судебная юрисдикція въ Римѣ (а затѣмъ и въ Константинополѣ) передана была, главнымъ образомъ, *praefectus urbi*, на обязанности котораго лежала забота объ общественномъ порядкѣ (*quies popularium*). Съ этою цѣлью имъ разставлены были въ городѣ полицейскіе солдаты (*milites stationarii*), которые должны были доносить ему обо всемъ случившемся. Въ провинціяхъ судебную юрисдикцію получили наместники (*praesides, proconsules*), которымъ вмѣнено было въ обязанность очищать провинціи отъ опасныхъ людей, наблюдать за общественнымъ спокойствіемъ и порядкомъ, отыскивать и наказывать преступниковъ,—въ особенности: поругателей святыни, уличныхъ мошенниковъ, воровъ, разбойниковъ и укрывателей преступленій. Намѣстнику помогали въ этомъ дѣлѣ подчиненные ему чиновники, носившіе различныя наименованія и составлявшіе его *officium*; между ними самое

¹⁾ Geib. S. 521—525.

²⁾ Geib. S. 532—535.

видное мѣсто занимали *stationarii* и *curiosi*. Въ отдѣльныхъ городахъ за общественнымъ порядкомъ смотрѣли *defensores* и *ireparchae*.

Всѣ перечисленные чиновники доносили (*denuntiaverunt*—отсюда и самое названіе *denuntiatio*) соотвѣтствующему магистрату въ своихъ рапортахъ (*elogia, notoria*) все, что знали касательно совершенныхъ преступленій, важныхъ въ политическомъ или общественномъ отношеніи. Съ такими донесеніями могли выступать иногда и частныя лица, которымъ было присвоено особое названіе—*delatores*. Магистратъ, облеченный уголовной юрисдикціей, на основаніи донесеній обязанъ былъ возбудить уголовное производство, отличавшееся краткостію и быстротою (упрощенное или суммарное). Простота и скорость производства и объясняются именно тѣмъ, что въ качествѣ обвинителя выступали здѣсь должностныя лица *ex officio*, и потому разные отдѣльные, самостоятельныя акты (*postulatio, delatio, receptio* etc.), характеризующіе формальное, торжественное аккюзационное производство, были излишни; равнымъ образомъ, теперь не требовалось особаго разрѣшенія для ареста однихъ, вызова въ судъ другихъ—на все это уже имѣлъ право обвиняющій магистратъ. Разбирательство начиналось безъ всякаго промедленія (*statim, quam celerrime*). Указанное въ донесеніи и вызванное въ судъ лицо судья объявлялъ заподозрѣннымъ въ преступленіи и подвергалъ допросу, причемъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ примѣнялась пытка, чтобы добиться признанія вповности. Если разбирательство дѣла убѣждало магистрата въ томъ, что полицейскій агентъ или частное лицо сдѣлали умышленно несправедливый доносъ, то съ ними поступали, какъ съ обыкновенными калумніаторами. Обищительный приговоръ надъ подсудимымъ тотчасъ же приводился въ исполненіе ¹⁾.

¹⁾ Geib. S 527—532 Munchen. Das canonische Gerichtsverfahren und Strafrecht. 1865 S 418—428 Къ такимъ суммарнымъ процессамъ (*denuntiatio*) Мюнхенъ относитъ четыре процесса изъ новаго завѣта (Io VIII. 3—10; Лук XXIII 1—10; Дѣян XXII. 29 30. и Дѣян. XXXIV. 2) и процессы изъ эпохи гоненій на христіанъ. Въ качествѣ примѣра онъ приводитъ процессъ противъ св. Поликарпа, еп. Смирнскаго. Съ мальчикомъ, который донесъ на св. Поликарпа, явились полицейскіе агенты. Они удивлялись его преклонному возрасту, бодрости духа и нѣкоторые говорили что за нужда

Мы съ бѣльшею подробностью остановились на суммарномъ производствѣ въ виду того, что оно уже въ значительной степени является носителемъ инквизиціонной идеи и потому совершенно справедливо признается посредствующимъ звеномъ между акквизаціоннымъ производствомъ и инквизиціоннымъ ¹⁾.

3) Третью—высшую стадію въ развитіи слѣдственнаго начала составляетъ то производство, при которомъ сами судьи выступали къ преслѣдованію преступленій *ex officio*, не дожидаясь ни формальнаго обвиненія, ни *denuntiatio* полицейскихъ агентовъ (*agentes in rebus*). Особенно сильнымъ толчкомъ къ развитію такого производства послужило то обстоятельство, что существовавшіе съ самыхъ первыхъ временъ имперіи высшіе государственные чиновники—*praefectus urbi* (при Августѣ—временная, съ имп. Тиберія—постоянная должность) и отчасти—*praefectus vigilum* (съ 6 года по Р. Хр.) и *praefectus annonae* (между 8 и 14 г.г. по Р. Хр.) при Септиміи Северѣ (въ 205 г.) получили уголовную юрисдикцію по всѣмъ преступленіямъ, совершаемымъ въ Римѣ и *intra centesimum milliarium* отъ города. Этимъ нанесенъ былъ рѣшительный ударъ *ordo iudiciorum publicorum* ²⁾. Сначала только при нѣкоторыхъ преступленіяхъ (воры, разбойники, *sacrilegii*, *plagiarii*, *servi fugitivi*, дезертиры, составители

хватать этого старца съ такою поспѣшностью? На встрѣчу св. Поликарпу выѣхалъ иренархъ Херодій (Herodes) со своимъ отцемъ, посадилъ его къ себѣ и сталъ уговаривать: «что дурнаго въ томъ, говорилъ онъ, если ты назовешь императора богомъ и поклонишься ему; этимъ ты только спасешь себя». Проконсулъ спросилъ его: «Поликарпъ ли онъ? Получивъ утвердительный отвѣтъ, онъ сталъ убѣждать его отречься отъ Христа. Но не смотря на всѣ увѣщанія и даже угрозы, св. Поликарпъ оставался непоколебимъ. Тогда проконсулъ, раздраженный стойкостью въ вѣрѣ св. отца, послалъ въ амфитеатръ своего герольда и приказалъ ему трижды прокричать: «Поликарпъ сознался, что онъ христiанинъ». Послѣдовалъ приговоръ. Все произошло гораздо скорѣе, чѣмъ можно передать на словахъ. Народъ приносилъ дрова и сучья: іудеи были, какъ и всегда въ подобныхъ случаяхъ, особенно усердны въ своей работѣ Munchen S. 367. Not. 10; S. 427.

¹⁾ Gross Die Beweistheorie im canonisch. Process. Wien. 1867. S. 14; Munchen. s. 439; Seib. s. 651.

²⁾ Bethmann Hollweg. Der Civilprocess... В III. s. 53. 65—66; Schulins 77. 592; Geib. s. 527.

анонимных памфлетовъ и др.), а потомъ и при всѣхъ болѣе тяжкихъ преступленіяхъ требовалось отъ магистрата примѣненіе власти по долгу службы, если формальный обвинитель не желалъ выступить, не существовало и *denuntiatio*, а преступленіе уже получило огласку. „Какъ въ древнемъ каноническомъ правѣ, замѣчаетъ Гейбъ, такъ называемое *Notorium et infamia* считались достаточными, чтобы замѣстить обвинителя и послужить основаніемъ къ возбужденію процесса, такъ имп. Константіномъ было предписано, чтобы *publicae sollicitudinis cura* считалась равносильною обвиненію и побуждала соответствующаго магистрата къ употребленію своей власти *ex officio*. И это предписаніе было не только принято Юстиніаномъ, но впослѣдствіи тѣмъ же императоромъ узаконено ¹⁾ вмѣшательство магистрата *ex officio* въ болѣе широкихъ размѣрахъ“ ²⁾.

Однако, относительно слѣдственного производства до конца императорскаго періода не существовало какихъ либо твердыхъ правилъ: по справедливому замѣчанію Шулина, каждый магистратъ, производящій судъ, старался узнать правду тѣмъ способомъ, какой ему казался лучшимъ ³⁾. Такимъ образомъ, опредѣленнаго и однообразнаго чисто инквизиціоннаго процесса не существовало еще и теперь. „Какъ бы высоко ни оцѣнивать то вліяніе, пишетъ Гейбъ, которое все болѣе и болѣе приобрѣтало слѣдственное производство, все же не нужно забывать, съ одной стороны, того, что инквизиціонный процессъ въ собственномъ смыслѣ былъ неизвѣстенъ настоящему (послѣ—квещіонному) періоду, съ другой—что уже больше не существовало вполнѣ обособленнаго чисто-аккузаціоннаго процесса ⁴⁾.

Вотъ тотъ историческій путь, который со временемъ привелъ къ окончательной замѣнѣ аккузаціоннаго производства инквизиціоннымъ.

Историческая судьба римско-византійскаго уголовнаго процесса не могла не остаться безъ вліянія на церковное судопроизводство періода вселенскихъ соборовъ. Какъ въ римско-византійскомъ процессуальномъ правѣ скоро получило

¹⁾ См Nov. 128. с. 21.

²⁾ Geib. s. 526—527.

³⁾ Schulin. s. 594. см. Walter. B. II. s. 535—536; Geib. s. 650—651.

⁴⁾ Geib. s. 536.

громадное значеніе возрѣніе, по которому само государство въ лицѣ своихъ служебныхъ органовъ (а не частныя только лица) должно преслѣдовать преступленія въ интересахъ общественной безопасности, такъ точно церковный интересъ, аналогичный интересу государственному, вызвалъ въ церкви потребность, для удовлетворенія которой нужно было внести въ церковное судопроизводство слѣдственный элементъ. Безусловно справедливо говорить проф. Соколовъ, что „обвинительный процессъ въ дѣлахъ церковныхъ не могъ остаться съ характеромъ частнаго иска или жалобы. На церковную власть возложена была обязанность надзора за дѣйствіями и служебными отношеніями подчиненнаго ей духовенства; слѣдовательно, ей же необходимо было предоставить и право обвиненія въ случаяхъ замѣченнаго ею въ подчиненныхъ уклоненія отъ предписаній закона. Являясь въ подобныхъ случаяхъ въ качествѣ обвинителя, церковная власть, естественно, должна была обладать средствами для предварительнаго дознанія и изслѣдованія“ ¹⁾. Съ этой точки зрѣнія присутствіе слѣдственного элемента въ нѣкоторой степени можно найти и въ церковномъ судопроизводствѣ первыхъ трехъ вѣковъ христіанства, такъ какъ церковная власть, конечно, и тогда имѣла право надзора за подчиненнымъ ей духовенствомъ. Но усиленіе слѣдственного элемента, усматриваемое отчасти во вселенскомъ законодательствѣ ²⁾, и главнымъ образомъ въ церковно-судебной практикѣ вселенскаго періода, не можетъ не стоять въ связи съ соотвѣтствующими измѣненіями въ римскомъ процессѣ ³⁾. Какъ тамъ, хотя процессъ былъ обвинительный, сама судебная власть не только по просьбѣ обвинителя, но иногда и по собственной инициативѣ предпринимаетъ

¹⁾ Прав. Обзор. 1870. II. 765—766.

²⁾ См. напр. I вс соб 10 пр.

³⁾ Гроссъ говоритъ, церковь очень рано пришла къ признанію того, что тамъ, гдѣ дѣло идетъ о ея постановленіяхъ и дисциплинѣ, о наказаніи нарушителей ея, она должна дѣйствовать по собственной инициативѣ. Выставивъ такое положеніе, онъ присовокупляетъ. «къ такому возрѣнію церковь пришла тѣмъ легче (курсивъ нашъ), что въ уголовномъ процессѣ позднѣйшаго римскаго права идея инквизиціоннаго производства ясно выступаетъ въ трехъ послѣдовательныхъ ступеняхъ развитія, какъ это доказалъ Гейбъ». — Gross. Die Beweistheorie.. s 8. прим. 2.

цѣлый рядъ дѣйствій, чтобы собрать возможно большее количество данныхъ для удостовѣренія въ фактической истинѣ событія, тоже самое мы видимъ и въ церковно-судебной практикѣ. Въ изложенномъ процессѣ архіеп. Флавіанъ, по просьбѣ обвинителя Евсевія, наряжаетъ слѣдственныхъ комиссаровъ въ разные монастыри. “Святѣйшій архіепископъ сказалъ: по просьбѣ боголюбивѣйшаго епископа Евсевія, пусть отправятся въ монастыри: въ находящіеся въ городѣ—пресвитеръ Петръ и діакопъ Патрикій, въ находящіеся въ Сикахъ—пресвитеръ Риторій и діакопъ Евтропій, а въ наход. въ Халкидонѣ—пресвитеры Павелъ и Іоаннъ, дабы узнать тамъ, посылали ли имъ пресвитеръ и архимандритъ Евтихій статью, убѣждая ихъ или предлагая подписаться“¹⁾. Изъ процесса противъ св. Аѳанасія Александрійскаго, относящагося еще къ болѣе раннему періоду времени,—именно къ первой половинѣ IV вѣка, мы можемъ извлечь доказательства въ пользу того, что судебная власть и по собственной инициативѣ предпринимаетъ мѣры къ надлежащему уясненію фактическаго состава преступления. Въ числѣ многихъ обвиненій, взведенныхъ на св. Аѳанасія, было, между прочимъ, обвиненіе въ томъ, будто въ области Марсотидской въ его присутствіи пресвитеръ Макарій совершилъ насиліе надъ совершавшимъ богослуженіе Исхирасомъ—миряниномъ, выдававшимъ себя за пресвитера,—опрокинулъ жертвенникъ, сломалъ евхаристическую чашу и сжегъ священныя книги. Но такъ какъ судъ чувствовалъ недостатокъ въ доказательствахъ этого обвиненія, выставленнаго потерпѣвшимъ Исхирасомъ, то счелъ необходимымъ нарядить въ Марсотиду особую комиссію для разслѣдованія преступления на мѣстѣ и разъясненія сомнительныхъ обстоятельствъ²⁾.

Кромѣ того, суммарное аккюзационное производство—*denuntiatio*, возникавшее по доносу органовъ власти или частныхъ лицъ, и послужившее переходною ступенью къ инвизиціонному процессу, нашло себѣ широкое примѣненіе,

¹⁾ Дѣянія. III 256—257, сн. 268—270

²⁾ Hefele I 457—459; Fessler. s. 34—40 Суворовъ—Объемъ дисциплинарнаго суда.. стр. 300 и слѣд. Правда, дѣйствія суда въ этомъ процессѣ могутъ быть объясняемы особенными побужденіями судей, ихъ личнымъ отношеніемъ къ подсудимому. это были злѣйшіе враги св. Аѳанасія. Однако никто, не только изъ епископовъ не заинтересованныхъ въ процессѣ св.

особенно въ западной церковно-судебной практикѣ вселенскаго періода ¹⁾).

Не смотря на усиленіе слѣдственнаго элемента, обвинительное начало въ церковномъ судопроизводствѣ разсматриваемаго періода, какъ и въ римско-византійскомъ, оставалось господствующимъ: обвиненіе чаще всего возбуждалось не органомъ власти *ex officio*, а частнымъ лицомъ, которому и принадлежала въ процессѣ главная роль, именно—на обязанности обвинителя лежало: подать обвинительную записку (*libellus*), представить доказательства, довести судей до убѣжденія въ справедливости своихъ заявленій и отвѣтить за послѣдствія неправильнаго или недоказаннаго обвиненія.

По преобладающему обвинительному принципу и самый процессъ вселенскаго періода слѣдуетъ назвать „*accusatio*“.

Однако при этомъ необходимо замѣтить, что основная идея, руководившая обвинителемъ въ аккюзаціонномъ производствѣ, нѣсколько измѣнилась теперь сравнительно съ до-Никейскимъ періодомъ. Церковный процессъ первыхъ трехъ вѣковъ христіанства отличался, какъ мы уже говорили, двойственной природою: дисциплинарною и карательною, причемъ первая—дисциплинарная или духовно-исправительная, нравственная имѣла преобладающее значеніе: обвинитель имѣлъ въ виду не столько покарать согрѣшившаго брата, отмстить ему за совершенную несправедливость, сколько воздѣйствовать на него въ цѣляхъ нравственнаго исправленія. Въ церковномъ же процессѣ періода вселенскихъ соборовъ наблюдается скорѣе обратное отношеніе между указанными сторонами, или, во-всякомъ случаѣ, карательная сторона выступаетъ теперь съ ббльшею ясностію, чѣмъ прежде. Правда, церковъ и теперь принимаетъ

Аванасія, но и изъ епископовъ, искренно сочувствовавшихъ св. Аванасію, какковы епископы Египта, Ливіи и Пентаполя и даже самъ подсудимый не считалъ-самого факга отправления слѣдственной комиссіи за дѣйствіе неправовѣрное. Въ своемъ окружномъ посланіи въ защиту св. Аванасія епископы Египта-Ливіи и Пентаполя порицаютъ только произволь, насиліе и явное нарушеніе правилъ судопроизводства, допущенные комиссіей при разслѣдованіи дѣла въ Марсепидѣ. См. Защитительное слово Аванасія противъ аріанъ. Творенія. 208—210. Тоже самое порицалъ и папа Юлій. *Ibid.* 217—239.

¹⁾ Примѣры см. у München'a. s. 429—438.

всѣ мѣры, чтобы обратить преступника на правый путь, но самъ обвинитель, быть можетъ, подъ вліяніемъ сильной религіозной ревности, направляетъ дѣло къ тому, чтобы обвиняемый былъ наказанъ. И это измѣненіе произошло не безъ вліянія римскаго уголовного процесса, отличавшагося vindикативнымъ характеромъ: обвинитель выступалъ здѣсь въ качествѣ мстителя (*vindex*) за поправную справедливость, требующаго возмездія или наказанія обвиняемому имъ лицу. „Публичная кара и возмездіе“ — вотъ что составляетъ цѣль римской *accusatio* ¹⁾). Такой же характеръ сталъ усвоить и церковный процессъ. Отказъ Евсевія на предложеніе предсѣдателя суда — архіеп. Флавіана — еще разъ сходить къ архимандриту Евтихію съ цѣлію братскаго увѣщанія и вразумленія, уже даетъ достаточное основаніе заключать, что обвинитель, настойчиво требуя формальнаго разслѣдованія дѣла, искалъ наказанія подсудимому, сообразнаго съ канонами ²⁾). Съ непререкаемою очевидностію выступаетъ карательная сторона церковнаго процесса въ обвинительной запискѣ, представленной Халкидонскому собору тѣмъ же Евсевіемъ противъ Діоскора Александрійскаго: „прошу и припадаю къ вашей святости: смилуйтесь надъ нами св. отцы... постановите, что все, учиненное противъ насъ не имѣетъ силы... скверное ученіе его (Діоскора) анаематствовать. слово благочестія утвердить, а его самого за продерзости очистить наказаніемъ, чтобы онъ въ продолженіе остальной жизни служилъ примѣромъ для вразумленія всѣхъ, которые бы вздумали поступать подобно ему ³⁾). Въ западной канонической литературѣ признается доказаннымъ, что во времени папы Григорія Великаго (къ началу VII в.) церковный процессъ вполнѣ усвоилъ характеръ римской *accusatio* ⁴⁾).

Проникновеніе церковнаго судопроизводства vindикативнымъ характеромъ было причиною того, что въ церковномъ процессѣ, кромѣ *accusatio* въ римскомъ смыслѣ, стали различать еще особое, самостоятельное производство, отлившееся

¹⁾ Gottschalk s. 194.

²⁾ Дѣянія. III. 207—208.

³⁾ Ibid III. 557

⁴⁾ См. напр. Gross s. 13.

въ западномъ процессуальномъ правѣ въ опредѣленную форму *denuntiatio evangelica*. Этимъ именемъ стали называть производство, основывающееся на словахъ Евангелія (отсюда предикатъ—*evangelica*) предписывающихъ—какъ обиженный долженъ относиться къ своему обидчику (Мѡ. XVIII. 15—18): онъ не долженъ мстить ему или добиваться кары, а долженъ постараться изъ любви къ нему, какъ согрѣшившему брату, усовѣстить его, вызвать въ немъ сердечное раскаянiе и желанiе нравственнаго исправленiя, въ крайнемъ-же случаѣ обратиться за содѣйствiемъ къ церкви; но и эта послѣдняя мѣра, какъ и предшествующее увѣщанiе (*caritativa admonitio*) должна быть плодомъ братской любви; церковь въ свою очередь старается вразумить виновнаго и въ случаѣ его пераскаянности лишаетъ церковнаго общенiя. Изъ чувства братской любви, не только обиженный, но и всякій постороннiй можетъ обратиться съ донесенiемъ къ церкви о чужомъ тяжкомъ прегрѣшенiи, а тѣмъ болѣе, конечно, лица начальствующiя въ церкви, на которыхъ возложено попеченiе о нравственной жизни членовъ церкви. Такимъ образомъ, *denuntiatio evangelica* есть производство, при которомъ хотя и выступалъ опредѣленный обвинитель, но такъ какъ онъ руководился исключительно братскими чувствами, то былъ свободенъ отъ соблюденiя разныхъ формальностей и отъ строгой отвѣтственности въ случаѣ недоказанности обвиненiя. Этимъ *denuntiatio evangelica* и отличается отъ аккюзационнаго процесса въ римскомъ смыслѣ ¹⁾.

Обращаемся къ изложенiю судебной процедуры формальнаго аккюзационнаго производства.

Церковный аккюзационный процессъ, какъ видно изъ представленнаго примѣра, распался на двѣ части, отдѣлявшiяся одна отъ другой иногда довольно значительнымъ промежуткомъ времени: 1) предварительное производство и 2) главное ²⁾. Предварительное производство по своей виѣш-

¹⁾ München s. 441—446 *Denuntiatio evangelica* не слѣдуетъ смѣшивать съ суммарной аккюзацией или *denuntiatio* въ собственномъ смыслѣ, называемою нѣкоторыми канонистами *denuntiatio judicialis*; послѣдняя не вытекаетъ изъ чувства братской любви и потому не знаетъ никакой *admonitio caritativa*. München. s. 443—444 446

²⁾ Въ самыхъ канонахъ церковныхъ можно найти указанiе на то, что

ней структурѣ въ общихъ чертахъ представляегь точный снимокъ съ предварительнаго же производства въ римскомъ уголовномъ процессѣ. Во времена *quaestiones perpetuae* подготовительная часть римскаго уголовного процесса состояла изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ актовъ. Начальный актъ заключался въ томъ, что каждый, желающій выступить съ обвиненіемъ, долженъ былъ явиться къ претору или судѣй квестии, какъ предсѣдателю судебного учрежденія, и просить у него позволенія на обвиненіе такого-то гражданина; на обязанности претора лежало—удостовериться въ правоспособности обвинителя начинать уголовный процессъ противъ указаннаго имъ лица. Этотъ актъ послѣ названіе *postulatio* или *nomen deferre*. Если нѣсколько лицъ желали возбудить одно и тоже обвиненіе, то имѣло мѣсто, такъ называемое *divinatio*, т. е. пренія о приоритетѣ, которыя разрѣшались магистратомъ (иногда—самымъ судомъ), принимавшимъ во вниманіе личныя качества конкурентовъ, ихъ опытность, отношенія къ обвиняемому и пр.; съ избраніемъ главнаго обвинителя, всѣ остальные поступали въ разрядъ *subscriptores*.

Слѣдовавшій за *postulatio* актъ носилъ названіе *nominis vel criminis delatio* и состоялъ въ томъ, что обвинитель, въ присутствіи претора, формулировалъ обвиняемому сущность возводимаго на него обвиненія. Такъ какъ обвиняемый, личное присутствіе котораго было необходимо при *nominis delatio*, могъ находиться въ отсутствіи, то римскимъ процессуальнымъ правомъ требовалось—послѣ *postulatio* формально извѣщать обвиняемаго или его родственниковъ, чтобы онъ въ назначенный день явился *in iure* для выслушиванія обвиненія.

Если обвиняемый присутствовалъ при *nominis delatio*, то непосредственно за этимъ актомъ происходилъ новый актъ—*interrogatio*, состоявшій въ томъ, что обвинитель предлагалъ обвиняемому вопросы съ цѣлію уясненія нѣкоторыхъ пунктовъ обвиненія.

главное производство открывалось не непосредственно за обвиненіемъ, а послѣ нѣкотораго промежутка времени, назначавшагося для того, чтобы подсудимый имѣлъ возможность приготовиться къ оправданію. См. напр. I пр. св. Кирилла Александрійскаго.

По окончаніи *interrogatio*, преторъ заносилъ главные пункты обвиненія въ особый протоколъ (*inscriptio*), подлинность котораго удостовѣрялась собственноручною подписью обвинителя (*subscriptio*).

Наступалъ послѣдній актъ предварительнаго производства—*nominis receptio*: преторъ формально и публично объявлялъ, что противъ такого-то лица принято имъ обвиненіе въ такомъ-то преступленіи. Съ этого момента обвиняемый становился въ положеніе лица, находящагося подъ судомъ (*reatus*) и назывался *reus*, а обвинитель не могъ уже отказаться отъ своего обвиненія. Находясь *in reatu*, обвиняемый былъ значительно ограниченъ въ своей правоспособности на все время судопроизводства: онъ не могъ запятать общественной должности и вообще никакого почетнаго мѣста, пока не былъ оправданъ по суду, даже и въ томъ случаѣ, если бы числился уже кандидатомъ на это мѣсто, такъ какъ по римскому праву никакой магистратъ не могъ быть привлеченъ къ суду во время отправления служебныхъ обязанностей или въ теченіи своего *lustrum*; если *reus* былъ чиновникъ, то онъ до оправдательнаго приговора не могъ быть переведенъ на высшую по рангу должность; равнымъ образомъ, *reus* не могъ выступать въ качествѣ обвинителя и свидѣтеля.

Вмѣстѣ съ *nominis receptio* преторъ назначалъ день (*diei dictio*), въ который стороны должны были явиться *in iudicio*—на судъ присяжныхъ для окончательнаго изслѣдованія обвиненія. Время до наступленія срока главнаго производства посвящалось сторонами прискиванію доказательствъ (*conquisitio*) для обвиненія и защиты ¹⁾.

Въ императорскій періодъ замѣчается стремленіе, съ одной стороны, упростить квещіонный процессъ въ предварительной его части (*in iure*), съ другой, согласовать его съ духомъ все болѣе и болѣе развивающагося инквизиціоннаго производства. Пока существовали *quaestiones perpetuae*, подготовительныя дѣйствія, происходившія предъ преторомъ—*in iure*, имѣли громадное значеніе: главною задачею претора было—подготовить каждый процессъ со стороны юридической

¹⁾ Geib s. 265—286; Walter. В II. S. 516—517; Schulin. s. 560—562; Загурск.й. 308—319.

для дальнѣйшаго публичнаго разбирательства *in judicio*—часто предъ такими присяжными (*judices editicii vel selecti*), которые не обладали никакимъ юридическимъ образованіемъ ¹⁾. Въ силу этого преторъ долженъ былъ отнестись къ своей дѣятельности съ особеннымъ вниманіемъ и стараніемъ. Вотъ почему предварительное производство предъ преторомъ и отлилось въ такую форму, которая поражаетъ строгую пунктуальностію, правильностію и раздѣльностію своихъ частей. Когда *ordo judiciorum publicorum*, характеризующійся дѣленіемъ производства на *jus* и *judicium*, былъ упраздненъ имп. Септиміемъ Северомъ (въ 205 г.) и мѣсто его, въ качествѣ нормальнаго порядка, занялъ процессъ *extra ordinem*, гдѣ обладающій юрисдикціей магистратъ отъ начала до конца функционируетъ, какъ единственный судья, предварительное производство, хотя и продолжало составлять обособленную часть процесса, однако утратило уже свое первоначальное значеніе и все болѣе и болѣе стало сокращаться и упрощаться.

Прежде всего, *postulatio* и *divinatio* перестали существовать въ качествѣ отдѣльныхъ, самостоятельныхъ актовъ предварительнаго производства. Правда, основаніе прежней *postulatio*—абсолютная или относительная неспособность нѣкоторыхъ лицъ къ обвиненію—оставалось въ полной силѣ и теперь; не утратилъ своего значенія и прежній принципъ, позволяющій выступать въ уголовномъ процессѣ только одному главному обвинителю; слѣдовательно, обладающій юрисдикціей магистратъ и теперь обязанъ былъ, съ одной стороны, убѣдиться въ томъ, удовлетворяетъ ли обвинитель всѣмъ формальнымъ требованіямъ, предъявляемымъ къ нему закономъ, съ другой—изъ нѣсколькихъ лицъ, ищущихъ *jus accusandi*, избрать одного—главнаго обвинителя, руководствуясь соображеніями цѣлесообразности, но все это совершалось одновременно съ *nominis delatio* и притомъ однимъ магистратомъ, безъ привлеченія его *consilium*'а, такъ что самые термины *postulatio* и *divinatio* стали выходить изъ употребленія. Предварительное производство стало начинаться теперь прямо съ *nominis delatio*, которая была возможна и при отсутствіи обвиняемаго. Отсюда

¹⁾ О способахъ избранія судей—*editio* и *sortitio* можно подробно читать у Загурскаго. 346—355.

слѣдуетъ, что *interrogatio*, осуществимая только при наличности обвиняемаго, должна была утратить характеръ обязательнаго, самостоятельнаго акта судопроизводства, тѣмъ болѣе что прежнее формальное приглашеніе обвиняемаго къ *nominis delatio* совсѣмъ не считалось необходимымъ. Въ виду этого Гейбъ говоритъ, что если ранѣе „присутствіе обвиняемаго при *nominis delatio* было правиломъ, то къ концу императорскаго періода оно стало простымъ исключеніемъ“¹⁾. Въ тѣхъ случаяхъ, хотя бы и очень рѣдкихъ, когда обвиняемый присутствовалъ при *nominis delatio*, обвинитель, а равно и судья, обращались къ нему съ вопросами съ цѣлю точнѣе установитъ главные пункты обвиненія—что и соответствовало прежней *interrogatio*.

Непосредственно къ *nominis delatio* примыкали *inscriptio* и *subscriptio* обвинителя; но потомъ чаще сталъ практиковаться такой способъ: обвинитель подавалъ написанную въ установленной формѣ и подписанную имъ обвинительную записку (*libellus*), въ которой были указаны главные пункты обвиненія. Если судъ находилъ обвинительную записку неудовлетворительною въ какомъ нибудь отношеніи, то возвращалъ ее подавшему съ требованіемъ представить новую. Заключительнымъ актомъ, какъ и прежде, было *nominis receptio* со всѣми послѣдствіями для той и другой стороны, причемъ обвинитель ставилъ себя подъ строгую отвѣтственность за ложное или недоказанное обвиненіе (наказаніе тальономъ). Назначеніе срока для главнаго производства зависѣло отъ личнаго усмотрѣнія магистрата.

Такимъ образомъ, предварительное производство, особенно съ IV вѣка, не отличалось уже тою строгою раздѣльностью своихъ составныхъ частей, какую оно имѣло во времена *quaestiones perpetuae*: если и существовали еще теперь *nominis delatio*, *inscriptio et subscriptio* и *nominis receptio*, то и эти три момента настолько тѣсно сливались между собою, что отличались другъ отъ друга больше по имени, чѣмъ по существу. Строго говоря, все предварительное производство концентрировалось теперь въ одномъ актѣ: судъ или выслушивалъ устное обвиненіе и заносилъ его въ особый протоколъ, под-

¹⁾ Geib s 550—551

писанный обвинителемъ, или принималъ составленную самимъ обвинителемъ записку и помѣщалъ ее въ свои регистры ¹⁾).

Тоже самое мы видимъ и въ церковно-судебной практикѣ, начиная съ IV вѣка. Желающій выступить съ обвиненіемъ представлялъ компетентному суду составленную имъ обвинительную записку—*libellus*, замѣнявшую *inscriptio*, въ которой указывалъ обвиняемаго, точно обозначалъ предметъ обвинения и скрѣплялъ собственноручною подписью (*subscriptio*). Получивъ обвинительную записку, судъ прочитывалъ ее (вм. устной формулировки обвинения—*nominis delatio*) и не находя никакихъ формальныхъ препятствій къ принятію обвинения, заносилъ „въ памятники для точнаго изслѣдованія дѣла“ (*nominis receptio*). Въ этомъ именно и состояли подготовительныя дѣйствія въ изложенномъ нами процессѣ Евсевія Дорилейскаго противъ архим. Евтихія (первое засѣданіе ²⁾).

¹⁾ Geib. s. 545—560

²⁾ Образцы *libellus* съ *subscriptio* обвинителя см. Дѣян. I. 466—474. 744—746; II 5—8 24—26; III 143—145. 356—357. 405—408. 436—439. 555—558 571—574 575—581 и мн. др. *Nominis receptio*—см. III. 208. 571 582 588 и др. *Libellus* была настолько прочно установившеюся формальностію, что въ процессахъ вселенскаго періода мы встрѣчаемъ только нѣкоторые указанія на возможность ограничиться устнымъ обвиненіемъ вмѣсто представленія формальной *libellus*. Діаконъ Александрійской церкви Феодоръ жаловался Халкидонскому собору на своего епископа Діоскора, говоря «Діоскоръ, безъ всякаго письменнаго обвиненія противъ меня, даже безъ всякой простой жалобы (т. е. устной), въ началѣ своего епископства исключилъ меня изъ клира» Дѣян. III. 572. См. IV. 207.

Нельзя обойти молчаніемъ и того обстоятельства, что въ процессахъ вселенскаго періода мы почти совершенно не встрѣчаемъ примѣровъ того изслѣдованія, которое обязанъ произвести судъ для удостовѣренія въ томъ, что обвинитель удовлетворитъ всѣмъ формальнымъ требованіямъ, предъявляемымъ къ нему положительнымъ вселенскимъ законодательствомъ. Но это, по нашему мнѣнію, объясняется тѣмъ, что лица, выступавшія въ качествѣ обвинителей были уже извѣстны суду. Такъ, напр. если архіеп. Флавіанъ, предсѣдатель суда на Константинопольскомъ соборѣ 448 г., не поднимаетъ вопроса о личности обвинителя, то, конечно, потому, что Евсевій Дорилейскій былъ извѣстенъ суду, какъ человекъ «достойнѣйшій уваженія (Дѣян. III. 31), «мужъ вполне знаменитый какъ славою учености и нравственными качествами, такъ и твердостію опроверженія еретиковъ». (III. 5). «Вы знаете ревность обвинителя?»—говорилъ на судѣ архіеп. Флавіанъ—«самый огонь кажется ему холодомъ по причинѣ ревности о благочестіи. Это вѣдаетъ Богъ».. III. 264.

Какъ въ римскомъ процессуальномъ правѣ, такъ и въ церковно-судебной практикѣ возможны были случаи, когда судъ, находя записку (*libellus*), представленную обвинителемъ, неудовлетворительною, отказывался принять ее; такъ напр. если записка содержала въ себѣ обвиненіе неопредѣленнаго характера, то судъ или требовалъ подачи новой записки или приглашалъ обвинителя къ обстоятельному устному изложенію главныхъ пунктовъ обвиненія. Въ актахъ Беритскаго собора 449 г., (читавшихъ въ Халкидонѣ 451 г.) по дѣлу Ивы Едесскаго говорится, что когда была прочитана обвинительная записка, представленная противъ Ивы его клириками „боголюбивѣйшіе епископы воскликнули: поданная вами жалоба содержитъ какое то общее обвиненіе; поэтому каждый изъ васъ пусть письменно изложитъ, въ чемъ имѣетъ обвинить и на какихъ пунктахъ хотѣлъ настаивать. Самуилъ (одинъ изъ числа обвинителей) сказалъ: мы устно выскажемъ по порядку пункты предъ вашею святостію... Боголюбивѣйшіе епископы сказали: *каждый пусть собственнымъ голосомъ заявитъ, настаиваетъ ли онъ на обвиненіи по поданнымъ пунктамъ*“¹⁾.

Какъ въ римскомъ процессѣ, тамъ и въ церковномъ личное присутствіе обвиняемаго при предварительномъ производствѣ не признавалось необходимымъ: какъ тамъ, такъ и здѣсь оно было только рѣдкою или по выраженію Лейба „простымъ исключеніемъ“. Но если обвиняемый присутствовалъ, то и въ церковномъ процессѣ имѣло мѣсто нѣчто въ родѣ древней римской *interrogatio*. Такъ на Халкидонскомъ соборѣ путемъ такой *interrogatio*, обращенной къ подсудимому Діоскору, желавшему привлечь къ отвѣтственности и другихъ епископовъ за безчинія на соборѣ Ефесскомъ 449 г. (разбойничьемъ), было установлено судомъ, что Евсевій Дорилейскій обвиняетъ въ этихъ безчиніяхъ только одного Діоскора: „*пусть Діоскоръ не ищетъ предлоговъ и не принуждаетъ меня обвинять другихъ, говоритъ Евсевій, кого я не желаю; потомучто, хотя бы я и былъ оскорбленъ другими, мнѣ позволительно было сдѣлать обвиненіе на одного, на кого бы я захотѣлъ*“²⁾.

¹⁾ Дѣянiя. IV. 207.

²⁾ Дѣянiя III. 159—164. 569. Сн. IV, 83—84.

Формальное принятіе судомъ обвиненія (nominis receptio), являющееся заключительнымъ моментомъ подготовительной части церковнаго процесса, сопровождалось такими же послѣдствіями для заинтересованныхъ сторонъ, какъ и въ римскомъ уголовномъ процессѣ, именно:

1) Обвинитель, согласно съ опредѣленіями положительнаго церковнаго законодательства (Карѣ. 28 и 29 пр.), уже не могъ отказаться отъ своего обвиненія. Въ изложенномъ процессѣ архіеп. Флавіанъ говоритъ обвинителю Евсеію: „никто не позволитъ тебѣ отступиться отъ обвиненія“ ¹⁾ За уклоненіе отъ суда какъ въ римскомъ, такъ и въ церковномъ процессѣ грозила обвинителю строгая отвѣтственность—наказаніе тальнономъ: subscriptio обвинителя подь „libellus“ и обязывала его къ такой отвѣтственности, какъ мы уже видѣли изъ 6 пр. II го всел. собора, строго соблюдавшагося въ церковно-судебной практикѣ. На третьемъ вселенскомъ соборѣ св. Кирилль Александрійскій говорилъ: „благоразуміе требуетъ, да это и необходимо, чтобы они (восточные епископы во главѣ съ Іоанномъ Антиохійскимъ) лично или доказали, что мы (св. Кирилль и Мемпонъ) еретики и по ихъ словамъ, держимся мнѣній Аполлинарія, или, если они откажутся придти и подтвердить доказательствами свое обвиненіе, сами подверглись бы этому обвиненію (т. е. въ ереси)“ ²⁾. На Халкидонскомъ соборѣ папскій легатъ Пасхазинъ сказалъ діакону Теодору, обвинителю Діоскора: „если онъ надѣется доказать взводимое имъ на Діоскора, пусть заявитъ собственными уставами, ежели не хочетъ, чтобы опредѣленіе канонозъ обратилось противъ него самого“ ³⁾.

2) Обвиняемый послѣ nominis receptio становился въ положеніе reatus и терпѣлъ такія же ограниченія своей правоспособности, какъ и reus по римскому праву: до оправдательнаго судебного приговора онъ не могъ быть, какъ намъ уже извѣстно изъ каноническихъ опредѣленій, обвинителемъ и свидѣтелемъ (II. 6. Карѣ. 146) и не могъ занять не только постоянной церковной должности, но и временной—свѣтской,

¹⁾ Дѣянія. III. 266. Сн 581—582, IV 216. и др.

²⁾ Ibid. I 714.

³⁾ Ibid. III. 570. Сн. I 732.

напр. быть императорскимъ делегатомъ по дѣламъ свѣтскаго правосудія. „Если кто-нибудь изъ еретичествующихъ будетъ опредѣленъ въ должность прежде, нежели будутъ рассмотрѣны правые догматы, (т. е. прежде судебнаго разслѣдованія о еретичествующихъ), то необходимо разстроится все тѣло церкви, при общемъ разногласіи клира и народа“¹⁾, читаемъ въ посланіи восточныхъ епископовъ имп. Феодосію.

Такимъ образомъ, подготовительныя дѣйствія и ихъ юридическія послѣдствія въ церковномъ аккюзационномъ процессѣ вселенскаго періода были таковы же, какъ и въ римскомъ уголовномъ процессѣ²⁾.

Главное судопроизводство. По прошествіи нѣкотораго времени, назначеннаго для приготовленія сторонъ къ обвиненію и защитѣ (въ изложенномъ процессѣ 6 дней) открывалось главное разбирательство дѣла³⁾. Такъ какъ здѣсь влія-

¹⁾ Ibid. I 822.

²⁾ Къ совершенно инымъ выводамъ по данному вопросу пришелъ въ своемъ изслѣдованіи г. Заозерскій. «Церковный обвинительный процессъ, говоритъ онъ, также представлялъ собою двѣ главныя части, раздѣленныя между собою болѣе или менѣе долгимъ промежуткомъ времени, которое назначалось для приготовленія обвиняемаго къ оправданію. Но здѣсь эта первая часть судопроизводства ограничивалась только принятіемъ отъ обвинителя его записки, допросомъ относительно его имени, сущности обвиненія и имени обвиняемаго. И все это производилось въ такой простой и краткой формѣ, что въ ней можно усмотрѣть только самое отдаленное сходство съ римскими *postulatio, interrogatio, nominis receptio, inscriptio* и *subscriptio* и т. п.» Церковный судъ... 308—309. Пасколько справедливы такіе выводы—предоставляемъ судить самому читателю. Ошибочность ихъ объясняется тѣмъ, что говоря о церковномъ процессѣ IV-го и слѣдующихъ вѣковъ, г. Заозерскій сравниваетъ его въ предварительной части не съ *современнымъ* римскимъ процессомъ, а съ *квеспіоннымъ*, существовавшимъ со времени учрежденія первой постоянной *quaestio* по *lex Calpurnia* въ 149 до Р. Хр.—до Септимія Севера (205 г. по Р. Хр.), совершенно игнорируя то, что онъ нѣсколько выше сказалъ, хотя и черезчуръ кратко, о состояніи римскаго уголовного процесса въ послѣ—квеспіонныи періодъ. Зачѣмъ сравнивать подготовительныя дѣйствія церковнаго процесса съ предварительною частію римскаго—въ той формѣ, въ какой она уже не существовала?! Конечно, тутъ можно усмотрѣть только самое отдаленное сходство!

³⁾ Подсудимый знакомился съ главными пунктами обвиненія во время предшествовавшаго формальному суду «троекратнаго увѣщанія».

ніе римскаго процессуальнаго права сказалось только въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ моментахъ, то, считая излишнимъ излагать весь ходъ главнаго судопроизводства въ римскомъ уголовномъ процессѣ, обращаемся прямо къ церковно-судебной процедурѣ.

Нечего и распространяться о томъ, что опредѣленія вселенскаго канона, признававшія безусловно необходимымъ во время главнаго судопроизводства личное присутствие той и другой стороны, сохраняли свою полную силу въ церковно-судебной практикѣ. Относительно обвинителя это ясно уже изъ того, что было сказано о немъ въ предварительной части процесса. Но чтобы наше заявленіе не показалось голословнымъ, приведемъ слѣдующее мѣсто. На Халкидонскомъ соборѣ Евсевій Дорилейскій говорилъ: „обвиненный мною Евтихій, давши статьи, на святомъ соборѣ упомянулъ, что я—его обвинитель. Какимъ же образомъ, когда судившій блаженной памяти Флавіанъ приказывалъ, чтобы я—обвинитель его вошелъ, и когда ходъ дѣла и правила того же требовали, мнѣ запрещено было войти—прошу эго изслѣдовать“ ¹⁾. Равнымъ образомъ теперь считалось необходимымъ (согласно 74 Ап. пр.) и личное присутствие обвиняемаго (чего не требовалось при предварительномъ производствѣ) съ гѣмъ, чтобы онъ могъ представить доказательства въ свое оправданіе. Церковно-судебная практика свидѣтельствуетъ, что церковь не признавала законности судебного приговора, произнесеннаго въ отсутствіи обвиняемаго, когда послѣдній оставался совершенно невыслушаннымъ и, такимъ образомъ, лишался принадлежащаго ему права защиты. На томъ же Халкидонскомъ соборѣ Ива, еп. Едесскій, говорилъ: „прошу васъ—я осужденъ въ отсутствіи, я не присутствовалъ, и не имѣлъ возможности защищаться, меня не удостоили слова“. Въ отвѣтъ на такое заявленіе судьи воскликнули: „худо поступили осудивше его вопреки канонамъ; пусть будетъ отмѣнено то, что сдѣлано противъ отсутствующаго, мы всѣ говоримъ это: отсутствующаго никто не осуждаетъ“ ²⁾.

¹⁾ Дѣянiя. III. 197. Сн. 209. I. 714. 713. 722. 731 и др.

²⁾ Дѣян IV. 193—194. Сн. 195. III. 183. 208. 365—366. 557 и др. См. у Fessler'a процессы противъ св. Аоанасiя и Златоуста

Представительство за обвинителя и обвиняемаго, по общему правилу, не допускалось. Въ изложенномъ процессѣ противъ Евтихія мы видѣли, что когда на судъ, вмѣсто самого Евтихія, явился уполномоченный имъ для отвѣта архим. Авраамій, предсѣдатель сказалъ ему: „какъ можно, спрашиваю тебя, когда обвиненъ одинъ, говорить за него другому?“

Для уясненія же нѣкоторыхъ исключеній изъ этого правила, намъ необходимо сдѣлать маленькую справку въ исторіи римскаго процесса.

Въ римскомъ уголовномъ процессѣ представительство въ принципѣ не разрѣшалось ¹⁾. Тоже самое было, за немногими исключениями (*pro populo, pro libertate, pro tutela, actio furti* за отсутствующаго *rei publicae causa* или находящагося въ плѣну—*qui apud hostes esset.*) и въ гражданскомъ процессѣ въ эпоху господства *legis actiones. nemo alieno nomine lege agere potest.* Но съ появленіемъ формулярной системы (*per formulas—no lex Aebutia* приблизительно за 122 г. до Р. Хр.) представительство въ гражданскомъ процессѣ стало разрѣшаться обѣимъ сторонамъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Появляются два рода судебныхъ представителей: *cognitores* и *procuratores*. Первые назначались посредствомъ произнесенія опредѣленныхъ торжественныхъ словъ въ присутствіи противной стороны (*coram adversario*) и потому полномочіе *cognitor'a* не могло подлежать никакому сомнѣнію; онъ вполне замѣнялъ представляемаго (*dominus litis*), какъ бы отождествлялся съ его личностію, такъ что представляемый долженъ былъ отвѣчать за всѣ дѣйствія своего *cognitor'a* и нести всѣ послѣдствія веденнаго имъ процесса (за исключеніемъ того случая, когда *dominus litis* совершенно уступалъ *cognitor'у* свой искъ—*cognitor rem suam*). *Procuratores* назначались безъ всякихъ формальностей простымъ порученіемъ, которое давалось иногда даже въ отсутствіе противной стороны; такъ какъ въ виду неформальнаго назначенія *procurator'a*, полномочіе послѣдняго могло подлежать сомнѣнію, то онъ обязанъ былъ или самъ отвѣчать за всѣ свои выгоды и невыгоды или представить обезпеченіе въ томъ, что довѣритель его приметъ на себя послѣдствія процесса (*satisfactio ratam rem dominum*

¹⁾ Geib. s. 595.

habiturum). Со времени классических юристовъ указанное различіе между *cognitores* и *procuratores* стало постепенно сглаживаться въ томъ отношеніи, что отъ *procuratores*—назначались ли они личнымъ заявленіемъ тяжущихся на судѣ (*procuratores praesentis*) или особеннымъ уполномочіемъ отсутствующей стороны (*procuratores absentis*)—какъ и отъ *cognitores*, уже не требовалось никакого обезпеченія. Въ Юстиніановомъ правѣ остались только одни *procuratores*, причѣмъ были ли они—*praesentis* или *absentis*, все равно они вполнѣ замѣняли своего вѣрителя, обязаннаго отвѣчать за всѣ дѣйствія ихъ и принимать на себя всѣ послѣдствія процесса ¹⁾.

Весьма вѣроятно, что широкая свобода представительства въ формулярномъ процессѣ была причиною того, что и въ уголовномъ процессѣ—квещіонномъ, дѣйствовавшимъ рука объ руку съ первымъ, хотя и въ очень рѣдкихъ—исключительныхъ случаяхъ, стало допускаться предстательство если не за обвинителя, то за обвиняемаго, удержавшееся и въ позднѣйшій императорскій періодъ, какъ экстраординарная мѣра. Во всякомъ случаѣ извѣстно за несомнѣнное, что представитель обвиняемаго допускался въ квещіонномъ процессѣ—*si-gei-absentia defendatur*, а въ позднѣйшемъ императорскомъ правѣ и по дѣламъ, возникавшимъ въ случаѣ жалобы обвиняемаго (особенно изъ высшаго духовенства) на причиненную ему несправедливость ²⁾.

Съ такого рода исключительными примѣрами представительства мы встрѣчаемся и въ церковно-судебной практикѣ вселенскаго періода: иногда и здѣсь, (согласно указанной повелѣ), въ случаѣ жалобы обвиняемаго на причиненную ему несправедливость, вмѣсто него выступали уполномоченныя имъ лица, съ высочайшаго на то повелѣнія, и церковь допускала это—именно только какъ экстраординарную мѣру.

Въ актахъ Константинопольскаго собора 448 г. послѣ изложенія Евтихія, содержащихъ въ себѣ повѣрку протоколовъ этого собора по жалобѣ послѣдняго на допущенныя въ

¹⁾ Schulin. s. 524. 555—560; Walter. s. 429 и слѣд.; Боголюбовъ—Учебникъ исторіи рим. права. 408—411; Баронъ.—Система рим. гражд. права.—соотв. §§.

²⁾ Nov. Valent. 12; Schulin. s. 556. Geib. s. 595—596.

вихъ неправильности (поданной имп. Θεодосію и Валентиніану ¹⁾), читаемъ слѣдующія слова императорскаго чиновника Македонія: „здѣсь присутствуютъ тѣ, которые могутъ говорить за лицо монаха (Евтихія)“.

Евсевій Дорилейскій замѣтилъ на это: „если онъ говоритъ *чрезъ повѣреннаго*, то мнѣ позвольте удалиться“.

Знатѣйшій Патрицій Флоренцій сказалъ: что повелѣла императорская власть, то всячески должно наблюсти; поэтому пусть скажутъ почтеннѣйшіе епископы, согласны ли они принять тѣхъ, которые приготовились дѣйствовать за лицо монаха“?

Еп. Мелифеонгъ сказалъ: „послѣ такого обвиненія слѣдуетъ явиться обвиняемому, потому особенно, что обвиненія подобнаго рода бываютъ не безопасны. То, о чемъ идетъ дѣло (преступленіе противъ вѣры) и не маловажно и не обычно; и потому не слѣдуетъ допрашивать одного вмѣсто другого. А такъ какъ благочестивѣйшій императоръ по прародительскому предацію привыкъ содержать правую вѣру и ни въ чемъ не парушать святыхъ правилъ, то просимъ представить ему, и если онъ повелитъ въ уголовномъ дѣлѣ допрашивать одного вмѣсто другаго, мы и это принимаемъ“...

Македоній: „государь нашъ, зная, что осужденъ поименованный мужъ (Евтихій), повелѣлъ посланнымъ вмѣсто него явиться, чтобы они изъ чтенія бумагъ узнали, что архіепископъ (Флавіанъ) сказалъ ему и что онъ (Евтихій) отвѣтилъ архіепископу“.

Флоренцій: „ясно, что требуется; и такъ пусть войдутъ уполномоченные монахи: Константинъ, Елевсиній и Констанцій“ ²⁾.

Указанные здѣсь представители обвиняемаго выступаютъ въ церковномъ процессѣ въ значеніи *procuratores absentis* періода классическихъ юристовъ: отъ нихъ не требуется никакого обезпеченія, но они обязываются признавать не подлежащимъ уничтоженію и измѣненію все, что было до того времени сдѣлано или сказано при судопроизводствѣ самимъ представляемымъ и вести дальнѣйшій процессъ подъ строгою лич-

¹⁾ Дѣянія . III, 304—305.

²⁾ Дѣянія III. 302 303. 314.

ною отвѣтственностію. Евсевій, еп. Анѣирскій, сказалъ: „мнѣ кажется справедливымъ, что представляющій лицо архимандрита Евтихія *долженъ считать не нарушимымъ все, что выказано его устами, а не по произволу часть сказаннаго принимать, а часть отвергать*“. Къ этому еп. Селевъ присовокупилъ: „за лицо архим. Евтихія посланы Константинъ и находящіеся съ нимъ; они должны принять на себя все то, что взводится на него“ ¹⁾.

Приведенные примѣры, какъ простые эксцессы, нисколько не ослабляютъ значенія общаго принципа, требовавшаго личнаго присутствія обвиняемаго на судѣ. А потому главное производство въ церковномъ обвинительномъ процессѣ всегда открывалось троекратнымъ приглашеніемъ обвиняемаго въ судъ, согласно 74 Апост. пр. Въ этомъ правилѣ не указывается, въ какой формѣ—устной или письменной—слѣдовало дѣлать приглашеніе. Принимая во вниманіе устный способъ производства, какъ общій принципъ, соблюдавшійся въ процессѣ первыхъ трехъ вѣковъ христіанства, можно съ достаточною вѣроятностію утверждать, что письменная форма троекратнаго приглашенія, всюду наблюдаемая въ процессахъ вселенскаго періода, явилась въ церковно-судебной практикѣ, какъ нововведеніе, подъ вліяніемъ возрастающаго значенія письменности въ римскомъ уголовномъ процессѣ.

Судъ, на обязанности котораго лежалъ вызовъ обвиняемаго ²⁾, посылалъ къ нему особую депутацію съ письменной пригласительной грамотой, при чемъ епископа, обыкновенно, вызвали два или три епископа ³⁾, а пресвитеровъ и иныхъ клириковъ—лица соотвѣтствующихъ имъ церковныхъ степеней, какъ видно изъ процесса противъ Евтихія ⁴⁾. Соотвѣтствіе лицъ вызывающихъ съ вызываемыми со стороны церковной степени всегда строго соблюдалось церковію. Извѣстно, что когда къ св. Златоусту явилось второе посольство отъ собора подъ Дубомъ (403 г.), состоявшее изъ двухъ подчиненныхъ ему пресвитеровъ и приглашало его идти на соборъ и при-

¹⁾ Ibidem III. 313.

²⁾ Ibid I. 701.

³⁾ Дѣянія. I 501. 702 706 715. III. 559. 593 и др

⁴⁾ Ibid III. 208 254 260.

нести оправданіе въ сдѣланныхъ противъ него обвиненіяхъ, онъ отказался идти, отвѣтивъ посланнымъ чрезъ двухъ епископовъ: „что это за порядокъ суда?.. Меня приглашаютъ на судъ даже чрезъ собственныхъ моихъ клириковъ“ ¹⁾. Депутация, отправляемая къ обвиняемому, какъ можно видѣть изъ процесса противъ Евтихія, иногда приглашала съ собой нѣкоторыхъ лицъ въ качествѣ свидѣтелей, могущихъ впослѣдствіи подтвердить справедливость донесеній ея. „Я, говорилъ діаконь Аѳанасій, не былъ посланъ для этого дѣла (для вызова Евтихія) съ пресвитеромъ Іоанномъ и діакономъ Андреемъ, но былъ приглашенъ первымъ какъ бы для того, чтобы я присутвовалъ тамъ и слышалъ сказанное имъ, и будучи спрошенъ святѣйшими епископами, объявилъ, что и я, присутствуя тамъ, слышалъ то, что онъ объявилъ“ ²⁾. Въ большинствѣ же случаевъ посольство брало съ собой кого-нибудь изъ нотаріевъ и на него возлагало обязанность точно записать отвѣтъ подсудимаго ³⁾.

Пригласительная грамота, образецъ которой намъ уже извѣстенъ изъ процесса противъ Евтихія ⁴⁾, прочитывалась обвиняемому однимъ изъ членовъ депутаціи, при чемъ указывался обвинитель и предметъ обвиненія, а иногда прочитывалась и обвинительная записка (*libellus*), дабы подсудимый „не могъ воспользоваться никакимъ предлогомъ къ оправданію, отговариваясь невѣдѣніемъ“ ⁵⁾, и даже вручалась копія съ нея, какъ это было въ изложенномъ процессѣ ⁶⁾.

Нотарія докладывали о возвращеніи посольства и судъ приглашалъ каждаго изъ депутатовъ дать подробный отчетъ

¹⁾ Fessler. s. 61.

²⁾ Дѣянія. III. 325 Сн 252—253

³⁾ Ibid. I. 501. 504. III. 560—561. 565—566 и др. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ отвѣтъ подсудимаго записывали сами члены посольства, хотя и не были къ тому обязаны «Я, говорилъ пресвитеръ Іоаннъ, ходившій къ Евтихію съ первымъ вызовомъ, составивъ въ то время (во время самаго отвѣта Евтихія) памятную записку, храню, по моему мнѣнію, то, что онъ сказалъ и имѣю ее при себѣ». III. 318.

⁴⁾ См. еще—Дѣянія. I. 502. 504 715. III 564—565. 593—595 и др.

⁵⁾ Ibid. I 717—718, Сн. III. 208.

⁶⁾ Ibid. III 250 316. 320 594.

въ томъ, какъ онъ выполнилъ возложенное на него порученіе ¹⁾; вмѣстѣ съ этимъ судъ допрашивалъ и тѣхъ лицъ, которыя присутствовали при бесѣдѣ пословъ съ подсудимымъ ²⁾.

Вызовъ обвиняемаго въ судъ въ указанной формѣ повторялся три раза ³⁾. Впрочемъ, церковь, изъ высоко-гуманныхъ побужденій, какъ чадолубивая мать, допускала иногда и четвертый вызовъ. На III вселенскомъ соборѣ Ювеналій, еп. Іерусалимскій, говорилъ: „хотя церковныя постановленія повелѣваютъ довольствоваться и троекратнымъ вызовомъ приглашаемыхъ къ оправданію, въ чемъ ихъ обвиняютъ, однако мы готовы были, сверхъ долга, чрезъ боголюбивѣйшихъ епископовъ еще четвертымъ предписаніемъ снова пригласить благоговѣннѣйшаго Несторія“ ⁴⁾.

Дальнѣйшій ходъ судопроизводства находился въ зависимости отъ того, являлся ли обвиняемый въ судъ, согласно сдѣланному вызову, или уклонялся подъ разными предлогами.

Когда обѣ стороны являлись въ судъ, судьи приступали къ разслѣдованію обвиненія, при чемъ обвиняемый могъ воспользоваться предоставленнымъ ему канонами (1 пр. Кир. Алекс.) правомъ, чтобы предварительно были исключены изъ числа судей лица, подозрѣваемые имъ во враждѣ или пристрастіи. Такъ, на Тирскомъ соборѣ (335 г.) св. Аѳанасій потребовалъ, чтобы исключены были изъ числа судей Евсевій Никомидійскій, Θεогній Никейскій, Марій Халкидонскій и нѣкоторые другіе, какъ злѣйшіе враги св. Аѳанасія, явно покровительствовавшіе обвинителямъ ⁵⁾. Иногда обвиняемый прежде прибытія на судъ рѣшительно заявлялъ, что онъ согласенъ явиться къ оправданію лишь въ томъ случаѣ, если судъ уважитъ его законное требованіе отвода подозрѣваемыхъ имъ судей. Такъ поступилъ св. Іоаннъ Златоустъ: посланнымъ къ нему съ пригласительною грамотою отъ собора подъ Дубомъ онъ ска-

¹⁾ Ibid. I. 502—503. 505—506. 703—704. 715—717; III. 250—252 и мн. др. Послы не были обязаны доносить о томъ, что не имѣло прямого отношенія къ ихъ порученію. III. 274—275. 276.

²⁾ Ibid. III 252. 325; I. 503.

³⁾ Дѣян. I. 504. 611—612. 619. 700. 719. 724. III. 260. 569. 592 и мн. др.

⁴⁾ Ibid I 507.

⁵⁾ См. у Фесслера. Сн. Дѣян. I. 353.

заль „пустъ мои враги будутъ удалены изъ числа судей, а этими врагами я считаю четырехъ слѣдующихъ: Теофила, который еще дома и потомъ на пути въ Ликии говорилъ — „я иду ко двору, чтобы изложить Златоуста“, Акакія, Северіона и Антиоха. Если вы хотите, чтобы я явился, то удалите четырехъ изъ числа судей; обвинителями они, несомнѣнно, могутъ быть; если это будетъ сдѣлано, то я явлюсь не только на вашъ, но и на всякій соборъ“¹⁾. Св. Аванасій, видя, что его требованіе относительно отвода судей не только не исполнено судомъ, но какъ разъ эти-то самыя лица назначены слѣдственными комиссарами въ Марейтиду по дѣлу объ Исхирасѣ, счелъ себя въ правѣ удалиться съ Тирскаго собора²⁾.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда обвиняемый не предъявлялъ никакихъ требованій относительно наличнаго состава судей, какъ это мы видимъ въ процессѣ противъ Евтихія, судъ прямо приступалъ къ изслѣдованію обвиненія въ предѣлахъ, указанныхъ обвинительной запиской; если обвиненіе касалось нѣсколькихъ преступленій, то судебное изслѣдованіе направлялось, главнымъ образомъ, на важнѣйшее преступленіе, хотя, конечно, и остальные пункты обвиненія не могли быть игнорированы судомъ³⁾. Главнѣйшую задачу суда составляло—собрать необходимыя для цѣлей правосудія доказательства виновности или невинности подсудимаго. Намъ уже извѣстно, что по каноническимъ опредѣленіямъ (II. 6) главная роль при выполненіи судомъ этой задачи принадлежала обвинителю: онъ обязанъ былъ довести судей до убѣжденія въ справедливости своего обвиненія. Такъ было и въ церковно—судебной

¹⁾ Fessler. s. 60.

²⁾ Ibidem. s. 39—40.

³⁾ Въ процессѣ противъ Ивы, еп. Едесскаго, читаемъ «когда въ одномъ пунктѣ излагается обвиненіе, угрожающее опасностію душъ», говорятъ судьи, «то изслѣдованіе прочихъ мы почитаемъ излишнимъ. Итакъ, что открыто воспрещено и канонами, и законами, и что явно ненавистно боящимся Бога, то сначала изберите и на томъ настаивайте. Изъ представленныхъ вами пунктовъ три преимущественно важны и могутъ быть изболжены удобнѣе другихъ. Ихъ то, если можете доказать, и изложите собственными устами.. Предложивъ вамъ представить доказательства на эти три пункта, мы еще не отказались отъ изслѣдованія прочихъ». Дѣян. . IV. 213—214.

практикѣ. Самуиль, одинъ изъ обвинителей Пвы Едесскаго, говорилъ на судѣ: „наше дѣло, когда мы ставимъ пунктъ или обвиненіе, представить доказательства того, что мы сказали... я сказалъ, что было; мое дѣло и доказать“¹⁾.

Какія же средства доказательства извѣстны были церковно-судебной практикѣ вселенскаго періода?

Прежде всего, конечно, тѣ, которыя были узаконены положительнымъ вселенскимъ законодательствомъ, именно:

1) Главнѣйшимъ средствомъ доказательства служило собственное судебное признаніе обвиняемаго. Вотъ почему судебное дознаніе истины, послѣ изложенія первымъ изъ нотаріевъ или самимъ обвинителемъ сущности обвиненія, и начиналось, обыкновенно, подробнымъ допросомъ обвиняемаго, производимымъ самимъ судомъ, иногда при участіи обвинителя²⁾: собственное признаніе подсудимаго устраняло необходимость иныхъ средствъ доказательства. Константинопольскій соборъ, какъ мы видѣли, произнесъ надъ Евтихіемъ приговоръ осужденія тотчасъ же послѣ того, какъ онъ признался, что отрицаетъ въ Иисусѣ Христѣ два естества³⁾. Предсѣдатель этого собора архіеп. Флавианъ, доказывая законность изложенія Евтихія, говоритъ въ письмѣ къ папѣ Льву: „когда онъ (Евтихій) былъ обвиненъ достойнѣйшимъ уваженія Евсевіемъ и послѣ того, какъ былъ призванъ на соборъ, произнесъ собственными словами свойственное ему ученіе, мы осудили его, какъ чуждаго истинной вѣры“⁴⁾.

2) Свидѣтельскія показанія. Если подсудимый не хотѣлъ сознаться въ преступленіи, возводимомъ на него, судъ прибѣгалъ къ свидѣтельскимъ показаніямъ⁵⁾. Само собою разумѣется, что въ церковно-судебной практикѣ сохраняли полную силу всѣ опредѣленія вселенскаго канона относительно количества свидѣтелей⁶⁾, ихъ нравственныхъ ка-

¹⁾ Дѣянія. IV. 216. Сн. III. 581—582.

²⁾ Дѣянія. III, 282. Сн. VII. 87—90. 124—126; III. 42 и др.

³⁾ Ibid. III. 288—291.

⁴⁾ Ibid. III. 31, Сн. VII. 676.

⁵⁾ Ibid. I. 412. III. 266. 210. IV. 194. 214. VII. 766. и др.

⁶⁾ Ibid. VII. 311; IV. 215 и др.

чествъ ¹⁾, отношенія къ подсудимому ²⁾ и пр.—были ли они обязаны своимъ появленіемъ въ канонѣ самобытной правообразующей дѣятельности церкви или вліянію римскаго права.

Свидѣтели, вызванные въ судъ по распоряженію предсѣдателя ³⁾, подвергались тщательному допросу—сначала относительно имени, званія, образа жизни, мѣста жительства, а потомъ и касательно подлежащаго изслѣдованію дѣла. Вотъ образецъ такого допроса. Когда (въ изложенномъ процессѣ) ходившій съ первымъ вызовомъ къ Евтихію пресвитерь Іоаннь, въ доказательство справедливости своего донесенія, сослался на то, что при отвѣтѣ Евтихіа присутствовалъ діаконъ еп. Василія, архіеп. Флавіанъ сказалъ: „пусть скажутъ почтеннѣйшіе нотаріи, здѣсь-ли діаконъ, находящійся при боголюбивѣйшемъ еп. Василіѣ и упомянутый пресвитеромъ Іоанномъ“? Нотаріи сказали: „здѣсь“. Флавіанъ: „пусть станетъ на среднѣ“. Когда свидѣтель вышелъ на средину судебной палаты, предсѣдатель продолжалъ: „какъ тебя зовутъ?“ Отвѣтъ—„Аѳанасій“. Вопр.: „въ какой церковной степени состоишь?“ Отв.: „Я—діаконъ“. Вопр.: „какого города?“ Отв.: „Селевкии, у святѣйшаго епископа Василія“. Вопр.: „скажи, что ты слышалъ, въ присутствіи почтеннѣйшихъ пресвитера Іоанна и діакона Андрея, отъ почтеннѣйшаго пресвитера и архиманд-

¹⁾ Діаконъ Исхиріонъ въ обвинительной запискѣ противъ Діоскора, поданной IV вселенскому собору, говоритъ: «во время разсужденій я готовъ, по приказанію вашей святости, представить святѣйшихъ мужей, известныхъ по вѣрѣ и жизни, которые могутъ быть свидѣтелями во всемъ этомъ».. III. 581. Св. Кирилль Александрійскій порицаетъ Несторія, между прочимъ, за то, что онъ «выставилъ противъ меня какихъ-то скитальцевъ и людей, замѣченныхъ въ предосудительныхъ поступкахъ I. 420. Сн. 323. 729 и др.

²⁾ Ива Едесскій жаловался на то, что свидѣтелями противъ него на соборѣ въ Беритѣ «пришли какіе-то трое, живущіе вмѣстѣ съ тѣми самыми клириками, которые ругали, безчестили и поносили его... Какимъ образомъ они могутъ приводить въ свидѣтели тѣхъ, которые возстали противъ меня?.. IV. 197. 216. При пересмотрѣ дѣла Ивы на соборѣ Халкидонскомъ, на вопросъ сановниковъ: «былъ ли Ива (въ Беритѣ) изобличенъ своими обвинителями?»—Фотій, еп. Тирскій, (одинъ изъ судей) отвѣтилъ: «нѣтъ... мы сказали, что живущихъ вмѣстѣ съ врагами нельзя принять въ свидѣтели». Ibid. IV. 196—197.

³⁾ Ibid. III. 272.

рита Евтихія касательно вѣрш?« Отвѣтъ: „слышалъ то, что сказали пресвитеръ Іоаннъ и діаконъ Андрей“¹⁾..

Кромѣ самого предсѣдателя, имѣли право обращаться съ вопросами къ свидѣтелю обвинитель и другія прикосновенныя къ дѣлу лица. Допросъ этого рода, называемый „перекрестнымъ“, представляетъ обычное явленіе въ церковно-судебной практикѣ вселенскаго періода, заимствованное, безъ сомнѣнія, изъ римскаго права, гдѣ перекрестный допросъ былъ извѣстенъ съ древнихъ временъ²⁾. Приведемъ образецъ его изъ процесса, возникшаго по жалобѣ низложеннаго Евтихія на искаженіе подлинныхъ протоколовъ Константинопольскаго собора 448 г.

По прочтеніи отрывка изъ дѣяній этого собора, діаконъ Константинъ (одинъ изъ представителей Евтихія) сказалъ: „просимъ спросить ихъ, слышали ли они это?“ Знатнѣйшій патрицій сказалъ: „пусть и Теофиль, по обнародованіи его показаній, скажетъ: сознаетъ ли онъ, что онъ это слышалъ или говорилъ?“ Почтеннѣйшій пресвитеръ Теофиль, выйдя на средину, сказалъ: „я и пресвитеръ Мама, посланные святѣйшимъ архіепископомъ и святымъ соборомъ, ходили въ монастырь архимандрита Евтихія и точно... это самое, что и прочитано, мы слышали изъ устъ почтеннѣйшаго мужа (Евтихія) и объявили, не сдѣлавъ ни прибавленія каковаго-нибудь, ни оущевія“. Діаконъ Константинъ сказалъ: „онъ (Теофиль) не слышалъ ничего другаго?“ Патрицій: „кромѣ того, что объявилъ ты, ничего другаго ты не слышалъ?“

Теофиль: „онъ (Евтихій) говорилъ—„я слѣдую и изложеніямъ отцевъ“—это онъ говорилъ“.

Патрицій: (представителямъ Евтихія) чего еще требуете?“

Діаконъ Константинъ: „просимъ, чтобы спрошенъ былъ господинъ Мама“.

Патрицій: „пусть и почтеннѣйшій Мама также объяснить, что знаетъ“.

¹⁾ Ibid III. 252—253. Сн. 256. 262. 172—173. 272—273 I. 557—560. 612 729 и др.

²⁾ Geib. s. 631—632.

Елевсиній (другой представитель Евтихія): „онъ (Теофилъ) показалъ, что Евтихій говорилъ „слѣдую и изложеніямъ отцевъ“, а это не внесено въ документы“.

Патрицій (Теофилу): „почему вовсе не содержится въ документахъ то, что, какъ сказанное Евтихіемъ, ты послѣ прибавилъ въ своемъ показаніи?“

Теофилъ: „онъ сказалъ и другое, блянусь стопами ногъ вашихъ, чего я не помню: а что помню, то и объявилъ“.

Патрицій: „почему въ то время ты вовсе не включилъ этого въ документы?“

Елевсиній: „а выше онъ еще сказалъ, что онъ ничего ни прибавилъ, ни убавилъ изъ словъ Евтихія“.

Теофилъ: „я сказалъ то, что слышалъ изъ устъ самого архимандрита. Если же хотѣть, чтобы я сказалъ больше, то я не слышалъ больше“.

Патрицій: „пусть дастъ показанія пресвитеръ Мама, какъ сказано“.

Мама: „ради стопъ вашихъ, пусть прочтется показаніе, данное тогда, потому что я забылъ его“.

Патрицій: „пусть прочтутся слова его изъ документовъ, чтобы, по прочтеніи ихъ, онъ сказалъ, что онъ слышалъ, по его созванію“.

Мама: (по прочтеніи его показанія): „это такъ, клянусь стопами ногъ вашихъ; я показалъ то, что мнѣ прочитано, и больше ничего не показалъ“.

Константинъ: „думаю, что сказанное господиномъ пресвитеромъ противорѣчитъ само себѣ, сколько видно изъ прочитанныхъ объясненій Теофила и Мамы“.

Патрицій: „развѣ въ документахъ говорится иначе?“

Елевсиній: „нѣтъ, клянусь стопами ногъ вашихъ“¹⁾!...

Для дачи своихъ показаній свидѣтели становились предъ Евангеліемъ, лежащимъ на особомъ мѣстѣ, уготованномъ по срединѣ судебной палаты. И свидѣтельство, произнесенное „предъ божественнымъ и покланяемымъ Евангеліемъ“ церковь считала свободнымъ отъ всякаго подозрѣнія²⁾. Свидѣтель-

¹⁾ Дѣянiя. III. 330—332.

²⁾ Въ донесеніи палѣ Вигилію епископовъ Киликіи, разсматривавшихъ дѣло о Теодорѣ Мопсуетскомъ, читаемъ: «соседшiе въ Мопсуетѣ, мы собрали благочестивѣйшiй клиръ и вѣрный народъ.. и положивъ предъ ними

скимъ показаніямъ, какъ средству доказательства, придавалось въ церковно-судебной практикѣ настолько важное значеніе, что, въ случаѣ неявки въ судъ нужныхъ свидѣтелей, разбирательство дѣла иногда приостанавливалось ¹⁾). Чтобы лишить свидѣтелей возможности уклониться отъ дачи показаній, обвинитель нерѣдко обращался къ суду съ просьбой—содержать ихъ подъ стражей; но церковь отвергала такія мѣры, какъ противныя духу христіанства ²⁾).

3) Если свидѣтелей не было или показанія ихъ судъ не пахотилъ достаточно-убѣдительными для произнесенія приговора, судьи обращались къ новому средству доказательства—**письменнымъ документамъ**. Въ процессѣ противъ Ивы Едесскаго одинъ изъ обвинителей его—діаконъ Теофилъ говорилъ: „если я стану обвинять, а свидѣтели не присутствуютъ, онъ (Ива) отвернетъ“. Знатѣйшіе саповники сказали на это: „можешь ли ты представить письменныя доказательства на что нибудь?“ Теофилъ: „я имѣю документы, составленные касательно его въ Беритѣ и Ефесѣ“... ³⁾). Особенно широкое приложеніе имѣли письменные документы въ процессахъ по преступленіямъ противъ вѣры: словесныя показанія подсудимаго или его посланія и письма, изобличающія образъ религіозныхъ убѣжденій, сравнивались съ признаваемыми церковію символами вѣры, соборными опредѣленіями, сочиненіями извѣстныхъ отцевъ и учителей церкви и т. п., причемъ судьи, по предложенію предсѣдателя, должны были высказаться—„правильно ли новое ученіе, безукоризненно ли

божественное и поклоняемое Евангеліе, чтобы очистить ихъ свидѣтельство отъ подозрѣнія, мы приглашали сказать, если они знаютъ, въ какое время имя древняго Теодора (en Моисуетскаго) исключено изъ священныхъ диптиховъ» Дѣянія V 217 Для свидѣтелей, не могущихъ говорить вслѣдствіе физическаго недостатка, допускался языкъ жестовъ и движеній. «Когда предстанетъ предъ судей свидѣтель для свидѣтельства и не можетъ говорить, то онъ киваетъ головою своею и имѣетъ достоинство свидѣтелей». Ibid III 341.

¹⁾ Ibid. VII. 675

²⁾ Ibid III. 574. 581 и др

³⁾ Дѣянія IV. 194—195.

и согласно ли съ древне-церковнымъ ученіемъ“¹⁾. *Самымъ яснымъ доказательствомъ* заблужденія Несторія, говоритъ папа Целестинъ, *были его посланія, къ намъ присланныя, скрѣпленныя подписомъ его властной руки, такъ что уже нельзя больше сомнѣваться въ томъ*²⁾.

Нѣкоторые документы, имѣющіе особенную важность, запечатывались судьями въ цѣляхъ предохраненія ихъ отъ поддѣлокъ и поврежденій. На VI вселенскомъ соборѣ имп. Константинъ Погонать, лично присутствовавшій при судѣ надъ Макаріемъ, архіеп. Антіохійскимъ, обвинявшимся въ моноелитствѣ, сказалъ: „принесенный представителями святѣйшаго папы города Рима свитокъ *пусть запечатанъ будетъ печатями какъ славнѣйшихъ судей, такъ и обѣихъ сторонъ*, подобно свиткамъ, которые представлены боголюбезнымъ архіеп. Антіохійскимъ Макаріемъ.“—И свитокъ былъ запечатанъ³⁾.

4) Наконецъ, и послѣднее средство доказательства, узаконенное положительнымъ вселенскимъ законодательствомъ—*древніе обычаи*, не-рѣдко употреблялось въ церковно-судебной практикѣ (чаще всего въ спорныхъ дѣлахъ о границахъ епархій и митрополій). Выслушавъ жалобу Кипрскихъ епископовъ на то, что архіепископъ Антіохійскій старается подчинить себѣ этотъ островъ и восхитить право рукоположенія, вопреки правиламъ и обычаю, который издавна имѣлъ силу—соборъ Ефесскій сказалъ: „благоволятъ святые епископы припомнить правило св. отцевъ, собравшихся въ Никеѣ, которое охраняетъ изначальныя преимущества каждой церкви. Тоже пусть помнитъ и Антіохійскій епископъ. И такъ *докажите древнимъ обычаемъ*, что Антіохійскій не имѣетъ у васъ права рукоположенія“⁴⁾.

Кромѣ указанныхъ средствъ доказательства, въ церковно-судебной практикѣ мы встрѣчаемъ еще два вида доказательства, совершенно неизвѣстныя положительному церков-

¹⁾ Ibid I. 508—509.

²⁾ Ibid I. 412. 416. 360. 543. 554. II. 7 и мн. др.

³⁾ Ibid. VI. 159—160. Сн. 153. 410 и др.

⁴⁾ Ibid. II. 12.

ному законодательству, пменно. а) *улики* и б) *присяга*. Источникомъ, изъ котораго церковь заимствовала ихъ, несомнѣнно, служило римское процессуальное право.

Подъ *argumenta per indicia*, издавна извѣстными уголовному процессу¹⁾, и получившими особенно широкое примѣненіе въ периодъ *quaestiones perpetuae*, римское процессуальное право разумѣло доказательства, выводимыя изъ обстоятельствъ, разныхъ вещественныхъ слѣдовъ и вообще всякаго рода признаковъ совершенія преступления. Всѣ эти признаки римское право дѣлило на предъидущіе (*antecedentia*), сопутствующіе (*conjuncta*) и послѣдующіе (*sequentia*). Къ первымъ были отнесены: особенная неприязнь къ потерпѣвшему, предшествовавшая угроза преступленіемъ, опредѣленные къ нему приготовленія, явное притѣсненіе потерпѣвшаго и т. п. Къ сопутствующимъ: слышанный на мѣстѣ дѣйствія зовъ на помощь и вообще всякій шумъ, по которому прямо нельзя было признать обвиняемаго и т. п. Къ послѣдующимъ: слѣды крови на одеждѣ или оружіи, владѣніе предметами, которые были употреблены при совершеніи преступления; нахождение на мѣстѣ преступленія такой вещи, послѣднимъ владѣльцемъ которой безспорно былъ обвиняемый, его присутствіе вблизи этого мѣста, его боязливое и безпокойное поведеніе послѣ совершившагося преступленія и т. п. Различались также признаки близкіе (*necessaria*) и отдаленные (*non necessaria vel probabilia*); къ послѣднимъ причисляли: указаніе на мотивъ, достаточный для совершенія преступленія, въ особенности—на репутацію обвиняемаго, его обращеніе съ другими, склонность къ недозволеннымъ дѣйствіямъ вообще или какъ разъ къ дѣйствіямъ разсматриваемаго рода и т. д. Улики (*indicia*) признавались полновѣснымъ доказательствомъ въ томъ случаѣ, если онѣ представляли изъ себя цѣпь явленій, дополняющихъ и подкрѣпляющихъ другъ друга. Каждый же отдѣльно разсматриваемый *indicium* могъ служить доказательствомъ, если подтверждался однимъ изъ естественныхъ доказательствъ—признаніемъ, свидѣтельскими показаніями, документами. Въ позднѣйшій императорскій

¹⁾ Geib s 144—146.

періодъ індісія, какъ средство доказательства, не утратили своего значенія: въ одномъ изъ постановленій имп. Θεодосія Великаго они, наравнѣ съ свидѣтельскими показаніями и документами, признаются достаточными для постановленія приговора надъ обвиняемымъ ¹⁾).

Изъ римскаго процессуальнаго права *argumenta per indicia* перешли въ каноническое. Уже въ первой половинѣ IV вѣка въ процессѣ противъ св. Аѳанасія *argumenta per indicia* играли видную роль: этого рода доказательствомъ пользуются какъ обвинители, такъ и обвиняемый. На Тирскомъ соборѣ враги св. Аѳанасія обвиняли его въ преступной связи съ распутной женщиной, которая была приведена въ судъ и здѣсь утверждала, будтобы Аѳанасій, явившись къ ней въ качествѣ гостя, изнасиловалъ ее. Когда начался допросъ по этому дѣлу, къ обвинительницѣ, по предварительному тайному соглашенію съ Аѳанасіемъ, подошелъ пресвитеръ Тимоѳей и обратился съ вопросомъ: „когда я былъ въ твоёмъ домѣ и причинилъ тебѣ насиліе?“ Будучи увѣрена, что это и есть самъ Аѳанасій, женщина стала обзывать вопрошающаго пресвитера Тимоѳея виновникомъ совершеннаго надъ нею насилія;—„сего одного было достаточно для обвиненія клеветы и посрамленія самихъ судей, устроившихъ это коварство“ ²⁾). Игнорировавъ законное требованіе св. Аѳанасія о наказаніи обвинителей за клевету, судъ перешелъ къ разсмотрѣнію новаго обвиненія—въ убійствѣ Аѳанасіемъ епископа Арсенія и отсѣченія у него руки съ цѣлію водхвоуваній, при чемъ обвинителемъ, Мемфисскимъ еп. Архафомъ, былъ представленъ собору и ящикъ съ отсѣченною рукою. Св. Аѳанасій подготовился и по этому дѣлу къ рѣшительному пораженію своихъ наглыхъ обвинителей и злѣйшихъ враговъ—судей, вполне увѣренныхъ въ его осужденіи, въ виду множества лжесвидѣтелей и осязательнаго доказательства обвиненія—лежавшей на глазахъ у всѣхъ отсѣченной руки. Спросивъ присутствовавшихъ и самихъ обвинителей—

¹⁾ Geib s. 358—360, 645—649; Загурскій 385—387

²⁾ Θεодоритъ I 30 стр 102—3; Созоменъ 138—9; Христ чт. 1871. 273—274

знають ли они Арсенія—и получивъ отъ многихъ утвердительный отвѣтъ, Аѳанасій велѣлъ своимъ приближеннымъ ввести Арсенія, закрытаго плащемъ; и затѣмъ, открывъ ему лицо, Аѳанасій спросилъ обвинителей: „это ли Арсеній, въ убійствѣ котораго его обвиняють?“ — Поразивъ судей такою неожиданностью, св. Аѳанасій, для полнаго ихъ посрамленія, сталъ съ пѣкотою торжественною медленностью показывать одну за другою обѣ руки Арсенія, говоря при этомъ: „Арсеній, какъ видите, имѣетъ обѣ руки; а мѣсто, откуда отсѣчена третья, пусть покажутъ намъ обвинители!“ Произошло замѣшательство, во время котораго обвинитель скрылся, чтобы не подвергнуться наказанію за клевету ¹⁾.

Такимъ образомъ, св. Аѳанасій для опроверженія возведенныхъ на него обвиненій воспользовался *argumenta per indicia*: улики были настолько очевидны и поразительны, что не оставляли никакого мѣста для сомнѣній въ наглой клеветѣ обвинителей.

Присяга или клятвы какимъ нибудь священнымъ предметомъ, какъ сред. доказательства, совершенно неизвѣстно процессу первыхъ трехъ вѣковъ христіанства; не знаетъ ее и положительное церковное законодательство вселенскаго періода. Между тѣмъ въ римскомъ процессѣ, особенно въ гражданскомъ ²⁾, съ древнѣйшихъ временъ употреблялась присяга (*jurjurandum*) или для дополненія доказательствъ (*j. suppletorium*) или для устранения всякихъ подозрѣній (*j. purgatorium*). Подъ присягой римское право разумѣло подтвержденіе истины ссылкой на какой нибудь священный предметъ. напр. *per Deum*, *per caput meum*, *per caput filiorum meorum* и т. п. Отсюда этотъ способъ доказательства перешелъ въ церковно-судебную практику вселенскаго періода и нашелъ въ ней широкое примѣненіе ³⁾. Доказательная сила клятвы зиждется на томъ

¹⁾ Сократъ 107—8; Созоменъ 139—40; Феодоритъ 103—4, Fessler 38—39. Христ. чт. 71. II. 274—275

²⁾ Schulin. 578—579. 598. Въ уголовномъ процессѣ присяга встрѣчается сравнительно рѣже Walter s 527. Загурскій. 383—4.

³⁾ Отъ произнесенія клятвы освобождались только епископы. Въ процессѣ, возникшемъ по жалобѣ Евтихія на искажаніе подлинныхъ дѣяній

предположенія, что чувства почтенія, благоговѣйнаго страха къ предмету, на который ссылается клянущійся, могутъ воспрепятствовать сознательному уклоненію отъ истины. Произносящій клятву становился предъ св. Евангеліемъ и иногда касался его своею рукою. Когда VI вселенскій соборъ произнесъ осужденіе надъ Константинопольскими патріархами—моноеллтами Пирромъ, Павломъ и Петромъ и потребовалъ отъ хартофилакса Константинопольской церкви діакона Георгія принести всѣ письменные документы, оставшіеся послѣ преемниковъ Петра,—Θомы, Іоанна и Константина, дабы надъ ними произнести справедливый приговоръ, — діаконъ Георгій, „прикоснувшись къ подлежащему непорочному слову Божію, произнесъ слѣдующую клятву: клянусь симъ святымъ Писаніемъ и говорившимъ чрезъ него Богомъ, что послѣ всѣхъ поисковъ я не нашель, чтобы кѣмъ либо были составлены и переданы патріархамъ Θомѣ, Іоанну и Константину книжки объ одной волѣ и одномъ дѣйствиі“. Выслушавъ такую клятву, соборъ сказалъ: „такъ какъ благочестивымъ діакonomъ и хартофилаксомъ здѣшней великой Божіей церкви Георгіемъ произнесена вслухъ насъ и присутствовавшихъ вмѣстѣ съ нами славнѣйшихъ сановниковъ тѣлесная клятва, и эта тѣлесная клятва доставила намъ полное удостовѣреніе въ томъ, что упомянутые патріархи отнюдь не требовали какихъ либо книжекъ о дѣйствиі и волѣ, то постановляемъ оставить ихъ въ прежнемъ санѣ...¹⁾ Такимъ образомъ здѣсь клятва, подкрѣпляющая свидѣтельское показаніе (*jusjurandum suppletorium*), сообщаетъ послѣднему такую силу, что оно признается достаточнымъ для постановленія приговора.

Приведемъ еще примѣръ, гдѣ клятва служитъ средствомъ къ опроверженію обвиненія (*jusjurandum purgatorium* „Вмѣ-

Константин собора 448 г, императорскій чиновникъ Македоній потребовалъ, чтобы присутствовавшіе на соборѣ епископы «подъ клятвою сказали, вѣрны ли изложенія читаемыхъ документовъ, принесенныя тою и другою стороною» (представителями Евтихія и нотаріями) Въ отвѣтъ на такое требованіе Василій, еп. Селевкійскій, сказалъ. «не знаетъ, чтобы до этого времени епископы давали клятву». Дѣянія III. 303—304.

¹⁾ Дѣянія VI 411—412.

стѣ со мной, писалъ св. Кирилль Александрійскій имп. Θεодосію, стрѣлы необузданнаго языка (несторіапъ) испыталъ возлюбленный инокъ Викторъ. Нѣкоторые, привыкшіе лгать, распространяли относительно его клеветы, будто онъ говорилъ противъ меня лѣпости, за что, когда онъ прибылъ въ Ефесъ, его строго осуждали нѣкоторые изъ отцевъ св. собора; даже всѣ отвратились отъ него и возненавидѣли его, какъ одного изъ нечесливцевъ; его называли отцеубійцею, братоубійцею и другими подобнаго рода именами. Когда узналъ объ этомъ старецъ Викторъ, въ присутствіи очень многихъ св. епископовъ, воздѣлъ руки къ небу и, вопреки своему обыкновенію, поклялся святымъ крещеніемъ и честными Христовыми тайнами, что не знаетъ за собой ни одного изъ этихъ преступленій¹⁾.

Какой-нибудь строго опредѣленной, однообразной клятвенной формулы не существовало въ церковно судебной практикѣ. Въ актахъ вселенскихъ соборовъ мы встрѣчаемся со слѣдующими клятвенными изреченіями: 1) клянусь этимъ благомъ—святымъ Евангеліемъ²⁾, 2) клянусь этимъ святымъ Писаніемъ³⁾, 3) клянусь этимъ благомъ и Богомъ, Который говорилъ чрезъ сіе Писаніе⁴⁾, 4) клянусь этимъ святымъ Писаніемъ и Богомъ, Который говорилъ черезъ оное⁵⁾, 5), клянусь этими святыми силами и говорившимъ чрезъ нихъ Богомъ⁶⁾, 6) клянусь святымъ крещеніемъ и честными Христовыми тайнами⁷⁾, 7) клянусь святою и единосущною Трой-

¹⁾ Ibid II 296—297 Сн. V. 199 212. 215. 217. VI. 216 и др. Эту клятву, по нашему мнѣнію, и была подготовлена почва для особаго производства—*urgatio canonica*, примѣнявшаяся уже въ VI в., но окончательно развившаяся къ IX вѣк въ западно-церковномъ процессуальномъ правѣ, подъ вліяніемъ Германскаго юридическаго міровоззрѣнія. Molitor s. 54 и слѣд; Richter-Lehrbuch des kathol. und Evangel. Kirchenrechts. 1866. s. 830—832; Munchen. s. 431 и слѣд.

²⁾ Дѣлнія V. 207. 210. 211. 198.—200. 202. 204 и др.

³⁾ Ibid. V. 200. 201. 203. 205. 207 и др

⁴⁾ Ibid. V. 201.

⁵⁾ Ibid. V. 202. VI. 411.

⁶⁾ Ibid. VI. 423.

⁷⁾ Ibid. II 297.

цею и благочестіемъ и побѣдою повелителей вселенной ¹⁾, и 8) влянусь стопами ногъ твоихъ (или—вашихъ) ²⁾.

Теперь мы отмѣтили всѣ средства доказательства, которыя употреблялись въ церковно-судебной практикѣ вселенскаго періода. Говорить о сравнительной важности ихъ нѣтъ возможности, такъ какъ вѣсь доказательствъ опредѣлялся, главнымъ образомъ, тою степенью убѣжденія, какую могъ получить изъ нихъ безпристрастный судья, чтобы со спокойною совѣстію произнести справедливый приговоръ.

Прежде чѣмъ говорить о способѣ постановленія приговора, посмотримъ, какъ дѣйствовалъ судъ въ случаѣ отсутствія обвиняемаго.

Подсудимый, не явившійся къ оправданію послѣ сдѣланнаго ему приглашенія, долженъ былъ представить уважительную причину своей неявки и если таковая дѣйствительно была, судъ давалъ ему отсрочку. Въ изложенномъ процессѣ противъ Евтихія предсѣдатель суда архіеп Флавіанъ далъ обвиняемому отсрочку, когда уполномоченный имъ архим. Авраамій, явившись въ судъ, заявилъ, что Евтихій боленъ ³⁾. Не явившійся послѣ троекратнаго приглашенія безъ всякой уважительной причины трактовался какъ упорный, отказавшійся отъ защиты, какъ „произнесшій противъ самого себя приговоръ осужденія“ ⁴⁾. Въ этомъ случаѣ судъ считалъ себя въ правѣ приступить къ изслѣдованію дѣла въ отсутствіи обвиняемаго. Главнѣйшими средствами доказательства служили теперь письменные документы и свидѣтельскія показанія. Отцы III вселенскаго собора, судившіе Несторія въ его отсутствіе, сами указываютъ въ своемъ приговорѣ тотъ путь,

¹⁾ Ibid III. 444. 569. IV 197

²⁾ Ibid III. 264. 326. 328 332. 410. IV. 50 83 и др. Последнее клятвенное изреченіе, по нашему мнѣнію, создано по аналогіи съ римскимъ — *per carit meum, per carit filiorum meorum* Впрочемъ, необходимо замѣтить, что въ римскомъ процессуальномъ правѣ присяга чаще употреблялась для подтвержденія существованія, или несуществованія спорнаго права, (отсюда и самое названіе *ius iurage*) и рѣже относительно фактовъ; между тѣмъ въ церковно-судебной практикѣ почти исключительно въ последнемъ смыслѣ.

³⁾ Дѣянія III. 262—263. Сн 560. 562 и др

⁴⁾ Ibid. III. 595. 597. 610. 603. 611. IV 99 и др.

какимъ соборъ пришелъ къ убѣжденію въ его еретическомъ образѣ мыслей. „Такъ какъ несчастливѣйшій Несторій, говоря оцъ, не захотѣлъ повиноваться нашему приглашенію и не принялъ посланныхъ отъ насъ благочестивѣйшихъ епископовъ, то мы выеужденными наились послѣдовать печестивое его ученіе. *Открывши частію изъ его писемъ, частію изъ другихъ сочиненій, частію изъ бесѣдъ, которыя онъ недавно имѣлъ въ сей митрополіи (Ефесъ) и которыя подтверждены свидѣтелями, что оцъ и мыслить и проповѣдуетъ печестиво, мы вынуждены были, на основаніи каноновъ и посланія святѣйшаго отца Целестина, еп. Римскаго, произнести противъ него опредѣленіе“¹⁾*

Только тогда, когда виновность подсудимаго, безразлично — присутствовалъ онъ или нѣтъ, была вполне доказана, судъ приступалъ къ постановленію приговора²⁾. Сначала предсѣдатель, а за нимъ и каждый изъ судей совершенно самостоятельно и свободно высказывалъ собственное мнѣніе о

¹⁾ Ibid. I. 592 Сн 620—621

²⁾ «Распространенной молвъ мы не должны вѣрить *безъ всякихъ доказательствъ*»—говорилъ патр Тараси, предсѣдатель VII вселенскаго собора. VII. 189 Сн 190. Въ римскомъ процессѣ во времена *quaestiones perpetuae*, когда судьи въ своей дѣятельности руководствовались не столько юридическими принципами, сколько личнымъ чувствомъ, на постановленіе приговора имѣли большое влияние такъ называемые, *laudationes publicae* городъ или корпорація, заинтересованные исходомъ процесса, отиравлили въ судъ (*in iudicio*) депутацию, которая говорила въ пользу обвиняемаго — о его добродѣтеляхъ, заслугахъ, оказанныхъ государству и др. Иногда *laudationes* облекались въ письменную форму и прочитывались на судѣ. Въ императорскій періодъ, въ виду многихъ злоупотребленій, они стали выходить изъ употребленія. (Geib, s 634, Загурскій, стр 373—375) Причѣмъ такой *laudationis publicae* мы встрѣчаемъ и въ церковно-судебной практикѣ. цѣлая корпорація клириковъ Едесской митрополіи представила въ пользу подсудимаго—своего епископа Пвмъ—письменное одобрительное свидѣтельство, которое было прочитано на судѣ въ Беритѣ и занесено въ протоколы (Дѣнія. IV. 230—231) Какое значеніе придавалъ церковный судъ подобнымъ свидѣтельствамъ при постановленіи приговора—сказать трудно, за немѣніемъ достаточнаго для такихъ или иныхъ выводовъ количества фактическихъ данныхъ; но что они допускались въ церковно-судебной практикѣ, хотя и рѣдко—это не подлежитъ сомнѣнію.

подсудимомъ ¹⁾ церковь со всею строгостью вооружалась противъ всякаго принужденія въ этомъ отношеніи. Такъ напр. папа Левъ осуждаетъ насильственные мѣры, употребленныя Діоскоромъ Александрійскимъ на Ефесскомъ соборѣ 449 г. (разбойничьемъ) съ цѣлью склонить присутствовавшихъ епископовъ къ оправданію Евтихія и низложенію архіеп. Флавіана, и съ нѣкоторымъ упрекомъ говорить о тѣхъ епископахъ, которые уступили принужденію и „произнесли свои мнѣнія о заблудившихся не отъ чистаго и правильнаго сужденія, какъ этого требовало обыкновеніе.. но простерли невольныя руки къ нечестивымъ подписямъ, такъ какъ они знали, что если бы они не исполнили того, что имъ было повелѣно, это повредило бы ихъ благосостоянію;“—объ этомъ папа узналъ „отъ самаго точнаго повѣствователя“—своего діакона Иларія, который „едва убѣждалъ, чтобы противъ воли не быть вынужденнымъ подписаться“ ²⁾. Потерпѣвшіе насиліе епископы съ глубокою скорбію восклицали на соборѣ Халкидонскомъ: „на осужденіе архіеп. Флавіана и еп. Евсевія никто не былъ согласенъ; сдѣлано было насиліе, насиліе съ побоями и мы подписали пустую бумагу. Намъ угрожало осужденіе, намъ угрожала ссылка; войны стояли съ палками и мечами и мы убоялись палокъ и мечей.. *Гдѣ палки и мечи какой тутъ соборъ?* Діоскоръ взялъ съ собою воиновъ для того, чтобы утратить васъ. Воины низложили ихъ болѣе, чѣмъ мы; *а что мы сдѣлали, то сдѣлали изъ страха.* Человѣкоубійцу (Діоскора, виновника насилія) воцѣ изгоните“... ³⁾.

Судебный приговоръ—единогласный или по большинству голосовъ ⁴⁾, формулированный предсѣдателемъ суда, произносился, обыкновенно, предъ св. Евангеліемъ, которое указы-

¹⁾ См. напр. Дѣянія III 601—646. IV 299—309. 311—321 и др.

²⁾ Дѣянія III. 72 и 67.

³⁾ Ibid III. 160. Сн. 69, 89. 180. 360 574 и др. Выражаясь такъ, епископы имѣли въ виду то обстоятельство, что несправедливо низложенный Діоскоромъ и измученный его побоями архіеп. Флавіанъ не перенесъ тяжелаго испытанія и черезъ три дня скончался въ заключеніи отъ жестокихъ страданій.

⁴⁾ Ibid. V. 246—247. VI. 453.

вало на присутствіе Владыки всѣхъ Христа ¹⁾, слѣдовательно какъ бы предъ очами Божиими, и подписывался всѣми согласными съ нимъ членами суда ²⁾.

За несправедливый приговоръ судьбы подвергались тому же самому наказанію, къ какому ими былъ присужденъ обвиняемый—и это называлось „судомъ праведнымъ“ ³⁾.

Въ заключеніе изложенія судебной процедуры, соблюдавшейся въ аккюзационномъ процессѣ вселенскаго періода, отмѣтимъ слѣдующее интересное обстоятельство: когда произнесеніе окончательнаго приговора надъ лицами, присутствующими при судопроизводствѣ, откладывалось на нѣкоторое время по ихъ личной просьбѣ, послѣдніе обязывались иногда представить обезпеченіе въ томъ, что они не удалятся изъ города, гдѣ происходятъ судебныя засѣданія. Здѣсь нельзя не видѣть вліянія порядковъ, соблюдавшихся въ римскомъ процессѣ. Древній способъ вызова въ судъ (*in jus vocatio*), допускавшій самоуправство истца, насиліе по отношенію къ отвѣтчику, сталъ постепенно замѣняться новымъ, болѣе гуманнымъ способомъ—*vadimonium*: такъ какъ производство *in jure* иногда, по сложности дѣла, затягивалось на нѣсколько дней, то преторъ, чтобы избавить истца отъ необходимости каждый разъ повторять непріятную процедуру *in jus vocationem*, требовалъ отъ отвѣтчика дать истцу торжественное обѣщаніе (въ формѣ стипуляціи) въ томъ, что онъ снова явится для продолженія процесса. Это обѣщаніе иногда подтверждалось поручительствомъ (*satisfactio*) или произнесеніемъ клятвы (*cautio iuratoria*). Съ теченіемъ времени рядомъ съ *vadimonium*, даннымъ *in jure*, стало примѣняться внѣ-судебное *vadimonium*. Въ Юстиниановомъ правѣ, когда вызовъ заинтересованныхъ сторонъ сталъ обязанностію самого суда, оба тяжущіеся должны были дать обезпеченіе въ томъ, что не будутъ уклоняться отъ процесса до его окончанія (*usque ad terminum litis*); характеръ обезпе-

¹⁾ Ibid. I. 854 V. 41—43.

²⁾ Ibid. I. 592—607. 764—773. III. 291—296. IV. 133—163. V. 381—393 и др. За больныхъ членовъ суда, по ихъ личной просьбѣ, подписывались уполномоченные. I. 605. 606. III. 659. IV. 149 и др. Самые образцы судебного приговора—см. изложенный процессъ. Сн. I. 592. 607. 718—720 и др.

³⁾ Дѣянія III. 492—493. IV 7. VII-й вселенскій соборъ узаконилъ это 4-мъ канономъ. Сн. Карѣ. 16 пр.

чевія находился въ зависимости отъ достоинства самихъ тяжущихся: оно могло состоять въ простомъ обѣщаніи (*nuda promissio*), въ принесеніи присяги (*cautio juratoria*) или въ представленіи поручителей (*cautio iudicio sisti*)¹⁾.

Въ церковно-судебной практикѣ мы встрѣчаемъ, правда-только единственный, примѣръ примѣненія подобнаго рода гарантіи въ указанномъ выше случаѣ. Когда Халкидонскій соборъ хотѣлъ произнести приговоръ осужденія надъ Египетскими епископами, какъ надъ еретиками за то, что они отказывались подписать посланіе Римскаго архіепа. Льва и низложеніе Діоскора, ссылаясь на существующій въ Египетскомъ округѣ обычай не дѣлать ничего важнаго безъ вѣдома и приказанія своего архіепископа, Египетскіе епископы стали на колѣнахъ умолять соборъ отложить произнесеніе приговора надъ ними до назначенія поваго архіепископа (вмѣсто Діоскора) „дабы, по древнему обычаю, мы послѣдовали его мнѣнію“. Въ отвѣтъ на эту мольбу присутствовавшіе на соборѣ сановники и сенаторы сдѣлали со своей стороны предложеніе „оставить просителей въ собственномъ ихъ положеніи, въ царствующемъ городѣ, и дать отсрочку до тѣхъ поръ, пока не будетъ рукоположенъ архіепископъ великаго города Александріи“. Тогда одинъ изъ предсѣдательствующихъ на соборѣ папскихъ легатовъ-Пасхазинъ сказалъ: „если повелитъ ваша власть и прикажете сдѣлать для нихъ что-либо по человѣколюбію, пусть дадутъ они поручительство, что не выйдутъ изъ этого города, пока Александрія не получитъ епископа“. Знатнѣйшіе сановники и знаменитый сенатъ сказали: „сужденіе еп. Пасхазина да будетъ утверждено. Посему почтеннѣйшіе епископы Египетскіе, оставаясь въ собственномъ своемъ положеніи, пусть или представляютъ поручительство, если для нихъ возможно, или запрягъ клятвою, что они ожидаютъ рукоположенія будущаго епископа великаго города Александріи“²⁾.

Представленный здѣсь ходъ предварительнаго и главнаго судопроизводства къ концу VI вѣка сдѣлался обычнымъ въ цер-

¹⁾ Schulin. S. 522—523. 571; Боголѣповъ. Учебникъ исторіи рим. права стр. 298. 407. Муромцевъ. Гражд. право древ. Рима 73—76.

²⁾ Дѣянія. IV. 57—58. Удалившихся изъ города прежде окончанія дѣла церковь подвергала наказанію. Ibid. IV. 203.

ковно-судебной практикѣ (*modus procedendi ordinarius*). Ръчательное доказательство этого канонисты находятъ въ письмѣ и инструкціи папы Григорія Великаго († 604) къ дефензору Іоанну, отправленному въ Испанію для разбора разныхъ жалобъ, откуда видно, что церковный процессъ къ этому времени окончательно усвоилъ форму римской *accusatio* ¹⁾ и въ этой формѣ оставался господствующимъ до IX вѣка ²⁾.

Только въ нѣкоторыхъ подробностяхъ сложившійся порядокъ судопроизводства могъ нѣсколько модифицироваться въ зависимости отъ предмета обвиненія, личнаго характера заинтересованныхъ сторонъ и другихъ обстоятельствъ. Церковь строго слѣдила за соблюденіемъ этого порядка, осуждая отклоненія отъ него, какъ „дѣло неразумное и достойное презрѣнія“ ³⁾ и даже, какъ намъ уже извѣстно, поставляя въ зависимость отъ выполненія разныхъ процессуальныхъ формальностей самую законность судебного приговора.

Дальнѣйшая дѣятельность суда, послѣ постановленія приговора, состояла въ слѣдующемъ.

Если судебный приговоръ былъ произнесенъ надъ епископомъ, изобличеннымъ въ ереси, то лица, ранѣе отлученныя имъ, принимались въ церковное общеніе и возстановлялись въ прежнее достоинство (своего рода *in integrum restitutio*). Въ посланіи папы Целестина къ еп. Антиохійскому Іоанну читаемъ: „если кто или Несторіемъ или кѣмъ либо изъ его послѣдователей, съ того времени какъ начали они разглашать свое ученіе, былъ удаленъ отъ общенія, лишенъ былъ іерейской чести или другаго сана въ клирѣ, тотъ всегда былъ и теперь пребываетъ въ общеніи съ нами. Не считаемъ его правильно отлученнымъ, потому что не могъ никого отлучить судъ таковаго человѣка, который самъ себя сдѣлалъ достойнымъ отлученія“ ⁴⁾.

Затѣмъ, епископы признавали за благо письменно извѣщать церкви и православный народъ о судебныхъ рѣше-

¹⁾ Molitor. S. 41—43; Gross. S. 13

²⁾ München. I S. 367.

³⁾ Дѣянія I. 722. 723. 786. 897 и др.

⁴⁾ Дѣянія I 413. См. 408—409. 439. 458 и др. Третій вселенскій соборъ узаконилъ это своимъ третьимъ канономъ.

ніяхъ ¹⁾. Побужденіе и цѣль подобныхъ извѣщеній ясно выражена въ окружномъ посланіи Александра, еп. Александрийскаго. „Такъ какъ католическая церковь составляетъ единое тѣло и по заповѣди божественнаго писанія должна блюсти единеніе духа въ союзѣ мира (Еф. IV. 3), то намъ надлежитъ посланіями извѣщать другъ друга о событіяхъ, случающихся у каждаго изъ насъ съ тѣмъ, чтобы страждетъ ли или радуется одинъ членъ, могли сострадать ему и сорадоваться и всѣ прочіе... А потому извѣщаемъ ваше благочестіе, возлюбленные и честнѣйшіе сослужители, съ тѣмъ, чтобы вы не принимали никакого изъ нихъ (аріанъ), когда бы кто захотѣлъ придти къ вамъ и не вѣрили ни Евсеію (еп. Никомидійскому), ни кому другому, кто сталъ бы писать за нихъ“ ²⁾.

Подобныя же посланія епископы отправляли и къ императору вмѣстѣ съ судебными протоколами ³⁾ и просьбою о томъ, чтобы императоръ, утвердивъ судебный приговоръ собственноручною подписью, присовокупилъ къ наказанію по церковнымъ канонамъ и наказаніе по государственнымъ законамъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, именно—когда осужденные церковію не хотѣли добровольно подчиниться церковному наказанію, епископы eo ipso прямо вынуждались обращаться за содѣйствіемъ къ государственной власти, такъ какъ церковь-духовное царство-располагала только духовными средствами воздѣйствія на членовъ своихъ и не могла употреблять внѣшне-принудительныхъ мѣръ, находящихся въ распоряженіи государства. Въ донесеніяхъ отцевъ III вселенскаго собора имп. Θεодосію и Валентиніану читаемъ: „мы лишили его (Несторія) священства и права учительства, которое онъ во зло употреблялъ и низложили его законнымъ порядкомъ... Да повелитъ же, ваше величество, да постановленное вселен-

¹⁾ Ibid. I. 186—197. 282—289. 726—734. II 14—16. III 664—665. IV 398—405 и мн. др. Иногда о судебномъ приговорѣ вѣдѣвались письменныя объявленія и возвѣщали публичные глашатаи. Императорскій чиновникъ Кандидіанъ, рассказывая о дѣяніяхъ Ефесскаго собора (431) замѣчаетъ «грамота о низложеніи его (Несторія) была выставлена публично. . Спустя немного я услышалъ, что даже публичные глашатаи ходятъ по площади и торжественно возвѣщаютъ о низложеніи Несторія». I 648 Сн. 303.

²⁾ Ibid. I. 32 и 39. Сн. 40—41. 62—63. II. 16. 300 III 38 и др.

³⁾ Ibid. I 613. 622. III 669 и др.

скимъ соборомъ возымѣло свою силу, бывъ подтверждено согласіемъ и одобреніемъ вашего благочестія.. Умоляемъ-повелите истребить въ церквахъ все его ученіе и книги его, какія гдѣ найдутся, предать огню. такъ какъ онъ посредствомъ ихъ старается уничтожить благодать Бога... Для яснѣйшаго и полнѣйшаго уразумѣнія дѣяній собора прилагаются присемь акты его ¹⁾. *Если же будутъ стараться убѣждать* (т. е. избѣгать церковнаго наказанія), говорятъ отцы Халкидонскаго собора о монахахъ Каросѣ и Дороеѣ, послѣдователяхъ Евтихія, то вселенскій соборъ опредѣляетъ, что *надъ ними имѣетъ силу то самое наказаніе, т. е. когда внѣшняя власть вспомоцествуетъ опредѣленію противъ непокорныхъ*“ ²⁾.

Императоры, не зараженные сочувствіемъ къ еретикамъ и не опутанные ихъ происками, а высоко державшіе знамя православнои вѣры, не отказывали церкви въ своемъ содѣйствіи: они издавали эдикты или даже писали цѣлыя посланія ³⁾, въ которыхъ говорили, что къ наказанію, наложенному на осужденныхъ самою церковію, они присоединяютъ еще и свое собственное, напр.: сожженіе еретическихъ книгъ ⁴⁾, запрещеніе еретикамъ явныхъ и тайныхъ собраній ⁵⁾, увеличеніе (иногда въ 10 разъ) государственныхъ налоговъ ⁶⁾, лишеніе общественной должности ⁷⁾, изгнаніе изъ царствующаго города ⁸⁾, ссылка ⁹⁾. Вотъ что узаконили относительно Евтихія и его послѣдователей, осужденныхъ Халкидонскимъ соборомъ, императоры Валентиніанъ и Маркіанъ: „постановляемъ симъ законамъ, чтобы они (евтихіане) не имѣли никакого позволенія сходиться или собираться или созывать монаховъ или

¹⁾ Ibid. I стр. 621. 725—726 и 622

²⁾ Ibid IV 78 Сн. I 721—726. IV 584—585 539. 666 и мн. др.

³⁾ См. напр. Дѣянія I. 176—185. 199—203 IV 404—443. V 460—560.

⁴⁾ Ibid. I 179. II 438—492 и др

⁵⁾ Ibid II 488. 490.

⁶⁾ I. 84.

⁷⁾ I 85 IV 166

⁸⁾ IV 166.

⁹⁾ I 202 306. II. 298—299 IV. 469

строить монастыри; и самыя мѣста, гдѣ они, можетъ быть, попытались бы когда собраться, конфисковать, если впрочемъ они собрались бы съ вѣдома владѣльца мѣста, если же безъ его вѣдома, то постановляемъ, управителя или съемщика того мѣста, наказавъ розгами, по конфискованіи, подвергнуть изгнанію. Кромѣ того, мы настаиваемъ, чтобы они ничего по завѣщанію не получали и не предоставляли тѣмъ, которые находятся въ томъ же заблужденіи, и не были допускаемы ни въ какую военную службу, развѣ только въ когортную или пограничную. Если же кто будетъ найденъ въ другой военной службѣ, кромѣ сказанной, или потому, что неизвѣстно было его уклоненіе въ богопочтеніи или потому, что онъ дошелъ до этого заблужденія посля вступленія въ полкъ, тотъ, по изгнаніи изъ военной службы, пусть получитъ такой плодъ своего безславія, что лишится сообщества лучшихъ людей и двора, и живетъ не иначе, какъ только въ томъ селеніи или городѣ, гдѣ родился. Если же нѣкоторые изъ нихъ рождены въ этомъ благополучномъ городѣ (сголицѣ), то пусть будутъ изгнаны и изъ этого царственнаго города, и изъ императорскаго округа и изъ всякой митрополіи. Это мы опредѣляемъ вообще о всѣхъ, одержимыхъ этою болѣзненною сверною или имѣющихъ подвергнуться ей... Вездѣ, гдѣ найдутся сочиненія ихъ, предавать огню, а тѣхъ, которые ихъ списывали, или давали другимъ для чтенія, по конфискаціи имѣнія, наказывать ссылкой... Осмѣливающійся учить противозаконному будетъ наказанъ тяжкимъ наказаніемъ, а тѣхъ, которые стараются слушать употребляющихъ сверныя разглагольствія, мы укроцаемъ пенею въ десять литръ золота. Ибо тогда устранится поводъ къ заблужденію, когда исчезнутъ и ученикъ и учитель грѣховъ“¹⁾.

Нарушителямъ своихъ опредѣленій касательно осужденныхъ церковію лицъ императоры угрожали самыми строгими наказаніями: денежнымъ штрафомъ и инфаміей²⁾, конфискаціей имущества³⁾ и даже самымъ крайнимъ наказаніемъ

¹⁾ Дѣянія IV 429—432. Тоже самое узаконяетъ имп. Маркіанъ въ своемъ «повторительномъ законѣ» Ibid. 454—460.

²⁾ Ibid. IV 432 V 438

³⁾ Ibid I 308. II 488. V. 439 VI. 539

(*ἔσχατην τιμωρίαν*)—смертною казнію „Повелѣваемъ, говорится въ эдиктѣ имп. Θεодосія противъ Несторіанъ, чтобы всѣ такого рода сочиненія (несогласныя съ православной вѣрой)... были сожгаемы и совершенно истребляемы, такъ чтобы никто не могъ ихъ читать, а тѣ, которые будутъ у себя держать и читать эти сочиненія, должны имѣть въ виду смертную казнь“ ¹⁾ Еще рѣшительнѣе выражается импер. Константинъ Великій въ окружномъ посланіи ко всѣмъ епископамъ и народамъ, написанномъ послѣ осужденія Арія: „всякое сочиненіе, написанное Аріемъ, какое у кого найдется, повелѣваемъ предать огню... Если же кто будетъ обличенъ въ утаеніи книгъ аріанскихъ и не представитъ ихъ тотчасъ же для сожженія, таковой, объявляемъ напередъ, будетъ наказанъ смертію: тому немедленно, по открытію вины, будетъ отсѣчена голова“ ²⁾.

Таковы-заключительные моменты процессуальной дѣятельности церкви (преимущественно по преступленіямъ противъ вѣры) и отношеніе императорской власти къ церковно-судебнымъ рѣшеніямъ.

¹⁾ Дѣвнія II. 493.

²⁾ Ibid. I 179—180.

Глава пятая.

Вопросъ объ организаціи судебныхъ инстанцій и о порядкѣ движенія по нимъ суднаго дѣла, детально разработанный церковнымъ законодательствомъ вселенскаго періода, не представляетъ особенныхъ затрудненій и, въ предѣлахъ самаго законодательства, не служитъ предметомъ ученыхъ контроверсъ въ канонической литературѣ, а потому мы ограничимся краткимъ изложеніемъ.

Недовольный приговоромъ первой инстанціи, безразлично—обвинитель или обвиняемый, могъ обратиться съ апелляціей къ высшему суду. Право апелляціи извѣстно было и процессу первыхъ трехъ вѣковъ христіанства: и тамъ недовольный рѣшеніемъ своего епископа могъ искать правосудія на помѣстномъ соборѣ, собиравшемся ежегодно два раза. А что помѣстные соборы и въ то время были не только законодательными и правительственными, но вмѣстѣ съ тѣмъ и судебными установленіями для дѣлъ, превышающихъ компетентность отдѣльныхъ епископовъ, это ясно изъ 37 Апостольскаго правила, узаконяющаго обычай двукратныхъ ежегодныхъ соборахъ, которое указываетъ для этихъ соборовъ, между прочимъ, слѣдующую цѣль: „да разрѣшаютъ случающіяся церковныя прѣвословія“. Однако въ періодъ до—Никейскій мы не находимъ яснаго разграниченія судебныхъ инстанцій, точныхъ предписаній касательно ихъ компетенціи, способа представленія апелляціонной жалобы и самаго порядка апелляціоннаго судопроизводства. Все это явилось только въ періодъ вселенскихъ соборовъ.

Организація судебныхъ инстанцій развивалась постепенно вмѣстѣ съ централизаціей церковнаго управленія.

Общепризнанный фактъ, что вся вообще организація церковнаго строя при христіанскихъ императорахъ стала сообразоваться съ политической организаціей, съ государственнымъ распорядкомъ римской имперіи (IV. 17; VI. 38): появлялось въ государственномъ строѣ новое дѣленіе на административные округа, обнимающіе извѣстный территоріальный районъ, съ опредѣленнымъ административнымъ центромъ—это дѣленіе отражалось и на организаціи церковнаго строя. Соотвѣтственно государственной провинціи появляется церковная провинція, территоріально совпадающая съ первой: епископы городовъ, входящихъ въ предѣлы митрополиі, составляли изъ себя какъ бы юридическое лицо, одну корпорацію—провинціальный соборъ; центральное же мѣсто между ними занималъ епископъ главнаго города митрополиі. Политическое объединеніе провинцій въ діоцезы послужило образцомъ для объединенія церковныхъ митрополій въ экзархаты или патріархаты—опредѣленные церковные округа, во главѣ которыхъ стояли патріархи. Такимъ образомъ, во времени Халкидонскаго собора (451 г.) въ церковной организаціи вполне опредѣлились слѣдующіе административные центры: епископъ во главѣ общины, митрополитъ—въ митрополиі и патріархъ—въ патріархатѣ. Одновременно и въ строгомъ соотвѣтствіи съ этимъ развилась цѣльная, вполне опредѣленная и законченная система судебныхъ инстанцій, черезъ которыя должно пройти судное дѣло для законнаго разрѣшенія.

Первою судебною инстанціею для *низшихъ клириковъ* до пресвитера включительно былъ судъ мѣстнаго епархіального епископа ¹⁾.

¹⁾ Что касается хореепископовъ, служившихъ помощниками для епископа въ участкахъ, на которые дѣлилась его парикія (епархіа), то они не имѣли самостоятельной юрисдикціи и если иногда производили судебныя разбирательства между членами клира и мирянами по маловажнымъ спорамъ и жалобамъ, то дѣйствовали въ этомъ случаѣ въ качествѣ делегатовъ отъ епископа. Ограничительныя мѣропріятія многихъ помѣстныхъ соборовъ, начиная съ IV в., направленные противъ института хореепископовъ (Неокес. 14; Анкир. 13. Антиох. 10 Сард. 6. Лаодик. 57), привели къ тому, что этотъ институтъ сталъ постепенно вымирать, замѣняясь новымъ институтомъ—періодевтовъ или странствующихъ съ цѣлію наблюденія визитаторовъ. (Лаодик. 57)

Законопоставленныя епископомъ (съ совѣтомъ пресвитеровъ) рѣшенія должны имѣть безусловно обязательную силу для всѣхъ клириковъ: неподчиненіе епископскому суду влекло за собою тяжкія послѣдствія. „Аще пресвитерь или діаконъ, извергаемый изъ сана своимъ епископомъ, дерзнетъ совершити какую либо священную службу, таковому отнюдь не позволятся на соборѣ ни надежду возстановленія въ прежній чинъ имѣти, ниже до принесенія оправданія допущену быти“. (Антиох. 4. Каро. 10. 11 и др.). Никто не только изъ клириковъ, но и изъ свѣтскихъ лицъ не долженъ самовластно препятствовать привести рѣшеніе епископа въ исполненіе, подъ угрозой денежнаго штрафа и инфаміи (Каро. 73). Ограждая самостоятельность епископскаго суда, церковныя правила того воспрещаютъ другимъ епископамъ принимать въ общеніе клириковъ осужденныхъ ихъ собственнымъ епископомъ: „аще который епископъ приметъ въ общеніе праведно извергаемыхъ за свои преступленія отъ церкви, да будетъ и самъ повиненъ равному осужденію съ уклоняющимися отъ правильнаго приговора своего епископа“ (Каро. 9. Сн. 1. 5. Ант. 6, 1. Сард. 13 и др.)¹⁾.

Недовольные приговоромъ своего епископа могли обратиться съ апелляціей къ областному собору, составлявшемуся сначала дважды, а потомъ одинъ разъ въ годъ. (Ап. 37, I. 5. IV. 19. Ант. 20; VI 8. Каро. 27 и др.). Такимъ образомъ, областной соборъ, подъ предсѣдательствомъ епископа главнаго города области (митрополита), служилъ второю судебною инстанціею по дѣламъ низшихъ клириковъ. Никейскій соборъ въ своемъ пятомъ канонѣ, подтверждая прежде всего самостоятельность епископскаго суда и ограждая его независимость отъ всякаго сторонняго произвола — „чтобы отлученные одними

¹⁾ Нѣкоторую особенность въ организаціи церковнаго суда первой инстанціи указываютъ правила для церкви Африканской. тамъ мѣстный епископъ единолично судилъ только самыхъ низшихъ клириковъ: иподіаконовъ, чтецовъ, пѣвцовъ, заклинателей и др; судъ же надъ діаконами и пресвитерами долженъ быть коллегіальный: діаконъ судилъ три, а пресвитера — шесть ближайшихъ епископовъ вмѣстѣ съ собственнымъ епископомъ (Каро. 29. Сн. 12). Возможность подобной организаціи легко объясняется особенною многочисленностью епископовъ въ Африканской области Fessler s. 76—77.

епископами не были приемлемы другими“—присовокупляетъ: „впрочемъ, да будетъ изслѣдуваемо не по малодушію ли или распрѣ или по какому либо подобному неудовольствію епископа подпали они отлученію И такъ, дабы о семъ происходить могло приличное изслѣдованіе, за благо признано, что-бы въ каждой области дражды въ годъ были соборы: чтобы всѣ вообще епископы области, собравшись воедино, изслѣдывали таковыя недоумѣнія и такимъ образомъ, достовѣрно оказавшіеся несправедливыми противъ епископа, основательно всѣмъ признаны были недостойными общенія, доколѣ не заблагоразсудитъ собраніе епископовъ произнести о нихъ болѣе снисходительное рѣшеніе“. Тоже самое предписываетъ и Антиохійскій соборъ: „въ симъ соборамъ да приступаютъ пресвитеры и діаконы и всѣ почитающіе себя обиженными и отъ собора да приемлютъ судъ“. (пр. 20).

Конечно, нерѣдко возможны были такіе случаи, когда обвиняемые клирики имѣли серьезныя причины выражать недовольство и приговоромъ областного собора (второй инстанціи) „Церковная практика показывала, пишетъ проф. Соколовъ, что помѣстный судъ, хотя бы и многихъ епископовъ одной области, не всегда оказывался достаточнымъ и удовлетворительнымъ. Мѣстныя воззрѣнія или интересы, симпатіи или антипатіи могли быть раздѣляемы почти всѣми епископами какой либо области, и однако же оказывалось, что подобное согласіе не служило еще гарантіею безпристрастія и справедливости судебного приговора по дѣлу одного изъ нихъ (а равно, прибавимъ мы, и по дѣлу низшихъ клириковъ, напр. по дѣлу пресвитера Евтихія). Бывало и такъ, что судьи высшей областной инстанціи не сходились между собою во мнѣніяхъ, и одни признавали подсудимаго виновнымъ, а другіе невиннымъ“¹⁾ (примѣромъ можетъ служить процессъ по дѣлу пресвитера Евтихія на Ефесскомъ соборѣ 449 г., который мы и изложимъ нѣсколько ниже). Въ виду этого, пока не существовало иного административнаго центра, кромѣ митрополіи, ощущался недостатокъ въ высшей судебной инстанціи, гдѣ бы могли получить окончательное рѣшеніе своего дѣла лица, недовольныя приговоромъ областного собора. Для такихъ

¹⁾ Прав. Обзор. 1870. II 606.

лицъ предстояла слѣдующая альтернатива: ждать открытія вселенскаго или другаго большаго собора или обратиться за правосудіемъ къ свѣтской власти. Съ объединеніемъ провинцій въ экзархаты, съ патріархами во главѣ, въ этихъ высшихъ центрахъ и указана была правилами третья и послѣдняя судебная инстанція. Въ западной церкви высшею судебною инстанціею служилъ епископъ города Рима, которому канонами предоставлено было право или назначить новыхъ судей изъ ближайшихъ епископовъ для пересмотра дѣла или отправить туда своихъ мѣстоблюстителей (Сард. 3. 4. 5.) ¹⁾.

Судебный процессъ по жалобамъ и обвиненіямъ *противъ епископовъ* въ обыкновенномъ порядкѣ судопроизводства проходилъ двѣ инстанціи: 1) областной соборъ подъ предсѣдательствомъ митрополита и 2) окружный или „большій соборъ великія области“. Второй веленскій соборъ (6 пр.) повелѣваетъ обвиняющимъ епископа „представити свои обвиненія всѣмъ епископамъ области, и предъ ними подтверждати доводами свои доносы на епископа подвергшагося отвѣту (первая инстанція). Аще же епископы соединенныхъ епархій, паче чаянія, не въ силахъ будутъ возстановити порядокъ, по возводимымъ на епископа обвиненіямъ: тогда обвинители да приступятъ къ большому собору епископовъ великія области, по сей причинѣ созываемыхъ (вторая инстанція—со времени

¹⁾ Такъ какъ Африканская церковь строго запрещала переносить судебныя дѣла для рѣшенія «за море», т. е. къ Италійскимъ епископамъ вообще и римскому престолу въ частности, угрожая за это лишеніемъ церковнаго общенія во всей Африканской области (Каро. 37. 139 118), то судебныя инстанціи для низшихъ клириковъ опредѣлены были здѣсь слѣдующимъ образомъ: 1) судъ мѣстнаго епископа (съ тремя другими епископами для діакона и шестью—для пресвитера—Каро. 29, 12); 2) судъ ближайшихъ епископовъ, избираемыхъ апеллирующими съ согласія собственнаго епископа (Каро. 139, 37. 11) и 3) областной соборъ подъ предсѣдательствомъ митрополита. «Опредѣлено, чтобы, когда пресвитеры и діаконы и проч. низшіе причетники, по возникшимъ у нихъ дѣламъ жалуются на судъ своихъ епископовъ (первая инстанція), выслушивали ихъ сосѣдніе епископы и чтобы, съ согласія собственныхъ ихъ епископовъ прекращали возникшія между ними неудовольствія приглашенные ими епископы (вторая инстанція). Аще и отъ сихъ къ высшему суду восхотятъ пренести дѣль: да не преносятъ въ суды по ту сторону моря, но къ первенствующимъ епископамъ своихъ областей... (третья инстанція) Каро. 37.

Халкидонскаго собора—Константинопольскій патріархъ для восточныхъ епископовъ и римскій престоль—для Западныхъ—IV. 9. 17. 28.) Впрочемъ, иногда и судебныя дѣла епископовъ могли пройти три инстанціи: первую инстанцію въ этихъ случаяхъ составлялъ соборъ ближайшихъ епископовъ, назначаемыхъ митрополитомъ области, вторую—областный соборъ подъ предсѣдательствомъ митрополита ¹⁾ и третью окружный соборъ или Константинопольскій патріархъ. „Обыкновенный порядокъ судопроизводства надъ епископами, говорить преосв. Іоаннъ, еп. Смоленскій, въ древнія времена былъ таковъ, что преступленія ихъ или обвиненія и жалобы на нихъ отъ другихъ сперва были разсматриваемы соборами нѣсколькихъ епископовъ, по назначенію митрополитовъ. Отсюда дѣло могло перейти къ большому собору областному, подъ личнымъ предсѣдательствомъ митрополитовъ, или еще могло быть перенесено къ полному собору окружному“ ²⁾).

Обыкновенною судебною инстанціею по преступленіямъ *областныхъ митрополитовъ* и жалобамъ на нихъ служилъ окружный соборъ; недовольные рѣшеніемъ этого собора могли обратиться на востокъ—къ Констант. патріарху, а на западъ—къ римскому папѣ. (IV 9. 17 28. Сард, 3. 4. 5.).

¹⁾ По правиламъ собора Антиохійскаго, въ случаѣ разногласія между епископами областного собора, митрополитъ имѣлъ право пригласить на соборъ епископовъ изъ сосѣднихъ областей (Ант. 14.). Въ случаѣ же единодушнаго приговора епископовъ областного собора, обвиняемый епископъ уже не могъ обращаться съ апелляціею къ епископамъ иныхъ областей. (Ант. 15). Последнее правило, по объясненію преосв. Іоанна, ограждало независимость суда областныхъ соборовъ и направлено было противъ тѣхъ, которые, изъ личныхъ видовъ, принимали къ себѣ и оправдывали осужденныхъ единогласнымъ рѣшеніемъ епископовъ своей области; Подобное отношеніе къ рѣшеніямъ областныхъ соборовъ нерѣдко допускали римскіе папы, какъ видно напр. изъ письма отцевъ Африканскаго собора (427 г.) къ папѣ Целестину. Опытъ курса... I 405 Письмо—См. Дѣяній помѣстныхъ соборовъ въ русск. перев.

²⁾ Опытъ курса церк. Законовѣд. в. I. стр. 405. Въ Африканской церкви порядокъ судебныхъ инстанцій по дѣламъ епископовъ былъ таковъ: 1) судъ двѣнадцати сосѣднихъ епископовъ (Каре 12) 2) соборъ нѣсколькихъ епископовъ по назначенію митрополита и 3) областной соборъ подъ личнымъ предсѣдательствомъ послѣдняго (Каре. 37. 139). Подробный анализъ правилъ правилъ Африканской церкви касательно церковнаго судопроизводства сдѣланъ Фесслеромъ. Стр. 76—83.

Судъ надъ *патріархами* принадлежалъ собору патріарховъ или вселенскому собору.

Вселенскій соборъ не входилъ въ кругъ инстанцій обыкновеннаго судопроизводства: это была временная и притомъ чрезвычайная мѣра, вызываемая исключительными обстоятельствами церковной жизни. Онъ простиралъ свою власть на всю вселенскую церковь и произносилъ окончательный приговоръ по всякаго рода процессамъ между епископами, митрополитами и патріархами.

Вотъ установленный вселенскимъ законодательствомъ порядокъ судебныхъ инстанцій, чрезъ который въ строгой постепенности могъ проходить церковный процессъ. Церковь заботливо охраняла этотъ порядокъ движенія суднаго дѣла отъ всякихъ нарушеній, угрожая наказаніемъ тѣмъ епископамъ и клирикамъ, которые, пренебрегая церковнымъ судомъ, стали бы просить у императора свѣтскихъ судей. „Аще кто, говоритъ II вселенскій соборъ (381 г.), презрѣвъ, по предварительному дознанію, постановленное рѣшеніе, дерзнетъ или слухъ царскій утруждати или суды мірскихъ начальниковъ или вселенскій соборъ безпокоити, къ оскорбленію чести всѣхъ епископовъ области: таковой отнюдь да не будетъ приємлемъ со своею жалобою, яко нанесшій оскорбленіе правиламъ и нарушившій церковное благочиніе (6 пр. св. IV 9) Еще яснѣе и рѣшительное выражается на этотъ счетъ Гипсонскій соборъ 397 г.: „ето бы то ни былъ изъ епископовъ или пресвитеровъ или діаконъ или причетниковъ, аще имѣя возникшее въ церкви дѣло обвинительное или тяжebное, отречется отъ церковнаго суда и восхоцетъ оправдатися предъ судилищами свѣтскими, лишался своего мѣста, хотя бы и въ пользу его рѣшеніе послѣдовало. И сіе по дѣлу обвинительному, по дѣлу же тяжebному да лишается того, что приобрѣлъ по рѣшенію дѣла, аще хоцетъ удержати мѣсто свое“. (Карѣ. 15) ¹⁾.

¹⁾ Правда, въ церковно-судебной практикѣ вселенскаго періода нерѣдки случаи обращенія духовныхъ лицъ за правосудіемъ къ императорской власти. Но чаще всего эти случаи наблюдались тогда, когда несправедливо гонимые истощали всѣ средства, указанныя церковнымъ законодательствомъ къ дознанію истины, къ восстановленію попираемой справедливости, когда они видѣли въ судьяхъ враговъ, явно покровительствовавшихъ обвините-

Указанный порядокъ инстанцій церковнаго суда былъ окончательно утвержденъ имп. Юстиніаномъ съ незначительными дополненіями, не противорѣчащими духу и требованіямъ вселенскаго законодательства, именно: въ церковномъ судопроизводствѣ императоръ отводитъ больше мѣста началу единоличному сравнительно съ коллегіальнымъ—соборнымъ въ виду того, что соборы представляютъ изъ себя явленіе періодическое, а не постоянное. Въ 137 новеллѣ Юстиніанъ говорить, что если обвиняется епископъ, то дѣло разбираетъ его митрополитъ; если—митрополитъ, то блаженѣйшій патріархъ, рукоположившій его; если обвиняется пресвитерь, діаконъ или другой клирикъ, или настоятель, или монахъ, то изслѣдуетъ обвиненіе честнѣйшій епископъ, поставившій ихъ. Коль скоро истина преступленія изслѣдована и доказана, то каждый, смотря по преступленію, подвергается церковнымъ нака-

лямъ и не внимавшихъ ихъ законнымъ требованіямъ (см напр: процессъ противъ св. Аеанасія, изложенный у Фесслера. с 33 исл.) Между тѣмъ вышеприведенныя правила вооружаются главнымъ образомъ противъ тѣхъ, которые обращаются къ свѣтской власти, обходя церковныя суды (Каро. 15) или пренебрегая законно поставленными рѣшеніями ихъ (II. 6). Кромѣ того, каноны, запрещающія клирикамъ судиться по церковнымъ дѣламъ и отношеніямъ въ свѣтскихъ судилищахъ, не возбраняютъ имъ «просити себѣ отъ царя суда епископскаго» (Каро 117) Церковная практика свидѣтельствуетъ, что императоры не присвоивали себѣ права суда по вопросамъ, подлежащимъ церковной компетенціи, а отсылали просителей къ церковному суду (см. напр. акты IV в соб.—III и IV т. Дѣяній). Бл Августинъ говоритъ объ отношеніи Константина Великаго къ обращающимся къ нему за судомъ донатистамъ: «*majores vestri (донатисты) causam Caeciliani ad Imp. Constantinum detulerunt. Sed quia Constantinus non est ausus de causa episcopi judicare, eam discutiendam atque finiendam episcopus delegavit. Quod et factum est in urbe Roma praesidente Melchiade. episcopo illius ecclesiae, cum multis collegis suis.*» Epist. 105 n. 8. Еще: *Neque enim ausus est christiannus Imperator sic eorum tumultuosas et fallaces querelas suscipere, ut de judicio episcoporum, qui Romae sederant, ipse judicaret, sed alios episcopos dedit* Epist. 43 n 20. Много такихъ мѣстъ приводится у Фесслера с. 26—33 въ прим. Сн. Суворовъ: Курсъ цер. права II. 166 прим. 145) Такъ какъ право суда и въ подобныхъ случаяхъ, по признанію самихъ императоровъ, принадлежало церковной власти то заключать отсюда, будто бы императоръ служилъ высшею церковно-судебною инстанціею, нѣтъ еще достаточныхъ основаній.

заніямъ судомъ, изслѣдовавшимъ это преступленіе ¹⁾. Самый порядокъ постепеннаго движенія суднаго дѣла по инстанціямъ указанъ Юстиніаномъ въ 123 новеллѣ. Если честнѣйшіе епископы, говорится здѣсь, имѣютъ между собою тяжбу по первовному или по другому какому-либо дѣлу, то да разбираетъ ихъ дѣло прежде всего ихъ митрополитъ съ двумя другими епископами изъ собственнаго собора; и еслибы какая либо изъ сторонъ осталась недовольною, въ такомъ случаѣ блаженнѣйшій патріархъ того округа выслушиваетъ ихъ и полагаетъ рѣшеніе, согласное съ церковными канонами и законами, такъ что ни одна изъ сторонъ не можетъ возражать противъ его опредѣленія. Если же на епископа будетъ принесена жалоба отъ клирика или другаго кого либо, то ихъ тяжбу разбираетъ честнѣйшій митрополитъ по святымъ правиламъ и нашимъ законамъ; и если какая либо изъ сторонъ не будетъ довольна, то дѣло восходитъ къ блаженнѣйшему патріарху того округа и онъ на основаніи правилъ и законовъ полагаетъ конецъ жалобѣ. Если же на митрополита будетъ принесена подобная жалоба—отъ епископа-ли или клирика, или другаго какого либо лица, то разбираетъ дѣло патріархъ того округа подобнымъ образомъ ²⁾.

Послѣ того какъ порядокъ церковно-судебныхъ инстанцій въ періодъ вселенскихъ соборовъ, окончательно опредѣлился, апелляція сдѣлалась явленіемъ обычнымъ, зауряднымъ. Какъ въ римскомъ уголовномъ процессѣ императорскаго періода апелляція практиковалась настолько часто, что представляла, по выраженію Гейба, какъ бы необходимую составную часть судопроизводства—только съ нею процессъ считался дѣйствительно законченнымъ (въ противоположность прежнему времени, когда она въ формѣ provocatio разсматривалась какъ уклоненіе отъ существующаго производства) ³⁾, такъ точно и въ церковно-судебной практикѣ вселенскаго періода рѣдкій процессъ не восходилъ къ высшему суду въ порядкѣ апелляціонномъ. И какъ тамъ допускались только двѣ апелляціи по одному и тому же дѣлу, слѣдовательно каждое дѣло могло

¹⁾ Nov. 137. c. 5.

²⁾ Nov. 123. c. 22.

³⁾ Geib: s. 675—676.

пройти не болѣе трехъ судебныхныхъ инстанцій ¹⁾, такъ точно было и въ церковномъ процессѣ. Послѣ собора Сардиійскаго (347 г.) св. Аѳанасій Александрійскій писалъ въ своей апологіи противъ Аріанъ: „мое дѣло не требуетъ дальнѣйшаго суда—оно уже рѣшено и не одинъ разъ, не дважды, но болѣе. Въ первый разъ въ моей собственной области Египетской ближайшими 100 епископами; другой разъ—въ Римѣ болѣе чѣмъ 50 епископами; третій разъ на великомъ соборѣ въ Сардиѣ; и съ этими рѣшеніями согласны болѣе 300 епископовъ изъ различныхъ провинцій отъ Египта до Далматіи, Панноніи, Италіи, Африки, Испаніи, Галліи и Британіи. То, что изслѣдовано и рѣшено столь многими епископами,—по истинѣ, излишне снова изслѣдывать и рѣшать, дабы не подать повода всегда снова начинать изслѣдованіе и не сдѣлать процессъ безъ конца“ ²⁾. Даже такіе горячіе защитники самобытности церковнаго судопроизводства, какъ Фесслеръ, а за нимъ и нашъ канонистъ г. Заозерскій, согласны съ тѣмъ, что въ приведенныхъ словахъ св. Аѳанасія обнаруживается основное начало церковнаго процесса,—*безъ сомнѣнія общее съ гражданскимъ*, по которому каждое дѣло, если оно однажды рѣшено, не можетъ быть привлечено къ изслѣдованію неограниченное число разъ; ограниченіе находитъ себѣ мѣсто въ третьемъ приговорѣ ³⁾.

По правиламъ вселенскаго законодательства аппелляція не допускалась только въ слѣдующихъ случаяхъ:

1) (Въ спорныхъ дѣлахъ) отъ тѣхъ влириковъ, дѣло которыхъ было рѣшено судьями, избранными полюбовнымъ соглашеніемъ: аще по согласію обѣихъ сторонъ судящихся избраны будутъ судьи, то, хотя бы число ихъ было менѣе определеннаго въ правилахъ (12—по дѣлу епископа, 6—пресвитера и 3—діакона) да не будетъ позволено преносити судъ къ другимъ (Кар. 17. Сн. 107. 135). Причина, въ силу которой приговоръ третейскихъ судей не могъ подлежать обжалованію, заключается, по объясненію Аристина, въ томъ, что „отзывъ исправляетъ неискусство или несправедливость

¹⁾ Schulin. s. 601, Geib. S. 675 683.

²⁾ Апологія противъ аріанъ. Гл. I.

³⁾ Fessler. s. 54 Заозерскій 296 стр.

судьи; но какимъ образомъ выбравшій самъ себѣ церковныхъ судей, которыхъ призналъ безкоризненными и по разуму и по жизни, будетъ допущенъ говорить, что его судили или неискусно, или несправедливо, и наводитъ какъ бы нѣкоторое нареканіе на священныхъ мужей, якобы осужденныхъ имъ¹⁾. Нельзя сомнѣваться въ томъ, что въ этомъ случаѣ церковь усвоила воззрѣнія римскаго права на арбитровъ, какъ это видно изъ сопоставленія церковныхъ правилъ съ ученіемъ римскихъ классическихъ юристовъ²⁾.

2) отъ епископовъ, пресвитеровъ и діаконовъ, лишенныхъ сана компетентнымъ судомъ, если они, прежде разсмотрѣнія ихъ жалобы въ апелляціонномъ порядкѣ, дерзнутъ совершить какую либо службу, свойственную ихъ прежнему сану и тѣмъ обнаружатъ непокорство законной власти и желаніе насильственно удержать свой санъ и дѣйствовать его правами³⁾.

и 3) отъ тѣхъ духовныхъ лицъ, которыя, пренебрегая установленнымъ вселенскимъ законодательствомъ порядкомъ обжалованія судебныхъ рѣшеній, будутъ искать пересмотра своего дѣла свѣтскою властію (Антиох. 12; II. 6. Каре. 117.)

На основаніи этихъ правилъ, говорить преосв. Іоаннъ, св. Аеанасій Великій и Іоаннъ Златоустъ, хотя и несправедливо осуждены были нѣкоторыми соборами, но и бывъ возвращены царскою властію изъ заточенія, не рѣшались занять своихъ каедръ, пока не были оправданы соборами, большими и важнѣйшими тѣхъ, которыми осуждены были⁴⁾.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда аппеляція допускалась, пересмотръ дѣла высшей судебной инстанціей не заключалъ въ себѣ ничего оскорбительнаго для суда низшей инстанціи, если только приговоръ послѣдняго не былъ основанъ на личномъ

¹⁾ Книга правилъ II. 1314. Толк. на Каре. пр. 14—18.

²⁾ Вотъ для примѣра: Кароагенскій соборъ 418 г. говоритъ въ 121 канонѣ (въ книгѣ правилъ—135): «ut si tres elegerint, omnium sententiam sequantur aut duorum; то же самое говоритъ и Ульпианъ: si in tres fuerit compromissum, sufficere duorum consensum, si praesens fuerit et tertius. Dig. IV, 8. fr. 17. § 7. Сн. § 6.

³⁾ Антиох. 4. Каре. 38. Сард. 14. См. Толк. преосв. Іоанна. Опытъ I 392—393.

⁴⁾ Опытъ курса I. 404.

пристрастіи, враждѣ или какихъ либо своекорыстныхъ побужденіяхъ: еще отъ какихъ бы то ни было судей церковныхъ судное дѣло перенесено будетъ къ другимъ судьямъ церковнымъ, имѣющимъ высшую власть: да не будетъ никакого нареканія тѣмъ, коихъ приговоръ отмѣненъ будетъ, еще не могутъ быти обличены, яко или по враждѣ или по пристрастію осудили, или нѣкимъ угожденіемъ прельщены были. (Каро. 16).

Пока высшій судъ не пересмотритъ дѣло самымъ тщательнымъ образомъ и не постановитъ новое рѣшеніе, приговоръ низшаго суда долженъ сохранять полную силу (Ант. 6. Сард. 13.); по церковнымъ правиламъ исполненіе этого приговора могло быти на нѣкоторое время пріостановлено въ тѣхъ случаяхъ, если приговоръ былъ результатомъ *минутнаго раздраженія, вспышки гнѣва*: еще обрящется нѣкій епископъ, склонный ко гнѣву (что въ таковомъ мужѣ не должно имѣти мѣста) и *внезапно бывъ раздраженъ на пресвитера или діакона*, восхощетъ изринути нѣкоего изъ церкви: *подобаетъ предохраненіе употребити, да не тотчасъ таковой будетъ осуждаемъ и лишаемъ общенія*. Всѣ епископы рекли: извергаемый да имѣетъ право прибѣгнути къ епископу митрополи тоя же области. Еще же епископа митрополи нѣтъ намѣстѣ, прибѣгнути къ сосѣдственному епископу и просити, да со тщаніемъ изслѣдуется дѣло. Ибо не должно заграждати слуха отъ просящихъ. А епископъ оный, праведно или неправедно извергшій таковаго, благодушно сносити долженъ, да будетъ изслѣдованіе дѣла, и приговоръ его или подтвержденъ будетъ или получить исправленіе. Но прежде нежели тщательно и вѣрно изслѣдованы всѣ обстоятельства, отлученный отъ общенія до рассмотрѣнія дѣла, не долженъ присвояти себѣ общенія. Еще же сошедшея нѣкоторыя изъ клира увидятъ въ немъ пренебреженіе власти и надменность, то... должны ствуютъ нѣсколько суровыми и тяжкими словами обращаться его къ порядку, да соблюдается покорность и повиненіе повелѣвающему должное... (Сард. 14).

Апелляціонное судопроизводство открывалось чтеніемъ апелляціонной жалобы и судебныхъ протоколовъ низшей инстанціи ¹⁾, доставлявшихся высшему суду или самими судьями,

¹⁾ Дѣянія... III. 145. 509; V 250 и др.

рѣшеніе которыхъ было обжаловано, ¹⁾ или чаще всего нотаріями, хранителями протоколовъ; послѣдніе, по требованію высшаго суда, обязаны были представить всѣ документы, необходимые при пересмотрѣ дѣла ²⁾.

При чтеніи судебныхъ протоколовъ низшей инстанціи высшій судъ слѣдилъ за тѣмъ, не было ли допущено нарушенія основныхъ правилъ судопроизводства или уклоненій отъ выработаннаго церковно-судебной практикой порядка его. Наличие такихъ нарушеній или уклоненій могла служить основаніемъ къ отмѣнѣ приговора низшей инстанціи и постановкѣ новаго рѣшенія. Во всемъ остальномъ при апелляціонномъ судопроизводствѣ соблюдались тѣже требованія и тотъ же порядокъ, какъ и при разбирательствѣ дѣла въ первой инстанціи.

Въ качествѣ иллюстраціи изложимъ тотъ-же процессъ противъ архимандрита Евгихія во второй и третьей судебныхъ инстанціяхъ. Первую инстанцію, какъ мы видѣли, составлялъ областной соборъ—Константинопольскій изъ 32 епископовъ, подъ предсѣдательствомъ архіепископа Флавіана (448 г.); вторую—большій соборъ Ефесскій изъ 128 епископовъ разныхъ областей подъ предсѣдательствомъ Діоскора Александрійскаго (449 г.); на этомъ соборѣ (предполагавшемся—быть вселенскимъ) присутствовали іерархи всѣхъ знатнѣйшихъ восточныхъ церквей и папскіе легаты; третью инстанцію составлялъ соборъ Халкидонскій—четвертый вселенскій (451 г.) Правда, Ефесскій соборъ, получившій въ исторіи позорное наименованіе „разбойничьяго“, вслѣдствіе допущенныхъ на немъ незаконныхъ и насильственныхъ дѣйствій, не пользуется уваженіемъ въ церкви; однако, при изученіи вопроса о церковномъ судопроизводствѣ, онъ не лишенъ интереса—именно своею отрицательною стороною: знакомство съ дѣяніями этого собора и отношеніемъ къ нимъ собора Халкидонскаго даетъ изслѣдователю фактическое подтвержденіе того, что церковь, дѣйствительно, строго осуждала нарушеніе законнаго ея порядка судопроизводства.

¹⁾ Дѣянія вс. соб. III 203.

²⁾ Ibid. стр. 309.

На Ефесскій соборъ ¹⁾ были командированы имп. Θεοδοσιємъ два комиссара — Елпидій и Евлогій — съ порученіемъ, какъ гласило о томъ высочайшее повелѣніе: не допускать ни въ какомъ случаѣ никакого безпорядка; заключать подъ стражу и извѣщать императора о всѣхъ, начинающихъ возмущеніе и безпорядки, къ оскорбленію святой вѣры; наблюдать за тѣмъ, чтобы разслѣдованіе дѣла происходило въ порядкѣ, чтобы рѣшеніе собора было скорое и осмотрительное, дабы никто изъ прежнихъ судей не принималъ участія въ новомъ процессѣ, чтобы прежде окончанія споровъ о вѣрѣ судъ не занимался никакимъ другимъ спорнымъ вопросомъ, имѣющимъ частно-правовой интересъ; въ случаѣ надобности, комиссары могутъ пригласить на помощь гражданскія и военныя силы; наконецъ, они обязаны были, по окончаніи соборныхъ засѣданій, доставить императору свѣдѣнія по этому дѣлу ²⁾.

Послѣ того, какъ первый изъ нотаріевъ пресвитеръ Іоаннъ прочиталъ подписанную Евтихіемъ апелляціонную жалобу на Флавіана и Евсевія и приложенное къ ней исповѣданіе вѣры, архіеп. Флавіанъ, присутствовавшій на соборѣ, заявилъ, чтобы еп. Евсевій Дорилейскій, обвинитель Евтихія, былъ допущенъ къ суду, какъ этого требуютъ судебный порядокъ и церковные законы. Императорскій комиссаръ Елпидій возразилъ на это: „императоръ, будучи самъ первымъ исполнителемъ устава законовъ, котораго онъ есть виновникъ и хранитель, повелѣлъ прежнимъ судьямъ встать въ ряду подсудимыхъ и не имѣть права учить другихъ. А потому на сдѣланное архіеп. Флавіаномъ заявленіе я замѣчаю: обвинитель (Евсевій) уже представилъ свое обвиненіе и, какъ онъ думаетъ, доказалъ его; а теперь прежній судья долженъ дать отвѣтъ за произнесенный имъ по тому обвиненію приговоръ, какъ за свое собственное дѣло, — какъ это наблюдается въ гражданскомъ правѣ. И такъ вы (епископы собора) собрались теперь чтобы судить судей, а не выслушивать снова обвинителя и тѣмъ подавать поводъ въ новому волненію. Поэтому прикажите прочитать по порядку все, учиненное по этому дѣлу,

¹⁾ Судебные протоколы этого собора — см. Дѣлнія вс. соб III 146—491.

²⁾ Дѣлнія III 154—155.

сколько вамъ покажется пужнымъ“. Предложеніе Елпидія, одобренное Діоскоромъ, были принято соборомъ и, такимъ образомъ, Евсевій не былъ допущенъ къ суду ¹⁾).

Началось чтеніе судебныхъ протоколовъ первой инстанціи, изрѣдка прерываемое отдѣльными замѣчаніями и пезначительными преніями присутствовавшихъ на соборѣ епископовъ. По окончаніи чтенія, Діоскоръ сталъ собирать голоса объ Евтихій отъ всѣхъ епископовъ порознь и въ результатѣ получилось оправданіе Евтихія и возстановленіе его въ прежнее достоинство. Послѣ этого, согласно докладу перваго изъ нотаріевъ, была прочитана записка монаховъ подвѣдомственнаго архимандриту Евтихию монастыря, въ которой они просили соборъ разрѣшить „отъ узъ неправеднаго отлученія“, наложеннаго архіеп. Флавіаномъ и тяготѣющаго надъ ними уже въ теченіи девяти мѣсяцевъ, и возвратитъ отнятое право на участіе въ богослуженіи. Предложивъ монахамъ нѣсколько вопросовъ о вѣрѣ и убѣдившись въ томъ, что они согласны съ исповѣданіемъ Евтихія, Діоскоръ склонилъ соборъ возвратитъ просителямъ „и достоинство, и общеніе таинствъ“.

Когда затѣмъ, по предложенію Діоскора, были прочитаны опредѣленія о вѣрѣ третьяго вселенскаго собора, Діоскоръ сказалъ: „думаю, что всѣмъ правится изложеніе св. отцевъ, собиравшихся нѣкогда въ Никеѣ, которое утвердилъ и святой соборъ, собиравшійся здѣсь (въ Ефесѣ) прежде и опредѣлилъ содержать его одно, какъ пріятное Богу и достаточное

¹⁾ Когда Халкидонскій соборъ потребовалъ у Діоскора объясненія, почему онъ не допустилъ къ суду Евсевія, Діоскоръ въ свое оправданіе сталъ ссылаться на заявленіе Елпидія, говоря «я не думалъ запрещать, если бы Елпидій не представилъ предложенія, утверждая, что императоръ повелѣлъ ему (Евсевію) не входить». Въ отвѣтъ на такое оправданіе присутствовавшіе на соборѣ сенаторы замѣтили: «когда дѣло идетъ о судѣ по преступленіямъ противъ вѣры, тогда не имѣетъ силы подобное извиненіе» (Дѣянія III 197—198). Слова сенаторовъ имѣютъ высокую важность: они показываютъ, какъ свободна и независима была церковь въ своемъ судѣ—ни императоръ, ни его комиссаръ не могли нарушить судебного порядка и церковныхъ законовъ; даже по мнѣнію самого сената, для предсѣдателя суда, если онъ поступилъ вопреки церковнымъ правиламъ, не могла служить извиненіемъ ссылка на то, что въ данномъ случаѣ онъ слѣдовалъ приказанію императора или его комиссара

для спасенія. А мы знаемъ, что они опредѣлили такъ: если кто вопреки этому будетъ говорить или мудрствовать, или вводить новое или изслѣдовать, тотъ подвергается осужденію. Что вы думаете? Пусть каждый письменно выскажетъ, какое онъ имѣетъ мнѣніе. Можемъ ли мы изслѣдовать или вводить новое вопреки этому? Если же кто либо изслѣдовалъ выше того, что опредѣлено и одобрено, тотъ не будетъ ли по всей справедливости подлежать осужденію отцовъ? Не трудно было понять, что Діоскоръ, превратно толкуя опредѣленія Ефесскаго собора, направлялъ дѣло къ осужденію архіеп. Флавіана, такъ какъ послѣдній, кромѣ Нивео-цареградскаго символа, потребовалъ отъ Евтихія исповѣданія двухъ естествъ во Христѣ. И дѣйствительно, какъ только епископы заявили свое полное согласіе съ опредѣленіями прежнихъ соборовъ о вѣрѣ, Діоскоръ сказалъ: „Ефесскій соборъ постановилъ, что никому не позволяется излагать другую вѣру, кромѣ этой. . а тѣхъ, которые покушаются составлять чтонибудь новое. . подвергъ извѣстнымъ наказаніямъ, именно: если то будутъ епископы, отчуждать отъ епископства, если клирики—отъ клира, а если миряне—отлучать отъ общенія съ церковію. Флавіанъ же Константинопольскій и Евсевій Дорилейскій, какъ ясно видитъ весь соборъ, оказываются почти все извращающими и перестраивающими и подали поводъ къ соблазну и смятенію святымъ церквамъ и всѣмъ православнымъ народамъ; ясно, что они сами себя подвергли наказаніямъ, нѣкогда соборно опредѣленнымъ св. отцами. Поэтому и мы, утверждаясь на ихъ опредѣленіяхъ, присуждаемъ Флавіана и Евсевія къ лишенію всякаго священническаго и епископскаго достоинства. Каждый изъ присутствующихъ епископовъ пусть изложитъ свое мнѣніе и съ ясностію внесетъ его въ документы“. На это архіеп. Флавіанъ сказалъ: „апеллирую на тебя“. Вслѣдъ за нимъ римскій легатъ—діаконъ Иларій повторилъ: „*contradictur*, то есть—возражается“. Изъ показаній присутствовавшихъ здѣсь епископовъ, данныхъ Халкидонскому собору, видно, что они сильно протестовали противъ низложенія Флавіана, но Діоскоръ насильственными мѣрами вынудилъ ихъ согласиться на несправедливый приговоръ и подписаться подъ соборными актами. Такъ закончился пересмотръ дѣла Евтихія во второй инстанціи. Черезъ два года, согласно письменной апелляціи, врученной арх. Флавіаномъ бѣжавшимъ съ собора

папскимъ легатамъ, это дѣло перешло въ третью инстанцію— на Халкидонскій, четвертый вселенскій соборъ (451 г.).

Халкидонскій соборъ ¹⁾ составленъ былъ изъ 630 епископовъ, подъ предсѣдательствомъ трехъ папскихъ легатовъ; здѣсь присутствовали, занимая почетныя мѣста, многіе сановники и сенаторы, называвшіеся общимъ именемъ „сенать“.

Соборныя засѣданія, происходившія въ церкви св. Евѳиміи, открылись рѣчью папскаго легата Пасхазина: „блаженнѣйшій епископъ города Рима, главы всѣхъ церквей, далъ намъ инструкцію, которою соблаговолилъ повелѣть, чтобы Діоскоръ не присутствовалъ на соборѣ, если же онъ попытается сдѣлать это, то былъ бы изгнанъ. И такъ, если ваша знатность (сенать) повелитъ, то или пусть онъ выйдетъ или мы удаляемся“. Сановники спросили: „какая вина возводится на Діоскора?“ Пасхазинъ отвѣтилъ: „когда онъ будетъ введенъ сюда въ качествѣ обвиняемаго, тогда и будетъ изложено обвиненіе“. Такъ какъ сенаторы продолжали настаивать на томъ, чтобы указана была причина, по которой Діоскоръ долженъ занять мѣсто подсудимаго, то другой папскій легатъ Луценцій сказалъ: „пустъ онъ отвѣтитъ за свой судъ въ Ефесѣ, ибо тамъ онъ предвосхитилъ право судьи, котораго не имѣлъ и дерзнулъ составить соборъ безъ дозволенія апостольскаго престола, чего никогда не было и не должно быть... мы не потерпимъ такого оскорбленія намъ и вамъ, чтобы вмѣстѣ съ судьями засѣдалъ тотъ, кто долженъ быть подсудимымъ“.

Когда Діоскоръ вышелъ на средину, гдѣ обычно становились обвиняемые, а папскіе легаты заняли свои мѣста, выступилъ впередъ Евсевій, еп. Дорилейскій и сказалъ: „я оскорбленъ Діоскоромъ, оскорблена вѣра; онъ умертвилъ еп. Флавіана и несправедливо осудилъ вмѣстѣ со мною; повелите прочесть мое прошеніе“. Сказавъ это, онъ сѣлъ рядомъ съ подсудимымъ.

По прочтеніи *libellus*, Діоскоръ, приглашенный отвѣчать на обвиненіе, сказалъ въ свое оправданіе, что соборъ Ефесскій созванъ былъ имъ не самовольно, а по высочайшему изволенію на то благочестивѣйшаго императора; что же ка-

¹⁾ Соборныя акты—см. въ III т. Дѣяній вс. соб. съ 122 стр.

сается изложенія архіеп. Флавіана, то объ этомъ составлены судебные протоколы, которые и слѣдуетъ прочитать. Обвинитель—еп. Евсеій присоединился къ желанію Діоскора и, такимъ образомъ, началось чтеніе актовъ Ефесскаго собора 449 г., подъ предсѣдательствомъ Діоскора (второй судебной инстанціи) и Константинопольскаго 448 г. подъ предсѣдательствомъ арх. Флавіана (первой инстанціи). Чтеніе было не разъ прерываемо замѣчаніями епископовъ, присутствовавшихъ на Ефесскомъ соборѣ, изъ которыхъ съ ясностію обнаружилось насиліе, допущенное Діоскоромъ надъ епископами въ цѣляхъ изложенія Флавіана и вообще нарушеніе имъ установленнаго порядка судопроизводства¹⁾.

Въ виду наступленія ночи, сенаторы предложили со своей стороны слѣдующее мнѣніе: такъ какъ оказывается, что Флавіанъ и Евсеій осуждены несправедливо, какъ это видно изъ разсмотрѣнія документовъ и дознаній; также изъ самыхъ словъ нѣкоторыхъ, бывшихъ тогда на соборѣ, и теперь сознающихся, что они заблуждались и напрасно осудили ихъ, ни въ чемъ не согрѣшившихъ противъ вѣры: то намъ кажется справедливымъ и богоугоднымъ, испросивъ предварительное разрѣшеніе у императора, подвергнуть тому же наказанію имѣвшихъ тогда власть и предсѣдательство на соборѣ—Діоскора, Ювеналія, Фалассія, Евсеія, Евстафія и Василия—и святымъ соборомъ, по канонамъ, лишить ихъ епископскаго достоинства и обо всемъ вослѣдовавшемъ довести до свѣдѣнія высочайшей власти. Громкимъ одобреніемъ было встрѣчено епископами предложеніе сената: „это — праведный судъ!“—воскликнулъ соборъ.

Второе засѣданіе не имѣло судебного характера: оно было посвящено изслѣдованію догматическаго вопроса о двухъ естествахъ во Христѣ, о чемъ настойчиво просили сенаторы, говоря: „вы (епископы) дадите отчетъ Богу и за свою душу и за всѣхъ насъ, которые желаемъ, чтобы ученіе о предметахъ вѣры было правильное и всякое сомнѣніе было устранено единомысліемъ и согласнымъ изложеніемъ.“ Путемъ чте-

¹⁾ См. напр. Дѣянія III. 159—164. 171—174 179—180. 186—187. 197—198. 209. 360—364 и др.

нія прежнихъ опредѣленій о вѣрѣ, твореній святоотеческихъ и посланія архіеп Римскаго Льва, отцы собора установили норму или образецъ вѣры по разсматриваему вопросу, отложивъ до слѣдующихъ засѣданій окончательную формулировку своего опредѣленія.

Третье засѣданіе, происходившее въ отсутствіе сенаторовъ, открылось чтеніемъ новой апелляціонной жалобы Евсевія Дорилейскаго на Діоскора — въ защиту себя и умершаго архіеп. Флавіана, — въ которой онъ обвинялъ Діоскора — 1) въ единомысліи съ еретикомъ Евтихіемъ и 2) въ нарушеніи узаконеннаго церковію порядка судопроизводства, выразившемся въ томъ, что — а) онъ не позволилъ ему явиться на Ефесскій соборъ и представить свои доказательства, а равно не позволилъ воспользоваться доказательствами своей правоты и архіеп. Флавіану, и б) внесъ въ соборные акты голоса, которые не были высказаны на соборѣ, принудилъ епископовъ учинить рукоприкладство на неписанной бумагѣ.

По прочтеніи апелляціонной жалобы, Евсевій потребовалъ вызвать въ судъ Діоскора. На это первый нотарій-архидіаконъ Аетій замѣтилъ, что вмѣстѣ съ прочими епископами и Діоскоръ былъ приглашенъ черезъ двухъ діаконровъ къ настоящему судебному засѣданію, но отказался придти на томъ основаніи, будто бы его задерживаетъ стража. По предложенію Пасхазина, отправлены были два пресвитера осведомиться, не находится ли Діоскоръ вблизи собора; но такъ такъ его тамъ не оказалось, то соборъ рѣшилъ сдѣлать Діоскору формальный вызовъ чрезъ трехъ епископовъ, которые взяли съ собой нотарія, дабы онъ съ буквальною точностью записалъ отвѣтъ подсудимаго.

Возвратившись посланные донесли: Діоскоръ отказывается явиться на соборъ, мотивируя свой отказъ тѣмъ, что его задерживаетъ стража и что на соборѣ нѣтъ знатнѣйшихъ сенаторовъ.

Послѣдовалъ второй вызовъ: три епископа вручили Діоскору пригласительную грамоту, въ которой было сказано, что соборъ, оставляя въ силѣ постановленное о немъ въ прежнемъ засѣданіи, намѣренъ теперь заняться изслѣдованіемъ новыхъ обвиненій, выставленныхъ противъ него епископомъ Евсевіемъ. Однако Діоскоръ и на этотъ разъ отказался прид-

ти, отговариваясь отсутствіемъ на соборѣ сенаторовъ и своимъ нездоровьемъ; при этомъ онъ требовалъ, чтобы ему дана была отсрочка и чтобы и другіе пять епископовъ, вмѣстѣ съ нимъ игравшіе главную роль на Ефесскомъ соборѣ, привлечены были къ отвѣту въ качествѣ подсудимыхъ. Одинъ изъ посланныхъ—еп. Кекропій, убѣждая Діоскора послѣдовать соборному приглашенію, указалъ на неосновательность выставленныхъ имъ предлоговъ: „еписк. Евсевій обвиняетъ только твое благочестіе (и никого больше), а потому нѣтъ нужды въ этомъ сообществѣ (остальныхъ 5 епископовъ); справедливость и каноны требуютъ, чтобы оказано было послушаніе и изслѣдовано каноническое дѣло. А при изслѣдованіи каноническихъ дѣлъ не должны присутствовать ни савонники, ни другіе какіе либо міряне, кромѣ только твоей святости, обвиняемой въ собственномъ лицѣ. И такъ, нѣтъ нужды въ медлительности или въ этой отсрочкѣ, если ты хочешь повиноваться Богу и канонамъ, а не усиливать отсрочкою того, что сказано обвинителемъ“.

На это Діоскоръ отвѣтилъ посланнымъ: „я сказалъ, что хотѣлъ; и кромѣ этого ничего сказать не имѣю“.

Когда соборъ выслушалъ донесеніе посольства, обвинитель Евсевій замѣтилъ, что онъ, дѣйствительно, направляетъ свое обвиненіе только противъ одного Діоскора: „пусть Діоскоръ не ищетъ предлоговъ и не принуждаетъ меня обвинять другихъ, кого я не желаю; потому что, хотя бы я и былъ оскорбленъ другими, мнѣ позволительно было сдѣлать обвиненіе на одного, на кого бы я захотѣлъ ¹⁾“.

Въ это время первый изъ нотаріевъ архидіаконъ Аетій доложилъ собору, что нѣсколько лицъ, явившихся изъ Александріи и выдающихъ себя за Александрійскихъ влириковъ, представили обвинительныя записки противъ Діоскора и что въ данное время эти лица находятся у дверей суда и настойчиво просятъ дозволенія войти. Когда, съ разрѣшенія собора, они были впущены, двое изъ нихъ—пресвитеръ Аѳанасій и діа-

¹⁾ Несомнѣнно, что разсуждая такимъ образомъ, епископъ Евсевій стоялъ на точкѣ зрѣнія римскаго процессуальнаго права: *non oportere compelli accusatorem plures reos facere, Hadrianus rescripsit. — Dig. 48. 2. (de accusat) fr. 19. § 2 Fessler. s. 129. Not 3*

конь Исхиріонъ заявили, что ими отправлены жалобы на Діоскора, какъ императору, такъ и сему святому собору. По предложенію папскихъ легатовъ, прочитаны были всѣ имѣющіяся подъ руками нотаріевъ обвинительныя записки противъ Діоскора, именно: діакона Теодора, діакона Исхиріона, пресвитера Аѳанасія и мірянина Софронія, и всѣ онѣ были внесены въ судебныя протоколы. Послѣ прочтенія каждой записки, папскіе легаты, обращаясь къ подателю ея, говорили: если онъ твердо надѣется доказать возводимое на Діоскора обвиненіе, то долженъ заявить объ этомъ собственными устами, ежели не хочетъ, чтобы опредѣленіе каноновъ обратилось противъ него самого. И каждый изъ присутствовавшихъ обвинителей давалъ формальное обѣщаніе доказать обвиненіе ¹⁾.

Затѣмъ, по предложенію еп. Флоренція, рѣшено было — въ третій разъ вызвать Діоскора, какъ этого требуетъ порядокъ церковнаго благочинія. Въ пригласительной грамотѣ соборъ указываетъ на неосновательность прежнихъ отговорокъ Діоскора, называетъ имена новыхъ обвинителей и угрожаетъ, что, въ случаѣ неявки, противъ него будетъ имѣть мѣсто каноническое контумаціальное производство, т. е. послѣдуетъ заочное осужденіе за упорство (*in contumaciam*).

Посланные настойчиво убѣждали Діоскора внять голосу собора: если ты имѣешь чистую совѣсть, говорили они, благоволи прибыть и отвѣчать святому собору... тебя призываетъ соборъ вселенскій и мы вѣруемъ, что онъ будетъ судить такъ, какъ бы предъ Самимъ Богомъ. И такъ, если кажется и что твоя святость знаетъ, что возможно опровергнуть обвиненія, возводимыя на тебя Евсеіемъ и прибывшими нынѣ подателями записокъ, то явись и освободи отъ пятна святыю Божію церковь.

Діоскоръ: каноническая церковь не имѣетъ пятна.

Послы (еп. Іоаннь): преступленіе священниковъ — позоръ для всѣхъ. И такъ, если твоя святость знаетъ, что ты претерпѣешь клевету отъ нѣкоторыхъ, то святыи соборъ недалеко — постарайся изобличить ложь.

Діоскоръ: что я сказалъ, то сказалъ; и этого для меня довольно.

¹⁾ Дѣянiе III. 570. 574. 581—582.

Когда посланные передали собору свою бесѣду съ Діоскоромъ, папскій легатъ Пасхазинъ обратился въ собору съ вопросомъ: такъ какъ Діоскоръ, вызванный въ третій разъ къ отвѣту своимъ обвинителямъ, сознавая себя виновнымъ, презрѣлъ приказаніе придти, то пусть ваша святость объявить собственными устами, чего достоинъ презирающій такимъ образомъ?—Соборъ отвѣтилъ: осужденія, опредѣленнаго канонами противъ непокорныхъ.

Одинъ изъ членовъ собора—еп. Лукіанъ сказалъ: благочестивѣйшимъ отцемъ нашимъ и архіепископомъ Кирилломъ разбиралось дѣло Несторія на св. соборѣ Ефесскомъ; вникнувши въ него, дайте надлежащее опредѣленіе (т. е. чтобы и противъ Діоскора, какъ противъ Несторія, начать былъ формальный процессъ).

На это еп. Квинтъ замѣтилъ: когда Діоскоръ умертвилъ святаго мужа Флавіана, стража православія, онъ ни каноновъ не приводилъ, ни какимъ-нибудь церковнымъ порядкомъ не руководствовался, но осудилъ его, пользуясь собственной властью. А нынѣ все происходило канонически и потому не должно быть загибваемо дальнѣйшею отсрочкою.

Тогда еп. Юліанъ выступилъ съ предложеніемъ: сятые отцы, послушайте! Діоскоръ въ Ефесѣ самъ первый изложилъ несправедливый судъ и всѣ, по необходимости, послѣдовали ему. Нынѣ власть принадлежитъ представителямъ архіеп. Льва и всему святому собору... Такъ какъ вамъ (папскимъ легатамъ) вѣдомо все, что несправедливо учинено въ Ефесѣ Діоскоромъ, который теперь, не смотря на троекратное приглашеніе, не хотѣлъ повиноваться собору, то просимъ вашу святость—произнести надъ нимъ приговоръ и опредѣлить наказаніе, положенное канонами. Весь вселенскій соборъ будетъ согласенъ съ приговоромъ вашей святости.

Папскій легатъ Пасхазинъ еще разъ спросилъ соборъ: опять говорю—что угодно вашей святости?

Маексимъ, еписк. Антіохійскій отвѣтилъ: что угодно вашей святости, съ тѣмъ и мы будемъ согласны.

Тогда папскіе легаты встали со своихъ мѣстъ и произнесли осужденіе на Діоскора: такъ какъ Діоскоръ самовольно, вопреки канонамъ, принялъ въ общеніе единомышленника своего Евтихія, канонически осужденнаго собственнымъ епископомъ Флавіаномъ, не допустилъ прочитатъ посланіе

блаженнѣйшаго папы Льва къ архіеп. Флавіану и даже дерзнулъ произнести на него отлученіе, не повиновался троекратному приглашенію собора—то посему святѣйшій архіеп. великаго Рима Левъ, черезъ насъ и черезъ настоящій соборъ, вмѣстѣ съ треблаженнѣйшимъ и всехвальнымъ Апостоломъ Петромъ, который есть камень и основаніе католической церкви и истинной вѣры, лишаетъ его епископства и отлучаетъ отъ всякаго священническаго сана.

Этотъ приговоръ былъ принятъ и подписанъ всѣми епископами собора, а затѣмъ, чрезъ нѣсколько времени, былъ утвержденъ императоромъ и папою.

Такъ закончился процессъ по дѣлу Евтихія!

З а к л ю ч е н і е.

Каждая страница исторіи свидѣтельствуеъ о томъ, что церковь изначала осуществляла данную ей судебную власть, но ея судопроизводство въ первые три вѣка не получило и, въ силу тяжелыхъ обстоятельствъ жизни церковной, не могло получить надлежащей устойчивости, раздѣльности и правомѣрности: въ немъ, конечно, мы можемъ усмотрѣть и отмѣтить важнѣйшіе моменты, требуемые существомъ всякаго процесса, но не пойдемъ строго опредѣленной, единообразной, по крайней мѣрѣ, во всѣхъ аналогичныхъ случаяхъ, судебной процедуры. Церковное судопроизводство первыхъ трехъ вѣковъ покоилось болѣе на нравственныхъ, чѣмъ на юридическихъ началахъ: кромѣ двухъ Апостольскихъ правилъ (74 и 75), происхожденіе которыхъ притомъ нельзя обозначить точной хронологической датой, въ историко-каноническихъ памятникахъ этого періода мы не видимъ никакихъ формальныхъ предписаній касательно порядка судопроизводства, а равно и постепеннаго движенія суднаго дѣла по разнымъ инстанціямъ. Все это явилось въ періодъ вселенскихъ соборовъ, какъ результатъ или самобытной правообразующей дѣятельности церкви или заимствованія изъ готоваго источника — римско-византійскаго процессуальнаго права. Что же именно должно быть отнесено на долю заимствованій изъ указаннаго источника?

1) въ положительномъ законодательствѣ: если согласиться съ тѣмъ, что правила вселенскаго законодательства, опредѣляющія качества обвинителя, обвиняемаго и свидѣтелей, были только „сообразены съ гражданскими законами того времени“ и что здѣсь церковь пользовалась римскимъ правомъ лишь настолько, „насколько оно представлялось пригоднымъ для точнѣйшей формулировки того, что ей

завѣщено было первооснователями ея права ¹⁾“, хотя детальное сопоставленіе ихъ свидѣтельствуеть о гораздо бѣльшемъ, то во всякомъ случаѣ правила, содержація въ себѣ права и обязанности заинтересованныхъ въ судѣ сторонъ, несомнѣнно-римскаго происхожденія;

2) въ церковно-судебной практикѣ: изъ римскаго процессуальнаго права заимствованы были не только *libellus accusatorius*, судебные протоколы и потаріи, какъ утверждаетъ г. Заозерскій ²⁾, но гораздо болѣе, именно: вся внѣшняя структура предварительнаго производства, юридическія послѣдствія принятія судомъ обвиненія (*nominis receptio*) для той и другой стороны (*reatus*), доказательства чрезъ улики (*per indicia*) и клятву, способъ подробнаго формальнаго допроса свидѣтелей, приемы дѣйствования въ пѣкоторыхъ отдѣльных моментахъ судопроизводства (случаи поручительства и обезпеченія), ограниченіе публичности, усиленіе письменности, внесеніе слѣдственнаго элемента, бѣльшее проиикновеніе судопроизводства виндикаціоннымъ характеромъ, ограниченіе суднаго дѣла тремя судебными инстанціями—все это явилось въ церковно-судебной практикѣ вселенскаго періода, какъ результатъ вліянія римскаго процессуальнаго права.

И что же? Пострадалъ ли отъ этого принципъ независимости церковнаго суда въ подлежащей его компетенціи сферѣ?

Потерпѣлъ ли церковный судъ вообще какое либо умаленіе?

Конечно, нѣтъ. Что удивительнаго въ томъ, что церковь воспользовалась великими плодами изумительной многовѣковой работы римскаго юридическаго гения и потомъ неуклонно послѣдовала узаконенному ею порядку, строго наказывая всякія нарушенія его, если бы эти нарушенія основывались даже, какъ мы видѣли, на повелѣніи императора или уполномоченнаго имъ комиссара (напр. допущенныя Ефесскимъ соборомъ 449 г.). При всѣхъ заимствованіяхъ, церковь не измѣнила своимъ основнымъ началамъ. Пользуясь выработанными римской юриспруденціей процессуальными формами, она вливала

¹⁾ Заозерскій. Церк. судъ. стр 264 и 340.

²⁾ Ibid. стр. 301 и 349.

въ нихъ свой собственный духъ, стараясь согласовать ихъ съ собственными своими цѣлями, по возможности принаровить ихъ къ своему существованію. Церковь не механически, а творчески, какъ живой и саморазвивающійся организмъ, отпосилась къ предлагаемому ей государствомъ юридическому матеріалу, въ виду сооруженія своего собственнаго зданія, и по своимъ собственнымъ плану и мысли. А потому она съ рѣшительностію отвергла все, что противорѣчило ея основнымъ началамъ, шло въ разрѣзъ съ ея собственными цѣлями. Вотъ почему при всемъ сходствѣ, между церковнымъ и римскимъ процессомъ существуетъ глубокое различіе.

Церковный процессъ, несомнѣнно, отличался гораздо болѣею гуманностію, чѣмъ римскій. Въ послѣднемъ имѣло широкое примѣненіе (особенно въ промежутокъ времени между предварительнымъ и главнымъ судопроизводствомъ) такъ называемое—подслѣдственное заключеніе или арестъ, лишающій подсудимаго свободы. Арестъ былъ трехъ видовъ:

1) *Custodia libera*—домашній арестъ, состоявшій въ томъ, что обвиняемый не заключался въ тюрьму, а просто передавался какому-нибудь важному магистрату или одному изъ сенаторовъ, на котораго можно было положиться, и подъ личною отвѣтственностію послѣдняго, проживалъ въ его собственномъ домѣ.

2) *Custodia militaris*—онъ введенъ былъ въ началѣ правленія императоровъ для лицъ, обвинявшихся въ болѣе или менѣе тяжкихъ преступленіяхъ и состоялъ въ томъ, что обвиняемый передавался обыкновенно двумъ солдатамъ (въ рѣдкихъ случаяхъ—публичнымъ рабамъ), которые, подъ строгою отвѣтственностію, обязаны были представить арестованнаго въ судъ по первому требованію его. Иногда арестованному давалась значительная свобода, такъ что, подъ присмотромъ солдата, онъ могъ занимать свои обыденными дѣлами. Но въ большинствѣ случаевъ дѣло обстоило иначе: руки арестованнаго сковывались и притомъ такъ, что правая рука его приковывалась къ лѣвой рукѣ одного солдата, а лѣвая къ правой—другаго.

3) *Custodia publica*—самый употребительный видъ ареста, такъ что первые два вида представлялись только исключеніями. Онъ состоялъ въ томъ, что подсудимый заключался

въ общественную тюрьму, которая сначала находилась подъ надзоромъ спеціального чиновника, производившаго арестъ,— *commentariensis*, а со времени Юстиніана—подъ надзоромъ епископовъ.

По римскимъ законамъ арестъ допускался по отношенію ко всѣмъ лицамъ, за исключеніемъ женщинъ и зватныхъ (*illustres*), во всякое время и всюду—даже ночью и въ собственномъ жилищѣ обвиняемаго; правомъ убѣжища пользовались только храмы и статуи императоровъ.

Только въ исключительныхъ случаяхъ арестъ могъ быть замѣненъ отдачею на поруки, при чемъ поручитель обязывался внести опредѣленное обезпеченіе, котораго лишался въ случаѣ побѣга обвиняемаго, если (по Юстиніанову праву) въ теченіе шестимѣсячнаго срока не представитъ бѣжавшаго въ судъ ¹⁾.

Кромѣ ареста, римскимъ процессуальнымъ правомъ въ широкихъ же размѣрахъ допускалась пытка и не только въ отношеніи къ рабамъ, но и къ свободнымъ (по крайней мѣрѣ—низшаго класса) для подкрѣпленія данныхъ ими свидѣтельскихъ показаній или какъ средство—добиться истины ²⁾.

Указанныя насильственные мѣры—арестъ и пытка—не могли, конечно, получить никакого значенія предъ церковнымъ форумомъ: истинно-церковный судъ не знаетъ этихъ мѣръ. Церковь всегда съ высокимъ уваженіемъ относилась къ личности подсудимаго и свидѣтелей: кто бы они ни были, она видѣла въ нихъ прежде всего своихъ членовъ.

Правда, въ церковно-судебной практикѣ вселенскаго періода мы можемъ найти примѣры ареста и примѣненія разныхъ насильственныхъ мѣръ. Такъ, пресвигерь Макарій, обвинявшійся на Тирскомъ соборѣ (335 г.) вмѣстѣ съ св. Аеанасіемъ, содержался въ тюрьмѣ, пока производилось слѣдствіе въ Мареотидѣ ³⁾; св. Кирилъ и Мемнолъ, несправедливо обвиненные отдѣлившимся отъ Ефесскаго собора (431 г.) Іоанномъ Атіохійскимъ, взяты были подъ стражу ⁴⁾; дѣянія

¹⁾ Geib. S. 288. 560—569.

²⁾ Geib. S. 634—643; Gottschalk. S. 189—191.

³⁾ См. у Фесслера. S. 39.

⁴⁾ Дѣянія.. I. 809—910. 882. 306.

Тирскаго собора (448 г.) по дѣлу Ивы, еп. Едесскаго, даютъ основанія заключать, что какъ Ива, такъ и его обвинители, до суда находились подъ надзоромъ трибуна Дамаскія ¹⁾; въ обвинительной запискѣ архимандрита Василія и прочихъ монаховъ противъ Несторія говорится: „то, что мы претерпѣли, для многихъ, слышащихъ объ этомъ, можетъ показаться невѣроятнымъ... судейская прислуга подъ ударами отвела насъ въ судилище. Здѣсь, обнаживъ и оковавъ насъ, какъ подлежащихъ наказанію, заклеямили, растянули и били пятами... послѣ этого, предали насъ знатнѣйшему начальнику великоименитаго города (Константинополя) и оковавшихъ желѣзомъ отвели въ темницу; потомъ точно также въ оковахъ повели въ преторій; но такъ какъ не было ни одного обвинителя, то опять подъ стражею отвели насъ въ судилище; здѣсь онъ (Несторій) снова мучилъ насъ, бивъ по лицу“ ²⁾... Мало этого; въ исторіи Прискиллианистовъ мы видимъ примѣръ крайней жестокости, допущенной судомъ, именно: осужденные церковію (въ 384 г.) еретики, *по настоянію нѣкоторыхъ епископовъ* (особенно Итація, Магна и Руфина) были подвергнуты не только всякаго рода истязаніямъ, но даже *смертной казни*. Это—первый въ исторіи церкви примѣръ кроваваго суда надъ еретиками!

Однако церковь въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей строго осуждала всѣ эти мѣры. Великій ревнитель православія Юлій, папа Римскій, оправдавшій св. Аѳанасія, писалъ по поводу дѣяній Тирскаго собора: „Аѳанасій утверждалъ, что Макарій въ Тирѣ былъ подъ воинскою стражею, а обвинитель одинъ пошелъ съ отправлявшимися въ Марсеоть... сему сначала мы не повѣрили, пока не было доказано изъ судебныхъ записей и подивились мы этому; я думаю, дивитесь и вы, возлюбленные... *суды церковныя не по Евангелію уже производятся, возлюбленные, но домогаются заключеній и смерти*“ ³⁾... Халкидонскій соборъ, какъ мы видѣли, низложилъ Діоскора за притѣсненія, допущенныя имъ на Ефес-

¹⁾ Дѣянія... IV. 187—188.

²⁾ Дѣянія... I. 469—470. Сп. 872. IV. 262—263 и др.

³⁾ Защитительное слово противъ аріанъ—въ твор. св. Аѳанасія. 231 и 236 стр.

скомъ соборѣ (449 г.) противъ епископовъ и за то, что онъ производилъ разбирательство дѣла въ присугствіи воинской стражи. Тотъ же соборъ не счелъ нужнымъ даже и отвѣчать на предложеніе обвинителей Дюскора заключить послѣдняго подъ стражу. Св. Мартинъ Турскій, Амвросій Медиоланскій и папа Сирицій, глубоко возмущенные приговоромъ Прискиллианистовъ къ смертной казни, выступили съ грознымъ обличеніемъ.

Такимъ образомъ,—къ аресту, къ мѣрамъ насилія и жестокости чаще всего прибѣгали лица, забывшія великую задачу папства, зараженные себялюбивыми желаніями или одержимыя чуждымъ церкви духомъ партійности. Горячій протестъ по этому поводу истинныхъ пастырей церкви свидѣтельствуетъ о томъ, что указанные примѣры не создали и не могли создать общеобязательной церковной нормы (какъ это мы видимъ въ римскомъ процессѣ относительно ареста и пытки), а представляли собою только печальные эксцессы, достойные глубокаго сожалѣнія, но возможные во всякомъ члвчскомъ обществѣ.

Но особенно ярко проявляется высоко-гуманный духъ церковнаго процесса, отличающій его отъ процесса римскаго, въ томъ, что здѣсь обвиняемый имѣетъ полную возможность получить вмѣсто наказанія—прощеніе, это зависитъ отъ его собственной воли: раскайся въ содѣянное преступленіе сокрушеннымъ сердцемъ, обновись духомъ правымъ, обратись къ пастырямъ церкви съ мольбою о помилованіи—формальное судопроизводство приостановлено будетъ и послѣ искуса, доказывающаго искренность твоего раскаянія, ты снова будешь введенъ пастырями во дворъ овчій. Каждая страница актовъ вселенскихъ соборовъ зоветъ обвиняемаго къ такому раскаянію, къ такому обновленію духа; каждая страница дышетъ любовію, съ которою церковь въ лицѣ своихъ предстоятелей готова снова принять къ себѣ раскаяннаго подсудимаго. „Если остается еще надежда, пишетъ папа Целестинъ св. Кириллу, что онъ (Несторій), сознавъ свою вину, исправится, мы хотимъ, чтобы онъ обратился и былъ живъ“. Если онъ (Евтихій), говоритъ папа Левъ архіеп. Флавіану, искренно и лицемѣрно кается и сознаетъ, хотя бы и поздно, какъ справедливо подвиглась противъ него власть епископская, или если онъ, для полнаго оправданія, осудитъ всѣ свои худыя

мысли и устно, и собственноручною подписью: то милосердіе къ исправившемуся, какъ бы оно ни было велико, не будетъ предосудительно. Ибо Господь нашъ, истинный и добрый пастырь, душу свою полагавшій за своихъ овецъ, и пришедшій спасти души человѣческія, а не погубить, хочетъ, чтобы мы были подражателями Его человѣколюбія, т. е. *чтобы со-грѣшающихъ обуздывала правда, а обратившихся не от-таживало милосердіе* ¹⁾. Еп. Диктиній, зараженный прискилліанскою ересью, былъ возстановленъ въ прежне достоинство соборомъ Толедскимъ (400 г), послѣ того какъ обратился къ судьямъ со слѣдующею покаянною рѣчью: „выслушайте меня, милостивые пастыри, и простите за все—вамъ дано право на такое прощеніе, ибо написано: вамъ даны ключи царства небснаго (Мѡ. XVI. 19); и потому я прошу у васъ открыть для насъ (подсудимыхъ-прискилліанистовъ) это царство, а не врата ада. Все это, если только мы достойны, зависитъ отъ вашего усмотрѣнія. И упрекаю себя теперь за то, что прежде говорилъ,—будто божество и человѣчество во Христѣ одной природы; прося вашего прощенія, я порицаю и осуждаю свою излишнюю гордость собственными сочиненіями. Богъ-свидѣтель, что я теперь исповѣдую истинную вѣру и если ранѣе согрѣшилъ, простите. Еще разъ повторяю, что все, написанное въ періодъ до своего обращенія, я отвергаю искренно—отъ всего сердца. Все, что говорится противъ Никейской вѣры, предаю анаемѣ вмѣстѣ съ лицомъ, говорящимъ это“. На томъ же соборѣ приняты были въ церковное общеніе и возстановлены въ прежнее достоинство епископы—Симфозій, Патернъ, Вегетинъ и пресвитеръ Комазій, послѣ того какъ и они, вслѣдъ за Диктиніемъ, раскаялись въ своемъ заблужденіи и произнесли анаему на Прискилліана и его нечестивое ученіе ²⁾. Ива, еписк. Едесскій, искренно раскаявшійся въ своемъ заблужденіи и произнесшій анаему на Несторія, былъ возстановленъ въ прежнее достоинство и формальное судопроизводство надъ нимъ прекратилось ³⁾.

¹⁾ Дѣянія I. 369. III. 530—531 и мн. др.

²⁾ Подробнѣе о Прискилліанистахъ и отношеніи къ нимъ церковной власти—См. нашу брошюру. «Прискилліанъ и Прискилліанистъ» Казань 1900 г

³⁾ Дѣянія IV. 240—246.

Точно также поступилъ VII вселенскій соборъ со многими епископами-иконоборцами, послѣ того какъ они обратились къ собору съ неоднократнымъ воззваніемъ: „всѣ мы согрѣшили, всѣ просимъ прощенія“ ¹⁾. Самый приговоръ осужденія церковь произносила всегда съ глубокою скорбію, съ душевною болью—„воздыхая и оплакивая совершенную погибель“ осужденнаго ²⁾.

Такъ ли было въ римскомъ процессѣ?—Какъ бы ни раскаявался подсудимый въ преступленіи, за которое онъ преданъ суду, все равно—магистратъ, сенатъ, делегированный императоромъ чиновникъ etc. могли развѣ только нѣсколько смягчить наказаніе, но не совершенно освободить отъ него ³⁾. Правда, императоръ могъ выступить съ реституціей или помилованіемъ, которымъ приговоренному къ наказанію возвращались его политическія и гражданскія права, но во 1) какъ бы часто ни практиковалась эта мѣра, все же она была явленіемъ экстраординарнымъ, наблюдавшимся преимущественно при вступленіи на престолъ новаго императора, а 2) эта мѣра ни въ какомъ случаѣ не освобождала помилованнаго отъ инфаміи, а въ большинствѣ случаевъ даже не возвращала ему нѣкоторыхъ семейственныхъ и имущественныхъ правъ ⁴⁾.

Въ этомъ различіи между церковнымъ и римскимъ процессомъ и сказалась вѣрность церкви основнымъ началамъ своего судопроизводства. Если теперь въ институтѣ церковнаго суда съ ббльшею ясностію, чѣмъ въ первые три вѣка, выступаетъ его карательный характеръ, то вѣдь это было неизбѣжнымъ требованіемъ духа времени: христіане послѣдующихъ вѣковъ утратили ту чуткость къ впушеніямъ совѣсти и требованіямъ нравственной жизни, которою отличались первенствующие христіане, такъ что теперь чаще, чѣмъ прежде, нужно было примѣнять карательныя мѣры.

Г. Заозерскій отмѣчаетъ указанное различіе между церковнымъ аккюзаціоннымъ и римскимъ уголовнымъ процессомъ.

¹⁾ Дѣянія VII. 73—112. Ст. 124—126.

²⁾ Ibidem III. 291.

³⁾ Geib. S. 657—664.

⁴⁾ Geib. S. 673—675.

„Тѣ, говоритъ онъ, которые обращаютъ вниманіе на второстепенное въ древнемъ церковномъ судѣ—формальности его производства, имѣющія дѣйствительно сходныя черты съ римскимъ обвинительнымъ судопроизводствомъ,—забываютъ, или намѣренно опускаютъ изъ вниманія, внутренній характеръ и назначеніе, по которому одно и тоже, по внѣшности, требованіе мотивируется совершенно иначе. Церковный судъ сохранилъ свой основной характеръ дѣла Божія—*res Dei* и въ V вѣкѣ, когда усвоилъ въ свое производство нѣкоторыя черты римскаго обвинительнаго процесса, сохранилъ и свое назначеніе служить торжеству любви и мира въ отношеніяхъ членовъ церкви. Со всею строгостію и нещадно карая преступленіе и упорныхъ, неисправимыхъ грѣшниковъ, церковный судъ въ тоже время со всею снисходительностію относится къ лицу согрѣшившаго, но показывающаго расположеніе къ обращенію. И если тамъ, гдѣ церковный соблазнъ требуетъ для его пресѣченія строгой кары, судъ церкви отлучаетъ и извергаетъ изъ сана недостойныхъ ея членовъ и служителей: то тамъ, гдѣ есть возможность примирить между собою тяжущихся и враждующихъ сдѣлать друзьями,—онъ съ отеческою ревностію испытываетъ надъ ними предварительно всѣ мѣры увѣщанія, терпѣнія и любви и потомъ уже отлучаетъ“¹⁾ Къ сожалѣнію, г. Заозерскій пришелъ къ такому выводу путемъ напрасныхъ и совершенно непонятныхъ усилій ступешать дѣйствительное сходство между тѣмъ и другимъ процессомъ, путемъ замалчиванія тѣхъ услугъ, которыя римская юриспруденція оказала церкви въ дѣлѣ организаціи ея судопроизводства.

Исслѣдователю, интересующемуся дальнѣйшей судьбой церковнаго процесса, придется обратиться главнымъ образомъ на Западъ, гдѣ процессульное право имѣло очень длинную и интересную исторію. Это объясняется исключительнымъ значеніемъ, какое получило римское право въ Западной церкви: въ новыхъ германскихъ государствахъ, основанныхъ послѣ великаго переселенія народовъ, вошло въ силу положеніе, по которому влирики должны были жить согласно римскому праву²⁾. Пользуясь римскимъ правомъ, Западная

¹⁾ Церковный судъ 348—349 стр.

²⁾ Savigny Geschichte des Romisch. Rechts. B. I. § 40; Molitor S. 45.

церковь взяла оттуда всю внѣшнюю организацію своего устройства: по образцу абсолютной монархіи римскаго императора тамъ создавалась абсолютная монархія папы, какъ намѣстника Христа и потому Западная церковь, замѣчаетъ Готтшалькъ, можетъ быть разсматриваема какъ своего рода продолженіе римской имперіи подъ именемъ „священнаго римскаго государства“¹⁾.

Подъ вліяніемъ римскаго права и отчасти германскихъ юридическихъ воззрѣній въ каноническомъ правѣ Западной церкви были выработаны самыя разнообразныя формы процесса, оказавшія значительное вліяніе на свѣтское процессуальное право западно-европейскихъ государствъ²⁾.

Изученіе всѣхъ этихъ формъ церковнаго процесса на Западѣ, съ цѣлю надлежащаго уясненія тѣхъ наслоеній и измѣненій, которыя потерпѣли начала вселенскаго судопроизводства подъ вліяніемъ юридическихъ воззрѣній—римскихъ и національныхъ западно-европейскихъ, дастъ канонисту богатый и глубоко-интересный матеріалъ.

¹⁾ Gottschalk цит. соч. s. 3

²⁾ München. Цитов. соч. соотв §§; Richter. Lehrbuch . § 126; Schulte-Lehrbuch des Katolisch. Kirchenrechts. 1863. § 95 Суворовъ Курсъ. II § 145.